

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

Апсны,

ОБИТЕЛЬ ДУШИ МОЕЙ...

Москва
«Вест-Консалтинг»
2015

Владимир Делба.

Апсны, обитель души моей... —

М., «Вест-Консалтинг», 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-91865-354-8

В оформлении переплета книги использована картина художника Саида Возба.

© В. Делба, текст, 2015

© А. Воуба, дизайн, идея, 2015

© Е. Чиганчикова, оформление переплета, 2015

© «Вест-Консалтинг», верстка, макет, 2015

В книге, которую вы держите в руках, автор попытался рассказать несколько интересных, на его взгляд, историй из жизни сверстника, земляка, типичного представителя своего поколения. Образ героя скорее собирательный, у него нет конкретного прототипа. Но, в то же время, он не выдуман, ибо наделен чертами реальных людей из окружения автора. И сюжеты повествований, в целом, реальны. А фрагменты некоторых историй – автобиографичны.

Так что будут, очевидно, узнаваемы читателями те или иные персонажи, введенные автором в канву текста.

Для автора, как и для героя, с кем бы ни сводила их и куда бы ни забрасывала судьба, важным оставалось звучание той самой ностальгической струны, часто не дающей спать ночами. Которая, стоит только прислушаться на секунду к ней, возвращает мысленно в тот прекрасный мир седых гор, солнца, моря, любви и дружбы, имя которому – Абхазия.

В удивительный мир детства и юности. Сотканный из улыбок, смеха и тонкого юмора. Мир интересных книг, джазовой музыки и итальянского кино. Цветущей мимозы и созревающей хурмы, молодого вина, шумных веселых застолий с соблюдением традиционных ритуалов, с обязательными народными танцами и волшебным песенным многоголосием.

С неспешным течением бесконечных разговоров о смысле жизни, о свободе творчества, о величии каждой человеческой личности.

Со смакованием, под шелест морских волн, кофе «по-сухумски» на «верхней палубе», или «верхотуре», как называли тогда террасу второго этажа ресторана «Амра».

Среди ярких личностей постоянно фронтирующей интеллектуальной элиты, нуждавшейся в свободном общении, невзирающей на национальные, социальные, возрастные или религиозные различия.

И автор в очередной раз с восхищением и любовью снимает шляпу и преклоняет колено перед добрыми и гостеприимными, шумными и веселыми, мужественными и стойкими, талантливыми своими земляками.

Книга эта, как и предыдущие, конечно, никогда не увидела бы свет без их участия и поддержки.

*Контур неясный синеющих гор,
Звезд беспристрастных балет.
Космоса синий безбрежный простор
Рифмой рисует поэт.*

*Магия – кобальта синего цвет,
В синюю Вечность окно,
Зимний, прозрачный и зябкий рассвет,
Терпкое в кубке вино.*

*Словно рисунок дрожащим пером,
Стих продолжает поэт.
В новом пространстве и в цвете ином
Призрачен твой силуэт.*

*Звездной синкопой, аккордами струн
Над мирозданьем парит.
Краскою синей, как пенный бурун,
Мастер великий творит.*

*Плавятся в тигле индиго года,
Синью окрашена даль.
И у дороги пустынной всегда
Синяя бродит печаль.*

*Строки ложатся, как кисти мазки.
В дымке пустынныи причал,
Синие кони у синей реки.
Детство. Начало начал.*

*И только здесь, в этой синей тишии,
Я обретаю покой.
Мост перекинут в Обитель души,
Я возвращаюсь домой.*

Часть Первая

КОНТУР НЕЯСНЫЙ
СИНЕЮЩИХ ГОР

Воздух в комнате остыл, и Андрею стало зябко под тонким шерстяным пледом. Очевидно, прохладный воздух и явился причиной раннего пробуждения.

Совершенно темный объем, внутри которого он находился, был заполнен, казалось, густой черной краской. Но в его случае темнота не действовала угнетающе, как часто бывает, а совсем наоборот, была приятной и даже уютной. И дышалось здесь очень легко. Некоторое время, как часто бывает после глубокого, но неожиданно прерванного сна, ему пришлось соображать, где он находится и что скрывает окружающая темнота. Сознание, как понтонный мост, собираемый частями, постепенно выводило из черноты сна в реальность. Вспомнился вчерашний день, занесенная снегом, морозная Москва, аэропорт Внуково, удобное кресло комфорtabельного ТУ-154, словоохотливый, веселый таксист-армянин, лихо домчавший пассажира из Бабушер в город.

Андрей улыбнулся. Всё встало на свои места.

Спать больше не хотелось.

Тем временем сквозь стекла закрытого окна, в комнату, просачиваясь между не полностью сдвинутыми шторами, беззвучно вползал призрачный свет нового дня. Комната как будто плыла в полумраке, в некоей рассветной туманной взвеси, размывающей контуры всего, что было вокруг: мебели, домашней утвари, фотографий в рамках на стенах.

Сон полностью отступил, но и подниматься так рано было незачем. Андрей щелкнул выключателем торшера, стоящего у кровати. Но ничего не произошло. Ну конечно, подумал он, выбило пробки, отклю-

чился масляный электрический радиатор, поэтому и стало холодно. Вставать же и разбираться в темном коридоре со щитком Андрей счел делом муторным. Можно заняться этим и позже.

Город еще спал, досматривая, очевидно самые сладкие рассветные сны. Во всем доме царила тишина. Так могло показаться, по крайней мере.

На самом деле дом, все квартиры, подвалы и чердаки жили своей личной, независимой от людей, жизнью. И прислушиваясь к дому, Андрей понимал, что кажущаяся власть тишины была не такой уж бесспорной и незыблемой.

Слабый ветер постоянно менял направление. Когда он дул с моря, приходила в странное вибрирующее движение кровельная жесть. Причем звуки, возникающие при вибрации, выстраивались в негромкую, необычную, космическую какую-то мелодию. Ветер же со стороны гор заставлял испуганно и нервно хлопать вывешенное в лоджиях соседское белье. Да и сама квартира была наполнена знакомыми, привычными со времен детства звуками. Неясное шуршание доносилось из кухни. Вероятно, за обшивкой стены возилась неутомимая в своей суете мышь. Уютно потрескивали рассохшиеся полы из сибирской лиственницы, былая гордость отца.

Когда-то, в эпоху тотального дефицита советских времен, пришлось тому приложить немало сил, употребив весь свой авторитет и родственные связи, чтобы получить квоту на приобретение заветного пиломатериала. Отец не мог нарадоваться, его распирала

гордость, когда он с удовольствием демонстрировал родственникам, друзьям и соседям сверкающую под толстым слоем паркетного лака удивительную фактуру северного дерева.

Но, увы, влажный черноморский климат сыграл с лиственничными полами коварную шутку. Спустя несколько месяцев доски стали рассыхаться, появились щели, лак пожух, потрескался и покрылся сетью мелких трещин, напоминающих кракелюры на ста-ринных живописных холстах. Какое-то время отец ходил расстроенный, очень переживал, но, в конце концов, махнул рукой.

Что касается Андрея, то ему как раз очень нравился теперешний вид полов. Он считал, что полы «одомашнились», вписались в интерьер, стали естественными и уютными. Исчез былой мертвенный блеск лака, напоминавший Андрею ледяную поверхность катка.

И запахи квартиры были те же, что и много лет назад, в другой, по сути, жизни, когда Андрей был мальчиком, когда был жив отец, а мама была молодой и удивительно красивой. Отец и сам выделялся среди других мужчин своим ростом, приятными чертами лица, статью и врожденным интеллектом, подпитанным огромным количеством прочитанных, тщательно подобранных, книг.

И тогда и сейчас гулял по квартире удивительный аромат засушенных цветов, горного меда и пахучих специй, которые постоянно присыпала или привозила бабушка Тереза. Пропитавший за долгие годы бумажные стенные обои, занавески и обшивку мебели.

Тот же легкий аромат исходил и от книг отцовской библиотеки, коими были заняты все шкафы, стеллажи и полки, занимавшие все мыслимое и немыслимое пространство на стенах и на полу квартиры.

В детстве Андрей очень любил, с благоговением каким-то, бережно брать из шкафа или с полки очередной тяжелый, приятно пахнувший фолиант, и, усевшись тут же на полу, на коврике, подолгу листать страницы. На многих из них были карандашные заметки, сделанные беглым, но красивым отцовским почерком.

Уже в зрелом возрасте не переставал Андрей восхищаться трудоспособностью отца, его неистовой жаждой к знаниям. И конечно, его охватывало чувство гордости, что отец, обычный деревенский парень, из крестьянской семьи, стал ученым, одним из образованнейших людей Абхазии.

В глубочайшем почтении склонял внуку голову перед памятью деда Корсантела, который, будучи неграмотным сам, сделал все, чтобы сыновья получили достойное образование.

Поразительно, но запахи эти никуда не исчезали, хотя, по сути дела, в квартире уже несколько лет никто постоянно не жил.

Переезжая с Андреем в Москву после смерти отца и второго замужества, мама предложила уступить квартиру кому-нибудь из многочисленной отцовской или своей родни. Но предложение принято не было. Никто здесь так и не поселился, однако, когда бы ни появлялся в Абхазии Андрей, а он любил часто делать это без предупреждения, внезапно, в квартире был привычный порядок и идеальная чистота.

А на кухне всегда обнаруживался запас, причем регулярно обновляемый, молотого кофе, чая и сахара. Когда же родственники узнавали о приезде заранее, они еще и загружали, под «завязку», различными вкусностями старенький, повидавший виды холодильник. Включенный в сеть, он обычно встречал законных хозяев радостным и уютным урчанием.

Андрей с грустной улыбкой вспоминал редкие вечера, которые он называл «музыкальными салонами». Дело в том, что отец всю свою недолгую жизнь был страстно влюблен в маму. Но жесткое традиционное абхазское воспитание в соответствии с кодексом поведения «Апсуара» не позволяло оказывать жене знаки внимания на людях. Не позволялось быть нежным с супругой даже при их сыне.

Но иногда отец, крепкий физически и умеющий «держать удар» в смысле винопития, всё же возвращался домой, после каких-то обязательных застолий, слегка навеселе.

Тогда в кодексе поведения возникала, видимо, небольшая брешь, программа давала сбой, и наружу выходило то, что обычно держалось под спудом. В эти редкие вечера отец нежно обнимал маму за плечи, целовал, слегка смущаясь, в щеку и просил поиграть на пианино. Мама садилась за инструмент, и звучали, слышные далеко за пределами квартиры, минорные аккорды старинных мелодий. Отец замолкал, застывал в кресле, внимательно слушая музыку, не отрывая повлажневшего взгляда от тонких и грациозных маминых рук, будто порхающих над клавишами.

А порой просил наиграть лезгинку и, держа ровно спину, сводил руки на воображаемом кинжале, будто был одет он в черкеску. А затем удивительно легко и невесомо летел, почти не касаясь пола, по кругу, в стилистике абхазского танца...

От восхищения у Андрея перехватывало дыхание, глаза становились предательски влажными, он замирал, забившись куда-нибудь в угол, из боязни смутить родителей. Мечтая лишь о том, чтобы редкие эти, волшебные минуты длились как можно дольше.

Тем временем, продолжало светлеть небо, наступал новый день, заполняя квартиру странным непривычным светом. Как будто кто-то щедро добавил желтой краски в ту самую мутную серую взвесь туманного утра.

Андрей, поеживаясь, поднялся, натянул слегка отсыревшую за ночь водолазку, раздвинул шторы и широким распахнул окно.

И почудилось на миг, что стоит он на мостице корабля, а может, в рубке подводной лодки, плывущей в непрозрачных и одновременно искрящихся водах диковинной желтой реки. Был желт и почти неразличим начинаящийся прямо от дома склон горы, покрытый в любое время года буйной вечно зеленой растительностью, не видны были старые живописные особняки былых времен, прилепившиеся, то там, то тут, к склону. С трудом угадывалась на этом желтом живописном холсте обычно серая асфальтовая дорога, круто уходившая вверх, к вершине.

Андрей, конечно, знал, кто тот волшебник, погрузивший сонный город в желтую сказку. Но пронзительное желание побыть еще в этой самой сказке, переместиться во времени в счастливое и безмятежное детство свое, удерживали его на стыке реальностей, как бы между двух измерений. Не позволяя пока вписать в клеточки придуманного, не существующего на самом деле кроссворда правильный ответ.

И он, как опытный морской волк, продолжал вести свою, то ли каравеллу, то ли субмарину, упиваясь восторгом и радостью.

Город же, на самом деле, как огромный корабль, медленно плыл в нежной желтой дымке мимозового тумана. Ибо склон горы был укрыт плотным покрывалом, сотканным из желтых, пушистых шариков мимозы.

Веточки деревьев, как живые, двигались в ритме загадочной мелодии, заданном невидимым Дирижером. И слышался, помимо неясных звуков музыки, тихий шепот, будто вели деревья между собой восторженный, неспешный доверительный разговор. И казалось, что не соцветия это, а сонм крохотных, только, только вылупившихся из яичной скорлупы, любопытных и суетливых желтых птенцов.

Андрей с детства считал цветение мимозы чудом.

Когда-то, совсем маленьkim, но уже знающим азбуку, прочел по слогам, в толстом журнале, лежащем на отцовском столе, фразу – «семь чудес света». Дождался отца и с ходу выпалил:

– Что еще за чудеса? Расскажи! Ну, пожалуйста.

— Просто рассказать о семи чудесах невозможно, — ответил отец. — Их надо видеть. Потерпи до завтра. Я после работы зайду в библиотеку и поищу там рисунки.

— А почему рисунки, а не фотографии? — не унимался Андрей.

— Потому что они не сохранились, памятники, называемые чудесами света, их давно разрушили, кроме одного. Но потерпи же до завтра.

Вечером следующего дня отец принес несколько больших альбомов с цветными рисунками. Усадил мальчика на колени и обстоятельно рассказал про каждый изображенный памятник.

Странно, но, ни живой, образный рассказ, ни яркие цветные иллюстрации чудесных творений рук человеческих, не произвели на сына должного впечатления. Ни Великие египетские пирамиды, ни Галикарнасский Мавзолей, ни Александрийский маяк не вызвали тех эмоций, которые обещала интригующая фраза, набранная крупными буквами на журнальной странице.

Единственное, что запало в душу, так это — «Висячие сады Семирамиды», причем не столько рисунок, сколько мелодичное поэтическое название.

— Ви-ся-чие сады Семи-ра-ми-ды! — Долго потом повторял про себя Андрей.

В конце концов, забыл он о том мимолетном интересе к заинтриговавшей его фразе.

Вновь о висячих садах Андрей вспомнил спустя несколько лет.

Недавно завершилось строительство грандиозного паркового комплекса на Сухумской горе. Раньше, неофициально, ее называли горой Чернявского, в честь известного ученого-зоолога, местного краеведа, сделавшего много для изучения природы и истории края. Здесь же, на горе он и жил, на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, построив небольшую дачу.

Гора была невысокой, со скучной растительностью, за что и была прозвана жителями города – Лысой.

Парк преобразил гору. Из пыльной, коричневой и невзрачной, она превратилась в Эдем. Поговаривали, что при озеленении территории выложили сотни тысяч квадратиков дерна. Вручную. Над идеально асфальтированной дорогой, ведущей к вершине, нависали кроны экзотических вечнозеленых деревьев, специально привезенных из дальних стран, и кусты самшита. В верхней части горы радовали глаз молодые еще, только, только высаженные в грунт, голубые и серебристые ели.

Собирались построить подъемник, фуникулер, но, видимо, не хватило денег.

Теперь комплекс стал называться горой имени товарища Сталина. Это уже во времена Хрущева гору именовали просто – Сухумской.

Забавно, что, хоть подъемника не было, местные жители упорно называли гору и парк – Фуникулером. Видимо, была некая магия в незнакомом ранее, иностранном этом слове. Да и сам парк стал очень популярен. Каскады лестниц из белого известняка, фонтаны, кинотеатр, ажурный павильон ресторана

в псевдоклассическом стиле на вершине горы. Это и вправду впечатляло.

В тот самый вечер отец взял Андрея и маму на прогулку именно в парк на Сухумской горе. Для сына это было приятно вдвойне. Он обожал гулять с родителями. А еще ему очень нравилась архитектура Фуникулера.

Тогда что-то произошло с освещением. На несколько минут вдруг погасли все фонари. Но продолжали ярко светить прожектора фонтанов и люстры ресторана.

Зрелище завораживало! Темень полностью поглотила очертания горы. Призрачноискрился под луной белый камень монументальной лестницы, ведущей, казалось, из Ниоткуда в Никуда. И будто парили в воздухе, как подвешенные, ярко освещенные фонтаны со сверкающими струями воды и павильон ресторана. И где то там, далеко внизу, уютно перекликались между собой мигающие, как майские светлячки, огни города.

– ВИСЯЧИЕ САДЫ СЕМИРАМИДЫ! – восхищенно произнес Андрей.

Так, Первым из Чудес Света стал для него Фуникулер, парк на Сухумской горе.

Вторым, безусловно, был светящийся шпиль Виллы Алоизи.

Этот величественный особняк, построенный купцом Иоакимом Алоизи в начале двадцатого века в экзотическом стиле, напоминающем мавританскую архитектуру, имел, как говорили местные жители,

особый секрет, неразгаданную тайну. Диковинные башенки дома были видны издалека, ибо стоял он высоко, на подножье горы Чернявского, той самой, где позже и был разбит парк Фуникулер.

Секретом же, загадкой было небольшое утолщение в верхней части шпиля одной из башен, венчающей здание. Ночами эта архитектурная деталь светилась. Тусклым, неярким светом, видимым только с одной точки в центре перекрестка рядом с Виллой. Неизвестно, из чего был изготовлен шпиль, но внутреннего источника света в нем точно не было. Можно было предположить, что свет отраженный.

Неуемные сухумчане неоднократно пытались исследовать загадочное явление при разных внешних условиях. Но свечение упорно обнаруживалось и в безлунные ночи, когда небосвод был плотно затянут облаками, и тогда, когда отключали все ближайшие уличные фонари, то есть когда не было чему отражаться.

В конце концов, чтобы поставить точку, «исследователи» официально объявили таинственное свечение чудом.

Цветущая мимоза была, наверное, Третьим Чудом Света.

А Четвертым можно было смело считать абхазскую осень, когда в кристально чистом, прозрачном воздухе, на фоне гор, подернутых синей дымкой, то там, то тут, загораются магическим оранжевым светом, как китайские фонарики, плоды несобранной еще хурмы.

Когда давят виноград и витает над селами густой, ароматный дух, а во всех домах гостей уже угощают мутным, сладким и пенистым мачаром. Молодым вином нового урожая, неперебродившим пока, но уже хмельным и оттого коварным.

Когда в селах и городах ставят огромные брезентовые шатры, накрывают столы, приглашая сотнями гостей из всех частей Абхазии, и играют пышные и веселые свадьбы.

При желании счет можно было продолжить, но и этих Четырех Чудес было достаточно Андрею, так как самым Главным Чудом Света была для него Абхазия, его Родина, которую он искренне любил с детства.

С возрастом любовь эта только усиливалась. Детская интуитивная восторженность красотами Абхазии, устоями, традициями, обычаями живущих здесь людей, их доброжелательностью и гостеприимством, уступала место не менее восторженному, но осознанному пониманию происходящего вокруг.

Эта земля была землей его предков, и сам он был плоть от плоти её.

Живя последние годы в Москве, вдали от Абхазии, он остро ощущал, как ему не хватает привычных с детства ощущений; любования природой, величественными пейзажами с буйной субтропической растительностью. Или, напротив, сдержанной, поэтической красотой осенних деревень со стыдливо жмущимися друг к другу, потерявшими листву фруктовыми деревьями.

С упоением вспоминал он ежедневные летние «попходы» на пляж, веселые шумные компании сверстников, бесконечные белые песчаные берега и искрящиеся на солнце теплые ласковые волны моря. Уютно и деловито гудящие, зарывающиеся носом в волну, переполненные пассажирами катера, идущие на «медицинский» пляж в Синоп. И пешие возвращения домой всей «хеврой», через разомлевший от солнца город.

Посещения, по пути, Маленького рынка у Красного Моста, где можно было, якобы прицениваясь к товару, бесплатно пробовать, без ограничения, всякие вкусности. Торговцам были прекрасно известны маленькие хитрости ребятни, но они стойчески переносили эти нашествия, принимая правила игры, и не отказывая юным «покупателям».

В более зрелом возрасте полностью раскрылось Андрею и очарование теплой, как правило, сухумской зимы.

Когда яркие солнечные, безветренные дни вкупе с медлительным полусонным ритмом располагали к созерцательности, философскому осмыслению жизни и длительным, неспешным разговорам за чашечкой ароматного кофе «по сухумски» в одной из кофеен города. Правда, неспешные разговоры очень часто сменялись крайне эмоциональными и шумными спорами, если речь шла, к примеру, о футболе.

А когда ласковое солнце уступало место затяжным зимним дождям, Андрей менял стиль своих отношений с городом. Невзирая на насмешки сверстников,

надевал длинный плащ, отцовские калоши и брал с собой на улицу один из нескольких зонтов-тростей, висевших на стене в кладовке. Будучи, таким образом, защищенным от внешних воздействий, шел на набережную, к гостинице «Рица». Уходил в дальний край Малого причала, предназначенного для небольших прогулочных теплоходов, и подолгу стоял под зонтом, любуясь панорамой прибрежного бульвара.

В такие дни небо обычно было укрыто низко висящими облаками, скрывающими, частично или полностью, далекую горную гряду и Сухумскую гору, нависавшую над самим городом. Город погружался в жемчужно-серый загадочный полумрак, струи дождя размывали контуры зданий и деревьев, подчеркивая состояние загадочности.

В небесах шла непонятно кем затеянная борьба. Темные тучи спорили со светлыми облаками, сталкивались, распадались на мелкие клочья и собирались вновь, что бы тут же столкнутся в новой баталии. Часть их степенно и медленно плыла над городом, другая возмущенно клубилась, стараясь пронестись с завидной скоростью над крышами домов, почти заставая их.

Море, такое же свинцово-серое, часто возмущенно ворчало, гоня к городу неспокойные волны, вал за валом. У самого берега, растеряв силу, волны вскипали обильной, остро пахнувшей йодом, пеной.

Созерцание игры природы действовало на Андрея как допинг, держа его постоянно в восторженном и эмоционально активном тонусе, и, одновременно,

умиротворяюще, отводя тревогу и страхи, отторгая любую негативную энергию.

Конечно, приходилось наблюдать с причала и совсем другое состояние природы.

Когда совершенно спокойное, одинаково серое небо бесшумно опускало на дома и безмолвную серебристую поверхность моря прозрачную, ровную пелену мелкого дождя. Когда не было ветра, на пустом безлюдном причале стояла полная тишина, и казалось, что и на приморском бульваре, да и во всем городе нет сейчас ни людей, ни машин, ни собак, ни кошек, ни птиц. И никаких звуков, кроме едва слышной песни Поля Анки или Далиды из радиоприемника, стоящего в чьей-то лоджии.

А еще Андрей любил, уже после дождя, подниматься пешком на Сухумскую гору. Ибо именно после дождя свежий и влажный воздух был буквально напоен прямыми ароматами экзотических деревьев и кустов, высаженных вдоль дороги.

Он всегда чувствовал себя комфортно в своем интернациональном, маленьком и уютном Вавилоне, с его многоликостью и многоязычием. Когда различия в религии и обычаях не противопоставляли людей а, наоборот, создавали удивительный сплав дружелюбия и толерантности. Когда уважение к старшим, гостеприимство и взаимоподдержка являлись бесспорными ценностями для всех жителей города. Ну и, конечно, чувство юмора.

Итак, начинался день, обещающий быть солнечным и теплым.

Правда, март в Абхазии издавна и небеспрчинно считался месяцем коварным, богатым на погодные сюрпризы. Даже снег, если он вообще выпадал в течение зимы, выпадал чаще всего именно в марте.

Андрей старался не думать о теоретически возможных сложностях, а просто наслаждался, после московского снежного и морозного февраля, теплом и ярким праздником мимозового цветения.

Нужно было разобрать чемодан, привести себя в порядок и «выходить в город».

Каждый приезд в Абхазию активировал стандартную программу действий. Ритуалы были просты, но обязательны.

Первым пунктом повестки значилась встреча с друзьями детства. Андрей никогда, за исключением особых случаев, не информировал никого заранее о своем приезде. Ибо негласные правила, сформировавшиеся сами собой когда-то, гласили: первый же звонок Андрея служил, как звук пионерского горна в далеком детстве, своеобразным сигналом общего сбора. При котором все остальные дела, как правило, переставали быть важными и отменялись, либо откладывались на потом.

Посещение ресторана национальной кухни «Нартаа» на набережной тоже было одним из ритуалов. Место это являлось знаковым для компании друзей, связанное с детством и юностью каждого из них. Когда-то, совсем давно, на месте «Нартаа» был боль-

шой открытый павильон, выстроенный в псевдоитальянском стиле. В павильоне располагался летний ресторан с мудреным каким-то названием, которое воспринималось на слух как «Одрескафэ». По вечерам в ресторане играл оркестр. И еще там подавали очень вкусное мороженое. Так что иногда родители баловали своих чад, приводя их в ресторан.

Позднее, когда ресторан перестал существовать, в павильоне расположилась самая большая и популярная, пожалуй, кофейня в городе. Кофе «по-турецки» там виртуозно готовили армяне-репатрианты. И уже подростками, друзья частенько наведывались в кофейню, где можно было пообщаться, скоротать время под крышей павильона, не спасавшей, правда, от ветра, но защищающей от дождя.

В конце концов, павильон пришел в упадок, его снесли, а на его месте и построили «Нартаа». Ресторан был недорогим, славился своей кухней. Там прекрасно готовили пинерли, пироги с сыром, по аджарскому рецепту, что и являлось предметом повышенного интереса компаний.

После «Нартаа» следовало перемещение на открытую террасу второго этажа другого ресторана – «Амра». Там, помимо отличного кофе «по-сухумски» был обеспечен прекрасный вид на бульвар.

Зима в Абхазии, как правило, мягкая, в солнечные дни температура поднимается до семнадцати, а то и двадцати градусов тепла. Плюс буйная, вечно зеленая субтропическая растительность, радующая взгляд.

Этот контраст в сравнении с Москвой, был для Андрея особо приятен и ценен.

«Амра», к тому же, была местом регулярных встреч городской творческой интеллигенции. Андрей дружил со многими молодыми учеными, актерами, художниками и поэтами. На «верхней палубе», как называли террасу с легкой руки Фазиля Искандера, любившего здесь бывать, всегда можно было встретить многих из них. Редкие, увы, после переезда в Москву, встречи, безусловно, приносили радость всем.

Так что этот маршрут был обязательной и очень приятной традицией.

Далее следовало навестить живущих в городе ближайших родственников. И уже потом отправляться, как говорили в домашнем кругу, в «деревню».

Конечно, самый главный, важный, и соответственно, первый визит был к бабушке Терезе. Папиной маме. К любимой, яркой и удивительной женщине по имени Тереза, Тера, Терушка!

Женщине необычной, уникальной судьбы.

Честно говоря, и покойный дед Корсантел легко мог бы стать героем толстого романа. Ибо в хитро-сплетениях его судьбы нашлось место приключениям, мужеству, героизму, трудолюбию и самопожертвованию. И неземной, великой любви к своей избраннице. Любовь, которую он, как истинный абхаз, всю жизнь скрывал от окружающих.

Андрей был убежден, что встреча и союз этих противоречивых, неординарных личностей, были, безусловно, предопределены на Небесах.

Корсантел родился в семье абхазских крестьян-махаджиров, в Турции.

Махаджирством называют трагические события, связанные с массовым насильственным переселением в Турцию части причерноморских кавказских народов, в том числе адыгов, убыхов, абхазов.

Во времена очередной русско-турецкой войны, часть местных племен оказала сопротивление русской армии, мешая ее продвижению, осложняя ведение боевых действий против турок. В 1866 году в Абхазии, давно входившей в состав Российской империи, в западных ее районах, вспыхнуло спровоцированное турецкими агентами восстание. Эти события и послужили формальным поводом изгнания местных жителей, переселение их в Османскую империю. По договоренности с турецким правительством сотни тысяч людей были вывезены в Турцию.

К моменту появления Корсантела на свет, родители его только-только стали приходить в себя после нескольких лет мытарств и нищеты, и кое-как «вставать на ноги». Жили в бедности, но делали всё возможное для детей. Пытались дать хоть какое-нибудь образование. Но главное, учили детей родному языку и воспитывали в соответствии с негласным кодексом поведения «Апсуара». И еще, несколько семей в складчину купили коня и учили сыновей джигитовке и владению оружием.

Летом 1914 года, сразу после начала Первой мировой войны, в возрасте двадцати пяти лет, Корсантел нанялся матросом на корабль, отплывающий в Батум.

Сошел в порту Батума с судна, добрался до Тифлиса, потом и до Владикавказа.

Явился на призывной пункт, представился жителем Абхазии, потерявшим документы, и был зачислен добровольцем в кавказскую Туземную конную дивизию, которую позже стали именовать Дикой.

В советские времена было крайне опасно говорить о себе правду. То немногое, что знал Андрей о деде, он знал как раз от бабушки Терушки.

Известно, что Корсантел попал на фронт осенью того же, 1914 года, в составе Черкесского конного полка. Воевал на австрийском и румынском фронтах. Был он прирожденным джигитом и прослыл бесстрашным воином. Получил двух «Георгиев».

Первый орден он получил, как мусульманин, без изображения святого. На таких орденах изображался двуглавый орел.

К тому времени дед уже немного говорил по-русски. Когда он понял, почему его орден отличается от других, пошел к командиру и долго объяснял, что его родители, а значит и он сам – православные христиане.

Родители и вправду отказались принимать Ислам и чудом сохранили привезенную с собой крохотную иконку святого Николая Чудотворца.

Начальник долго не мог понять, чего хочет от него этот странноватый, нелюдимый и немногословный молодой абхаз.

– Мая атэц мама Елыр церкавь эклесия Гиорги

джигит нада! – упорно повторял проситель, пытаясь объяснить, что родители венчались в известной церкви в селе Елыр, в Абхазии, и, следовательно, полагается Корсантелу орден со святым Георгием.

С трудом разобравшись в ситуации, офицер вызвал дивизионного священника, который на всякий случай окрестил джигита. Орден ему обещали заменить.

Через несколько дней шальной артиллерийский фугас убил командира. Орден Корсантелу так и не поменяли, однако он вскоре был представлен, за храбрость, к награде второй раз. Священник, как и мулла, визировал списки награжденных, так что следующий орден, врученный деду, был, как и положено, с лицом святого.

Уже в 1917 году, во время корниловского наступления абхазская сотня угодила в ловушку. Конники, используя внезапность и вечерний полумрак, пытались войти в небольшое, но стратегически важное село. Неожиданно лужайку перед окраиной осветили мощные прожектора. Артиллерия неприятеля, предупрежденного заранее, открыла огонь картечью по всадникам сотни.

Корсантел, получивший сразу несколько ранений, потерял сознание. Обезумевшая лошадь понесла седока...

Очнулся Корсантел спустя трое или четверо суток в крестьянском доме, в польской семье. Небольшое украинско-польское село находилось на австрийской территории, недалеко от Городенок. Военных в селе не было, зато был врач, Мариус, веселый шумный мадьяр, любитель женщин и абрикосовой водки. Го-

воривший, к тому же, по-турецки. Он-то и вытащил Корсантела с того света, а сердобольные поляки выхodили его.

Через полтора месяца, уже в октябре, сердечно поблагодарив своих спасителей, в подаренной гражданской одежде, с холщевой торбой, где лежал небольшой запас продуктов, две бутылки абрикосовой паленки и мешочек с картечками, извлеченными Мариусом из тела раненного, вышел Корсантел за пределы гостеприимного села. Два Георгиевских креста, аккуратно завернутые в чистую ткань спрятал он под стелькой тяжелого австрийского солдатского башмака.

Фронт был уже далеко, в России творилось что-то непонятное и дед принял решение пробираться домой.

Как ему это удалось без документов, без денег, без знания языков? Но факт, что удалось. Через Румынию и Болгарию, но прорвался-таки Корсантел в Турцию.

Полностью оправился от ран своих и стал главным помощником отца в укреплении и развитии их небольшого, но растущего хозяйства.

Неисповедимы пути Господни!

Факультетский комитет комсомола устраивал встречу студентов с ветеранами Коммунистической партии. Андрей был ведущим и, конечно, он представился гостям, назвав свою фамилию.

После окончания вечера к Андрею подошел один из приглашенных ветеранов, пожилой, седовласый человек небольшого роста, с орденской колодкой на груди.

Лицо его было обильно покрыто сетью морщин.

Андрея же поразили глаза. Светлые, добрые, умные, немного с хитринкой, глаза не старика, а очень молодого человека.

— Моя фамилия Тавасиев — Назвал он себя. — Я осетин. А по профессии — скульптор. Вы же, судя по фамилии — абхаз. Приятно, что мы оба кавказцы, но подошел я к Вам не только поэтому. Дело в том, что много, много лет назад, во время Первой мировой, мне посчастливилось воевать вместе с Вашими земляками.

В начале войны я пошел добровольцем в армию и был зачислен в пешую Осетинскую бригаду. На фронт нас отправили вместе с полками Туземной дивизии.

Все конники были кавказцы. Все жители Кавказа, без исключения, были представлены в составе дивизии. Мы же, пехота, были приданы на время, Черкесскому полку, где было много абхазов.

И там я познакомился и подружился с удивительным человеком, носившем такую же, как и Вы, фамилию. Все называли его Константином. Маленько-го роста, щуплый, он казался подростком. На самом деле, он был много старше многих добровольцев. Он плохо говорил по-русски, был застенчив, скромен и тих. Прекрасно, виртуозно джигитовал, стрелял из карабина и владел саблей. Как выяснилось потом, был он отчаянно бесстрашным, но умелым и осмотрительным в бою. Его гибкость и владение телом вызывали особый восторг.

— Помню, — продолжал рассказчик, — как ставили вплотную пять или шесть лошадей.

Константин разбегался, затем упруго влетал в воздух и, совершив несколько переворотов над крупами коней, по типу сальто-мортала, успешно и красиво завершал прыжок, четко опускаясь на пружинящие, полусогнутые ноги.

Поверьте, молодой человек, это было фантастическое зрелище.

А позже, в бою, Константин спас мне жизнь. Мы выбивали австрийцев из их траншей. Завязалась рукопашная. Всадники наступали одновременно с нами. И когда неожиданно поднявшийся из окопа вражеский пехотинец направил мне в спину штык, абхазский брат «снял» его метким выстрелом. Мне об этом, уже после боя, рассказали мои земляки, видевшие, как все происходило.

Андрей, забыв обо всем, восхищенно слушал ветерана, не обращая внимания на слезы, предательски катящиеся по щекам.

— Да неужели, — воскликнул скульптор, подняв глаза. — Значит дед?! Мир воистину тесен!

И пожилой человек с глазами юноши нежно, как собственного внука, обнял Андрея.

Потом они долго сидели в скверике и дядя Сосланбек, так звали скульптора, неспешно и очень образно рассказывал о судьбе своей непростой, богатой на события героические, порой мистические, о творчестве своем, на фоне сложной, драматической истории страны. Как еще в армии увлекся марксизмом и вступил в большевистскую партию. Не малую роль в этом сыграл старший брат, будущий участник штурма Зимне-

го Дворца. Как в Гражданскую, не раздумывая, пошел в Красную армию. Как отчаянно рубился с белыми, молодым еще получив орден Боевого Красного Знамени.

Он очень любил читать книги. Прочел много литературы о революционерах, борцах с царизмом, крестьянских лидерах. Почему-то очень заинтересовал его Салават Юлаев. Воин, дипломат, поэт, истинный патриот своего народа.

Чем больше думал Сосланбек о Юлаеве, тем крепче формировалось в его душе необычная, шальная даже, мысль – создать памятник Салавату Юлаеву на его родине, в Башкирии. Именно создать, сотворить своими руками. И стал взрослый уже человек рисовать на обрывках бумаги человеческие фигуры, конские тела, горы и степи. Разминал руками глину, пытаясь придавать ей форму окружающих предметов.

Потом была учеба в Ленинградской художественной академии, членство в Союзе Художников СССР, серьезные выставки работ.

– Утомил я тебя, Андрей. Увлекся воспоминаниями. Не перебивай. Главное достижение в моей жизни – памятник Салавату Юлаеву стоит на высоком холме, на родине героя, в Уфе. Исполнилась моя мечта. Знаешь, сколько времени у меня ушло? Почти тридцать лет! Большая часть моей сознательной жизни! Но я очень благодарен своей Судьбе!

Маховик же судьбы Корсантела, как выяснилось, только начинал раскручиваться.

В России тем временем случилась еще одна, октябрьская, революция и уже остатки Империи рухнули, как карточный домик. Началась гражданская война.

Весной 1918 года войска Грузинской Демократической Республики вошли в Абхазию. В среде абхазов, насильственно изгнанных с родных мест и переселенных в Турцию во времена Русско-Турецкой войны, и называемых махаджирами, стали формироваться отряды добровольцев для защиты Родины. Корсантел записался одним из первых. В июне его отряд высадился на рассвете на пустынnyй абхазский берег. Но вскоре их выследили, отряд окружили регулярные правительственные войска, махаджиры приняли неравный ночной бой и были рассеяны.

Корсантелу удалось уйти. Не зная местности, скрываясь от преследователей, дошел он всё же до реки Кодор, вблизи которой жили, как ему было известно, его родственники. Они приняли и спрятали беглеца. Со временем, когда ситуация хотя бы внешне успокоилась, родственникам удалось выправить Корсантелу, через священника местной церкви, легальные документы. Община выделила отрезок земли и ссудила всем необходимым на первое время.

И началась для него новая жизнь на Родине. Неутомимый, сильный физически, знающий сельский труд, Корсантел быстро пошел «в гору». Земельный участок его превратился в цветущий сад. Зимой же, в свободное от крестьянских забот межсезонье, отдавая себе не позволял, шел на поденные работы на железную дорогу.

Поднимался в горы, валил деревья и переправлял стволы вниз, в село. И довольно скоро осуществил давнюю мечту – поставил небольшой, но удобный и красивый дом из каштана.

Советскую власть встретил с радостью, но от каких либо активных ее проявлений дистанцировался. Продолжал с успехом трудиться на участке, в политику не лез, стараясь держаться в сторонке.

Не получилось. Кто-то, видимо, куда надо сообщил, и новые власти заинтересовались человеком без прошлого, незнакомого ранее никому. Да и появившемуся в селе в смутные дни оккупации.

Оперативной группой местного ЧК, посланного за ним, руководил, вернее, руководила...

Тут уже пора рассказать об активном члене большевистской партии, комиссаре Чрезвычайной комиссии, товарище Терезе М-а, партийная кличка – Афыртын, что в переводе с абхазского означает – Буря, Ураган.

Да, да, о будущей любимой бабушке Андрея, Терушке.

Тереза появилась на свет в семье обедневших потомков некогда мощного княжеского рода. Обедневшего, но не нищего, как многие другие абхазские княжеские семьи.

Удивительно, но только в Абхазии, на стыке девятнадцатого и двадцатого веков, можно было встретить такое количество бедных или совершенно нищих аристократов со звучными, известными фамилиями.

И бывало, породненные с князьями простые крестьяне, а в Абхазии это происходило часто, делали новым родственникам воистину княжеские подарки. Богатую сбрую, дорогое оружие, коня или буйвола. А порой и землю, что было особенно значимо, ибо основное количество земельных наделов принадлежало общинам. И собственной земли у абхазских крестьян было совсем немного.

Род Терезы славился образованностью, трудолюбием и гостеприимством. Родители имели, как говорили тогда, небольшой достаток. Достаточный для того, что бы давать детям достойное воспитание и образование.

Тереза была младшей дочерью. Четверо старших братьев воспитывались в строгом духе «Апсуара» и все, в конечном итоге, получили достойное образование. Много читали, увлекаясь историей и культурой Абхазии, русской классикой и книгами европейских философов-вольнодумцев, ибо владели несколькими языками. Выписывали из Тифлиса книги грузинских писателей. В доме была собрана обширная, прекрасно подобранные библиотека.

В парадной зале стоял, подаренный дедушкой к свадьбе родителей Терезы, немецкий кабинетный рояль. Покрытый лаком вишневого цвета, как скрипки или виолончели, был он украшен элегантными бронзовыми подсвечниками и бронзовыми же колесиками на ножках. Ножки рояля опирались на граневые массивные подставки из горного хрустала.

Но главное – инструмент обладал очень красивым, звонким и насыщенным звучанием.

Иногда родители приглашали гостей, элиту городской интеллигенции. Устраивали нечто вроде музыкального салона. Но помимо звуков музыки, звучали в зале и самые разные слова. Гости, порой эмоционально, обсуждали культурные и политические события в стране. Делились впечатлением от прочитанных книг, не все из которых, скажем так, одобрялись тогдашней властью.

Так что росла дочка, красавица, любимица всей семьи, среди образованных, интеллигентных и неравнодушных людей. В полной гармонии с великолепной абхазской природой, с трепетной любовью к родной земле и великим уважением к вековым традициям своего народа.

От многих других девушек ее отличал взрывной, порой свободолюбивый характер, эмоциональность, наличие своего мнения и умение его выражать. А еще принципиальное неприятие несправедливости, в любых проявлениях, заложенное на генетическом уровне.

В 1913 году, когда Терезе исполнилось пятнадцать лет, отец отвез ее в Тифлис, где определил на учебу в частное заведение, чем-то похожее на институт благородных девиц. Заведение «держала» обрученная итальянская графиня Изольда. Девушек в стенах института обучали грамоте, естественным наукам, европейским языкам, музыке, танцам. Верховой езде и еще многим полезным вещам, могущим пригодится будущим светским дамам, супругам, мамам.

Вполне естественно, что Тереза достаточно быстро стала лидером, с чьим мнением приходилось считаться не только слушательницам заведения, но и преподавателям тоже. Проучилась полный курс, пять лет и тут же поступила в только что созданный Тифлисский университет, хотя в стране было, мягко говоря, неспокойно.

Грузия объявила независимость, правительство ввело войска на территорию Абхазии.

В самой Грузии стояли германские войска.

В обстановке брожения, расслоившего общество, Тереза всерьез увлеклась идеями марксизма и вступила в подпольный марксистский кружок, в руководстве которого состояли видные большевики, в том числе Филипп Махарадзе. Грузинские революционеры декларировали борьбу за социальную справедливость, за интересы простых людей. И вроде как осуждали оккупацию Абхазии. Их идеи импонировали Терезе, они совпадали с ее взглядами, но она не удовлетворялась только борьбой политической, а призывала к реальным силовым действиям, к вооруженной борьбе.

За это ее прозвали «бомбисткой». А еще она получила партийную кличку – Ураган.

А поскольку человеком она была упорным и последовательным, не получив согласия однопартийцев, решилась на террористический акт сама, в одиночку. В середине рабочего дня, в центре города, метнула гранату в министра внутренних дел. Слава богу, самодельная граната, изготовленная кустарно, не взорвалась, да и с объектом покушения вышла «накладка».

Человек, принятый Терезой за министра, оказался школьным учителем, внешне напоминавшим жертву теракта.

Так или иначе, бомбистку схватили, судили и заточили в Метехский замок.

Освободила политических заключенных уже Советская власть.

И весной 1921 года Тереза, коротко остриженная, одетая, как и положено, в кожаную куртку, длинную юбку и хромовые сапоги, с деревянной колодкой «Маузера» на поясе и мандатом Чрезвычайной Комиссии, явилась в Ревком Советской Социалистической республики Абхазия. И очень скоро члены республиканской Чрезвычайки убедились, что прозвище – Ураган полностью соответствует характеру и мировоззрению его носителя, их нового коллеги, комиссара Терезы М-а. Тем более, что на абхазском он звучал еще суворее и романтичней – Афыртын.

Надо сказать, что при всей своей эмоциональности и идейной ненависти к врагам революции, была Тереза человеком справедливым и внимательным. Не позволяла себе грубости, отвергала беззаконие и очень старалась, чтобы не страдали невиновные люди. А многое из попадало в страшную, характерную для того времени, крупорушку.

Всегда «рубила правду-матку», говоря откровенно обо всем, что видела, невзирая на чины и заслуги возможных оппонентов. За что, вполне естественно, вызывала у окружающих и восхищение, и ненависть.

В тот знаковый для своей судьбы день, Тереза с двумя чекистами выехала в район Кодора для проверки «сигнала», а попросту, чьего-то анонимного доноса.

Корсантел, сидя во дворе, в жидкой тени совсем еще молодого, высаженного три года назад ореха и выстругивал ножки для нового стола.

Автомобили были в те годы редкостью, и Корсантел с любопытством посмотрел на остановившийся рядом с его калиткой грузовичок. Из кабины вышли двое, один в кожанке и военной фуражке со звездой, второй, с винтовкой в руках, был одет в солдатскую гимнастерку, без погон, и галифе. На голове его, несмотря на теплый день, красовалась папаха. Эти двое направились к дому, а еще один, спрыгнувший из кузова, остался у машины.

Когда неизвестные вошли во двор, хозяин дома с великим удивлением обнаружил, что человек в кожанке – женщина. А когда визитеры подошли близко, констатировал, что женщина очень красива.

Корсантел не мог оторвать глаз от ее лица. И дело было не только в ее красоте. Что-то непонятное происходило с ним. В голове зашумело, как будто внезапно пошел сильный дождь, он оцепенел, будучи не в силах подняться со скамейки. Внешние звуки, включая голос женщины, стали глухими, искаженными. Он почему-то не понимал слов, которые она произносила. И как-то странно заныло за грудиной, слева, там, где сердце.

Терушка много раз потом рассказывала внучку, что и она ощутила странный укол в сердце и необычное головокружение. Но не это ввергло ее в шок.

— Удзири, нан! Послушай, малыш. — Затягиваясь табачным дымом и немного кокетничая, в который раз вспоминала она первую встречу с дедом.

— Дело в том, мон шэр ами, мой милый друг, — а привычка вставлять в рассказ иностранные слова, наряду с абхазскими и мегрельскими, была характерна для бабушкиных повествований — мы с мамзельками баловались иногда спиритизмом, гаданием, в том числе, на сон. Во сне, если гадать правильно, к девушке приходит ее будущий муж. Ко мне он приходил трижды, один и тот же. Я еще в юности надеялась его встретить. Горела вся, страдала, а потом успокоилась.

И надо же, доннерветтер, черт возьми, прости Господи, иду я арестовывать возможного врага народа, то есть деда твоего, а под орехом сидит тот, который приходил ко мне во сне. Сидит, подняться не может, побледнел и глаз от меня не отводит. И вижу я, не от страха это, дед твой вообще страха не знал. А от того, что и он сигнал с Небес получил. Понял, что пришла его Судьба, его будущая жена, мать его детей.

Я конечно, как член партии, атеистка, не должна была верить в подобное. Но я же абхазка, женщина, в конце концов.

Но и не выполнить приказ Тереза не имела права. Протянула ослабевшей рукой мандат, в котором Корсантел совершенно не разобрался, но понял, что

нужно ему ехать на «шайтан-арба», как на турецком назывался автомобиль, с этими людьми в город.

Первый же, кто встретился им в коридоре ЧК, был заместитель Председателя, участник той самой высадки десанта махаджиров, бойцов сборного турецкого отряда, в которой участвовал и Корсантел. Так что арестованный был опознан, радостно и подчеркнуто почетно встречен, накормлен и отправлен на том же грузовичке домой.

Ровно через три дня по проселочной сельской дороге к дому Корсантела пронеслась пыльная буря. Когда сильный ветер унес взвесь мелкого песка, у ворот стал различим конь и спешившийся всадник. Всадником оказалась Тереза. Именно всадником, ибо скакала она в мужском седле, одетая в галифе и сапоги.

— Слушай внимательно, джигит. — Немного пифосно, но скороговоркой обратилась она к хозяину дома. — У меня очень мало времени. Ты должен взять меня в жены. Я знаю, что и ты это решил. Революция освободила женщин от многих предрассудков, и мы могли бы решить этот вопрос прямо сейчас. Но у нас нет права обижать родственников. Нужно соблюсти наши традиции. Так что, джигит, посватай меня.

Легко вскочив в седло, с улыбкой добавила. — Если родители откажут, разрешаю меня похитить. С этими словами, комиссар ЧК Тереза М-а, по кличке — Афыртын, пришпорила коня и исчезла из виду, оставив за собой на дороге, как настоящая буря, пыльный шлейф.

Но родители, конечно, не отказали. Молодых рас-

писали в соответствии с новым порядком в Кодорском уездном Ревкоме. Коллеги-чекисты поздравили новую советскую семью, ячейку будущего социалистического государства, и преподнесли в подарок талон на приобретение «штуки» (отреза) бязи для постельного белья.

Согласно традиции, накрыли стол сначала у родителей невесты, а затем у родственников Корсантела.

Молодой муж продолжал работать на земле, Тереза служила, как и раньше, в ЧК.

Когда же поняла, что внутри нее нарождается новая жизнь, пошла к начальнику, сдавать мандат и «Маузер». Начальник рассвирепел, грозился привлечь товарища Терезу к партийной ответственности, шумел и стучал по столу.

– А ты читал товарища Ленина? – С чистыми глазами спросила Тереза, зная, что ее начальник, профессиональный революционер, происходил из простой крестьянской семьи и был, по сути, малограмотным.

Вопрос смущил чекиста. Что и требовалось.

– Так вот, – продолжала спокойным, но суровым голосом Тереза. – Товарищ Ленин прямо указывает, что главной обязанностью советской женщины является воспитание будущих строителей коммунизма.

– Ладно, – сдался запутанный и слегка смущенный «старший товарищ», переходя вдруг на «Вы». – Сдайте дела и можете идти. Товарищей-партийцев не забывайте! – Совсем по-дружески прозвучало вслед.

Спустя десять дней Терезу вызвали вестовым.

В присутствии членов коллегии и секретаря Ревкома, ей торжественно вернули оружие. На сверкающей свежим лаком древесине колодки-кобуры была прикреплена серебряная табличка с надписью: «Бесстрашному борцу с врагами Советской Власти, тов. Терезе М-а, от товарищей по работе».

Так торжественно закончилась революционная карьера бабушки Теры.

И началась тяжелая, обыденная жизнь в деревне. Много забот легло на плечи Терезы. Тех, что обычно ложатся на плечи крестьянских жен.

И, конечно, обязанности главы семьи. Никак по другому и не представляла себе семейную жизнь бывшая княжна, комиссар Чрезвычайной Комиссии, товарищ Тереза. Тем более что, в силу своего спокойного характера, дед Корсантел совсем и не возражал против подобного Матриархата в одной, отдельно взятой абхазской семье. Ведь Тереза всегда относилась к мужу с подчеркнутым уважением. А о любви вообще говорить не приходилось. Рожденная где – то на Небесах, соединившая на земле две предназначенные друг для друга половинки, была эта любовь удивительна – страстная, нежная, раскрепощенная и в то же время чистая и целомудренная. Тщательно скрываемая от окружающих, как и полагалось по традиции.

В положенный срок появился на свет первенец, сын, к великой радости Корсантела. Записали его под именем – Денис. Это и был будущий родитель Андрея.

На самом деле, дедушка называл своего первенца Дениз (Море), или Кара Дениз (Черное Море), по-турецки, с любовью и уважением к тому факту, что именно родное Море позволило самому Корсантелу вернуться на Родину.

Позже, спустя три года, в семье родился еще один мальчик, Арвелод.

Корсантел, вступивший к тому времени в колхоз, все дни проводил на сельхозработах, Тереза же взяла на себя дом. И всё у них ладилось. Дети росли здоровыми, сообразительными и доброжелательными. Дом был – полная чаша. Неуемную, шумную, но справедливую Терезу избрали в правление колхоза, где она вновь почувствовала себя на месте, в своей стихии, востребованная народом, как и следовало убежденно-му марксисту-ленинцу.

Казалось, все вокруг, да и в соседних селах тоже, обожали Терезу и Корсантела.

Но, как оказалось, не все.

Черный тридцать седьмой год прошелся с косой над всей огромной страной. И конечно, нашлись «доброжелатели», которые, очевидно, снова засомневались в прошлом Корсантела. Так или иначе, но деда прямо с поля забрали в НКВД.

Это потом он нехотя рассказывал, как его пытали, заставляя признаться в сотрудничестве с турецкой разведкой. Ну и одновременно, с британской, да и с парагвайской тоже. Мало кому тогда удалось спастись, вырваться из застенков. Каждый день,

а особенно по ночам, гремели в подвалах неслышные снаружи выстрелы. Так «народная» власть избавляла советский народ от его врагов. Придуманных, в основном, ею же.

Тереза понимала, что времени на раздумья нет, а надеяться на революционную справедливость по типу – там разберутся – было наивно и преступно. Просить о помощи тоже было некого. Все друзья по партии и ЧК, в том числе и в руководстве республики, были репрессированы. Неизвестно, что ждало ее саму.

И товарищ Буря решилась.

Тайно добралась до Тбилиси и заявилась домой к былому наставнику по марксистскому университетскому кружку, Филиппу Махарадзе.

Андрей не знал деталей этой встречи. Не знал он также, что именно предпринял отошедший уже от дел, больной ветеран партии. Но то, что предпринял – факт.

Корсантела на следующий день отпустили. И вообще власть вроде как забыла про него и его жену.

22 июня 1941 года пришла новая беда. Началась война. Великая Отечественная.

К тому времени старший сын Денис окончил второй курс пединститута и только что сдал сессию. Вырос он, в отличие от «мелких» родителей, ширококостным, высоким, обладавшим особой статью. Вернувшись в село, намеревался летом помочь отцу по хозяйству. Отец и сын собирались, как говорит-

ся, на скорую руку, и поехали в город, в военкомат. Там сына записали в формируемую часть и отправили в казарму. Корсантелу отказали, он не проходил по возрасту.

Андрей помнил со слов бабушки, что дед не раз еще ездил в город, встречался с военным комиссаром, но в армию его не взяли и тогда, когда приказом Государственного Комитета Обороны, в августе, был повышен призывной возраст. Дед «перебрал» его всего на два года.

Дениса же, отца Андрея, направили в Туапсе, в учебную часть, где из более или менее образованных призывников по ускоренной программе готовили офицеров. Через несколько месяцев, с офицерскими ромбами на гимнастерке, получил он направление под Новороссийск, в действующую армию. В качестве командира минометного расчета сражался на Новороссийской оборонительной линии. В боях за Туапсе разметал со своим расчетом наступающий румынский батальон, за что был награжден медалью «За боевые заслуги» и повышен в звании. После падения Туапсе принимал участие в обороне Кавказа. В начале 1943 года, пробравшись в одиночку в расположение противника, подорвал два артиллерийских орудия немцев. Был ранен, обморозил ногу, но добрался до своих. За проявленное мужество получил из рук командующего армии орден «Отечественной войны» второй степени.

В сентябре 1943 года, когда Советская армия успешно наступала, освобождая Кавказ, Денис, будучи уже в звании капитана, был тяжело ранен. В госпи-

тале под Сочи врачи спасли ему жизнь, но из армии списали подчистую.

После ранения у него стала сохнуть рука, а левый глаз фактически не видел.

Андрей был уверен, что именно это ранение, в конце концов, добило отца, сведя в могилу совсем молодым.

Отец очень гордился, что в общей Победе над врачом есть и его небольшая заслуга.

И радовался, как ребенок, когда примерно через год после демобилизации его вызвали в военкомат и торжественно вручили только что учрежденную медаль «За оборону Кавказа».

В этом же, 1944 году женился он на будущей маме Андрея, студентке 2-го курса того же педагогического института.

Впоследствии Денис Константинович закончил институт. Преподавал в школе историю. Затем увлекся наукой, защитил диссертацию и до конца короткой своей жизни трудился в Абхазском институте языка и литературы.

Приветственная мелодия музыкального клаксона встречной автомашины вернула Андрея в реальность. Вчера, после небольшого семейного застолья в доме дяди Арвелода, он допоздна засиделся с Дауром, своим двоюродным братом.

И теперь невыспавшиеся молодые люди дружно «кивали носом».

Даур, или Дака, как его ласково величали родные и друзья, был младше Андрея на шесть лет. Энергич-

ный, целеустремленный, доброжелательный Даур успел отслужить в армии и поступить на юридический факультет Казанского университета. Как и отец, дядя Арвелод, Даур намеревался работать в органах внутренних дел.

Сейчас, в ожидании госэкзаменов, узнав о поездке Андрея в Абхазию, прилетел на несколько дней повидаться с родными.

И вот теперь, шурша шинами по асфальту, «Жигули» дяди Арвелода мягко неслась в сторону Очамчиры. Чтобы попасть в село, где жила бабушка Тера, нужно было миновать город и, проехав еще километров пятнадцать-двадцать по трассе, свернуть налево, к предгорьям.

Асфальт заканчивался в небольшой долине, в центре села, где, как и было положено, стояли здания сельского Совета, правления колхоза, почта и медпункт. Дома же селян, утопающие в садах, окруженные внушительными виноградниками, были вольготно и очень живописно разбросаны по холмам вокруг долины. К холмам вели грунтовые, хорошо укатанные дороги. Холмы плавно переходили в предгорья, сплошь покрытые плотным зеленым покровом лесов. Еще выше, как будто рвались в заоблачные выси мощные кряжи синих гор. И уже высоко, высоко, выше альпийских лугов, в кристально чистом, прозрачном воздухе искрились заснеженные вершины уходящих вдаль хребтов.

Особенно красиво дома на холмах смотрелись ран-

ним утром или в момент заката солнца, когда низкие, боковые лучи светила светили, на время, все детали ландшафта – деревья, кусты, постройки – объемными, контрастными, хорошо различимыми на расстоянии.

Село было очень красивым, чистым и зажиточным.

Отсюда прорастали корни рода матери Терезы. Когда-то, до революции, влюбленный в эти места старший брат будущей большевички, по своей сути интеллигент-просветитель, организовал в селе начальную школу, став ее директором и единственным преподавателем. Он же и построил здесь дом. Его сын, племянник Терезы, был младшее тети всего на шесть лет. Желая пойти по пути родителя, поступил еще в 1916 году, в Сухумскую учительскую семинарию. Затем, уже Советской властью был направлен в Москву, где закончил Академию Коммунистического Воспитания.

Мечтал, как и отец, жить в родном селе и учить сельских детей премудростям наук. Но к его возвращению на Родину школа в селе была уже закрыта. Да и вряд ли власть разрешила бы специалисту такого уровня, с московским дипломом, прозябать школьным учителем.

Баграта, так его звали, направили сначала в Очамчиру, начальником Отдела Народного образования, затем перевели в столицу, директором педагогического института.

В 1937 году Баграта, как и многих других, арестовали. Припомнили, видимо, его аристократическое происхождение. Но почему-то не расстреляли, а отправили в Сибирь, валить лес. Он рассказывал

потом, что идея выжить, назло врагам, охватила его сразу, как только заключенных погрузили в вагоны-теплушкы, и стало ясно, что их не расстреляют, а отправляют в лагеря.

В нечеловеческих условиях, при изматывающей физической нагрузке, он умудрялся делать зарядку, научился разбираться в таежных травах и ягодах, варил травяные настои, жевал листья целебных кустарников. Так или иначе, но Баграт выжил. Вернулся он домой уже при Хрущеве, и поселился в родном селе, в отцовском доме, благо, что тот сохранился.

Так и не женился. Работал экономистом в колхозе и занимался, потихоньку, своим земельным участком, что-то сеял, что-то высаживал, давил осенью виноград, делая прекрасное домашнее вино, гнал крепчайшую чачу. И с удовольствием, щедро угощал гостей.

В 1970 году умер дед Андрея Корсантел. Похоронили его на маленьком родовом кладбище вблизи дома.

А примерно через год Баграта «хватил удар». Обширный инсульт не убил его, но сделал инвалидом. У него парализовало правую сторону тела, речь стала невнятной, да и психика стала, мягко говоря, неадекватной.

И тогда бабушка Тереза приняла волевое решение. Поскольку ее младший сын Арвелод жил в городе, а сельский дом, каштановый дом деда Корсантела, вкупе с обширным хозяйством, нуждался в постоянном присмотре, она поселила в доме племянника Корсантела. Честно говоря, по крови он был дальним

родственником, но Корсантел очень ценил его доброжелательность, теплоту и трудолюбие, считал самым близким человеком среди родни и всегда называл племянником. А поскольку мнение мужа, несмотря на царивший в доме матриархат, всегда было для Терезы законом, она без сомнения передала дом и хозяйство в надежные руки племянника.

Сама же переехала в дом покойного брата, «смoтреть», как она выражалась, «бедняжку» Баграта, своего племянника. Но живя уже в другом селе, относительно далеко от родового кладбища, где был похоронен Корсантел, раз в неделю садилась на рейсовый автобус до Очамчиры. Там пересаживалась на другой автобус и добиралась до реки Кодор, чтобы навестить своего мужа. На маленьком тихом кладбище, сидя на скамейке у могилы, подолгу разговаривала, как с живым, со своим Корсантелом.

И вообще, теперь именно ее муж стал главной, постоянной темой в разговорах Терушки с кем бы то ни было. Когда же рядом не было никого, с кем можно было бы делиться сокровенными мыслями, она часто заводила разговор о Корсантеле с Багратом. Вряд ли Баграт понимал всё, что говорила его тетушка, но слушателем он был благодарным, внимательным. Никогда не переспрашивал, не возражал, восторженно кивал головой. Лишь иногда вполголоса пытался напевать какую-то невнятную мелодию, продолжая, однако, слушать яркие, эмоциональные рассказы Терезы.

Андрею не раз приходилось выслушивать бабуш-

кины воспоминания. И наедине, тет-а-тет, как говорила бабушка, и в компании с Багратом, с дядей Арвелодом и Дауром.

– Удзири, нан! Послушай, малыш! – Это «коронное» начало Терушкиной речи, обращенной к одному слушателю, или ко всем сразу.

– Мой Корсантел – продолжала она и это было совершенно нетипично для абхазской женщины. Называть мужа по имени, да еще добавлять «мой», – было нарушением абхазского этикета. Но Тerezе многое прощалось.

– Корсантел был настоящим мужчиной, афырхца, герой! Да что там, он был настоящий мушкетер! (Слово – мушкетер – бабушка произносила, по старой памяти, во французской транскрипции, мягко и грассируя. Когда-то, в юности, она читала Дюма в оригинале. С тех пор – мушкетер – в ее устах, было наивысшей похвалой).

– Его еще в империалистическую войну, за храбрость, поцеловал сам брат Царя. Перед строем! Памятью сына клянусь! Мне наши абхазы из Сотни рассказывали.

И когда десант высадили, в засаду наши махаджиры попали. Так Корсантел троих меньшевиков кинжалом заколол.

А в тридцать седьмом? Бериевцы его щипцами рвали, требовали подписать бумаги, что резидент он вражеский и группу контрреволюционную возглавляет. Если бы он подписал, невинных людей под смерть подвел бы. Не подписал! Правда, этих, кто в списке был, бериевцы всё равно расстреляли.

На войну, на Отечественную, хотел пойти? Хотел, я спрашиваю? Военкомат, доннер ветер, черт возьми, не пустил! А так, конечно, хотел!

А когда, нан, малыш – обращалась бабушка к Андрею – Всевышний так рано призвал твоего отца, нашего сына Дениза, твой дед Корсантел, как настоящий мушкетер слезы не проронил на людях. Хотя очень переживал, мучился даже.

Ты знаешь, нан, что и умер он как настоящий мужчина. Знаешь?

Андрей, конечно, знал, но, чтобы сделать бабушке приятное, неуверенно замотал головой.

– Так вот, – в который раз, торжественно, с восторгом, вещала Терушка – встал он как-то с постели, но не в поле, не в сад не пошел. Сходил к Кодору, выкупался в холодной воде, вернулся в дом, согрел воды и еще раз обмылся в лохани. Потом чисто выбрился.

Надел свежее белье, глаженую рубашку, галифе и выходные сапоги, сшитые много лет назад из мягкой черной кожи. Аккуратно повязал башлык и сказал мне:

– Завтракать буду не в пацхе, а дома, в зале. Принеси мне сюда еды и чачу.

И пока ходила я за припасами, сам ушел зачем-то вглубь сада. Вернулся с пакетом в руках. Развернул, а там два Георгиевских Креста, револьвер «Смит и Вессон» и кинжал кубачинский в серебряных ножнах.

Показал, вновь закрыл в пакет и мне протягивает.

– Я, – говорит – сегодня умру. А вот это я сохранил. Теперь храни ты. И поступи с этим, как нужно.

Насчет похорон сама все знаешь. Пошли кого-нибудь в Елыр, пусть священник сделает, что нужно. Но там, в храме, домой приходить не надо. А тебе спасибо! Буду тебя дожидаться Там. Но ты не спеши. Эти, которые здесь, им без тебя будет трудно.

— Поверишь, нан, сердце у меня остановилось. Боялась сознание потерять. Но права не имела. Не могла его подвести, только кивала головой! — Так же торжественно, патетически восклицала бабушка.

— Позавтракал он, две рюмки чачи выпил, пошел на участок, со скотиной, с садом, видимо, попрощался. Потом вернулся, прилег, не раздеваясь, на кровать и задремал.

А когда я, ближе к закату солнца, пришла его проводать, он уже был холодным.

Ты же помнишь, нан, с каким почетом мы его похоронили. Почти вся Абхазия на похороны съехалась. Потому, что все знали — жил Корсантел, как мужчина, джигит! И умер как Мушкетер!

Андрей вспомнил, что как-то раз решился задать бабушке Терезе каверзный вопрос.

— Скажи, Терушка, только честно, если бы дед ошибся и не умер в тот день, ты, наверное, счастлива была бы!

Бабушка вздохнула и сразу же, безо всякой паузы ответила: — Возможно, что была бы счастлива, но ПЕРЕСТАЛА БЫ ТВОЕГО ДЕДА УВАЖАТЬ! ОН ВЕДЬ СЛОВО ДАЛ!

Андрей улыбнулся и открыл слегка повлажневшие

глаза. Дака продолжал «кимарить», дядя Арвелод вполголоса напевал популярную песенку. Автомобиль же к тому времени уже свернул с трассы и плавно катился к конечной цели путешествия. Навстречу двигались медлительные повозки, заполненные кукурузными початками прошлогоднего урожая и пожухшей чалой, попадались пешие селяне. Все, знакомые и незнакомые, приветствовали людей в автомобиле. Так издавна было принято у сельских жителей, желающих всем встречным Здравия.

Андрей любил наши абхазские села. За красоту ландшафтов, за гостеприимство и доброжелательность селян, за более строгое, чем в городах, следование традициям. Ему нравилось, что в каждом селе чтили историю семей, фамилий и родов, проживающих здесь, и почти всегда существовала романтизированная, порой, легенда о возникновении и славном пути поселения, которую знали все жители и которой гордились.

В бабушкином селе, в восточной, Абжуйской, Абхазии, была своя специфика. Когда на Абхазию в конце девятнадцатого века обрушилась трагедия махаджирства, многие села почти опустели. На плодородные и бесхозные теперь земли стали активно заселяться жители соседней Мегрелии. Немногочисленные, оставшиеся абхазские семьи отнеслись к переселенцам по-доброму. Помогали обживаться на новом месте, делились всем, чем могли.

Так что теперь здесь, как и в других селах округи,

совместно с абхазами проживало большое количество мегрельских семей. Жили дружно, помогая друг другу, выдавая дочерей своих замуж за соседских мужчин или, наоборот, приводя в дом невестами соседских девушек.

Андрею очень нравилось когда, а особенно ярко это проявлялось на застольях, все сидящие за столом говорили, к примеру, по-абхазски. До первого слова, прозвучавшего на мегрельском. Тут же все присутствующие, не сговариваясь, переходили на мегрельский язык. Пока кто-то не возвращал ситуацию в исходное состояние, сказанной фразой или одним словом.

«Жигули» добрались неспешно до административного центра. Асфальта дальше не было, и дядя Арвелод, включив вторую передачу, медленно, чтобы не пылить, свернул на грунтовую дорогу, ведущую к одному из близлежащих холмов. Бабушка жила в доме, стоящем на вершине. Дядя подъехал к воротам и заглушил двигатель.

— Выгружайтесь, молодежь, приехали! — повернув голову в сторону заднего сиденья, с улыбкой, громко изрек он.

Молодежь уговаривать не пришлось. Окончательно проснувшиеся парни с радостью «выгрузились» сами и вынули из багажника сумки с подарками. Отворив ворота, пошли к дому по аккуратной лужайке. Траву косили здесь еще в прошлом сезоне, новая же пока не пробилась. Природа только, только намекала

на скорый и неминуемый приход весны. Фруктовые деревья в саду смущенно жались друг к другу, будто стесняясь своей наготы.

Но день удался. Было солнечно и тепло.

Дом красного кирпича, явно старой постройки, был ухожен и опрятен. Небольшой по площади, но в два этажа, с просторными верандами на каждом. На нижней веранде грелся на ласковом солнце, сидя в кресле-качалке и что-то напевая, Баграт.

В стороне от дома стояла летняя кухня, апацха. Рядом стирала белье в огромном алюминиевом тазу молодая женщина. Андрей знал ее. Адица, дальняя родственница, она жила недалеко и приходила к Терезе помогать по хозяйству. Услышав голоса, она выпрямилась и, узнав идущих к дому мужчин, широко улыбнулась, вытерла о фартук мокрые руки и заспешила к гостям. По очереди обняла всех, совершив старинный ритуал, описав кистью руки что-то вроде круга около головы каждого, и поцеловав, согласно традиции, в плечо.

А тем временем, услышав на улице голоса, на веранде второго этажа появилась сама Тереза. Княжна, бомбистка, комиссар ЧК, большевичка с партийной кличкой – Афыртын.

Самая любимая и самая уникальная в мире, по мнению Андрея, бабушка.

Одетая, как и многие абхазские женщины, в черные одежды. Ибо почти все теряли близких, чей уход из жизни не мог быть ничем восполнен. И когда

случалось такое горе, женщины в семье, независимо от возраста, облачались, до конца жизни, в траурные, черные одежды. В деревнях одежды шились порой кустарно, из любой подходящей черной, или крашенной в черный цвет, грубой ткани.

Бабушка Тера носила платья, сшитые специально для нее городской портнихой. И ткани всегда внимательно и придирчиво выбирались. Конечно, покрой был строг, без излишеств, но продуманный до деталей и весьма элегантный. И если деревенские женщины повязывали головы самодельными черными косынками, то бабушка, на людях, надевала старинные, тонкой работы, головные платки и шали.

Бабушка очень следила за собой. Конечно, она никогда не пользовалась косметикой, но Андрей еще в юности случайно подсмотрел, как Тереза выщипывает пинцетом ненужные волосы на лице. А роскошные, длинные, в зрелом возрасте, ее волосы, всегда были расчесаны, блестели и пахли медом. Ибо мыла она их не мылом, а каким-то специальным отваром из трав и горного меда.

Ну, а царственная стать, грациозная походка, осанка, умение держать голову – это, конечно, было заложено в нее генетически. Да и Институт благородных девиц кое-что, да значил! Удивительно, но будучи миниатюрной, она производила впечатление высокой женщины.

Были у Терушки свои маленькие женские тайны и пристрастия. Она с удовольствием курила самокрутки из ароматного, но очень крепкого табака

«Самсун», позволяла себе пропустить, во время еды, пару рюмок хорошей чачи, предпочитая свансскую, из тутовника. И еще бабушка обожала хорошие духи.

— Понимаешь, мой друг, — доверительно говорила как-то раз Тереза Андрею, — женщина всегда должна быть женщиной. Неважно, мамзелька ли она среди благородных девиц, парижанка из Высшего Света или такая шальная абхазская чекистка, как твоя бабушка. Даже в окопе настоящая женщина должна быть опрятной и ухоженной. Силянс, внимание, юноша, когда с Вами говорит дама.

Даже в таких приватных разговорах Тереза немногого кокетничала, но как умело и красиво она это делала! С каким достоинством!

Яха до, — вставляла она в свою речь популярное мегрельское непереводимое междометие, и продолжала — так вот, от женщины, помимо всего остального, всегда должно хорошо пахнуть. В этом смысле правильно подобранное мыло и тип духов становятся неимоверно важной деталью дамского бытия.

До революции вопросов не возникало. Мы выписывали из Москвы французское мыло и духи «Красный Мак». Эти духи производились в Москве, но по французскому рецепту. Знал бы ты, малыш, КАКИЕ это были духи. Потом пришел военный коммунизм, и стало не до духов. При НЭПе женщины снова получили, в плоскости обсуждаемой сейчас темы, глоток кислорода. Потом НЭП умер, кислород перестал поступать. Зато, нан, мы научились делать самолеты и танки. Позже, во время войны, мы поня-

ли, что это было важнее духов и французского мыла. Сейчас, слава Небесам, войны нет. Правда, хорошего мыла тоже.

— Подожди, Терушка — удивлялся Андрей. — «Красный мак» выпускают в Москве и сейчас. У нас в Абхазии эти духи можно купить в сельпо, в любом селе. Ты что, этого не знаешь?

Надо было видеть, с каким выражением лица смотрела, в этот момент, бабушка на внука. Наверное, так же снисходительно, как смотрят на неразумное малое дитя. Которое плохо понимает, о чем говорит. Так же плохо, как ее племянник Баграт.

Ведь не могла большевичка, хоть и бывшая, говорить внуку, что ТЕ духи производили в царское время, когда и мануфактура русская была порой лучшее манчестерской, а конфеты обладали изысканнейшим вкусом и, вообще, по Гагре до Первой войны конка ходила.

А у теперешних «хозяев жизни» руки растут оттуда, откуда у нормальных людей растут, обычно, ноги.

Зная слабость Терушки к духам, Андрей перед очередной командировкой за рубеж поинтересовался у переводчиц отеля выездов, какие духи могли бы подойти даме Бальзаковского, скажем, возраста, образованной, обладающей прекрасным вкусом. Девушки посмотрели на молодого ученого с озорством, и с удовольствием выдали кучу рекомендаций.

Вот и сейчас в сумке внука ждал своего часа флакон настоящих парижских духов «MADAME ROCHAS».

Он, конечно, не мог «дегустировать» ароматы, но с восторгом оценил великолепный дизайн упаковки. Небольшая коробочка была, казалось, оклеена настоящей узорчатой парчой, с золотистым утонченным орнаментом на белом фоне.

Цена флакона пробила, правда, огромную брешь в командировочных Андрея, но зато с каким уважением смотрели на него молоденькие продавщицы магазина, пока он оплачивал покупку.

Еще он купил бабушке роскошный гребень в стиле ретро, пластмассовый, но прекрасно выполненный «под черепаху». Ну и, для полного счастья, несколько пачек дамских сигарет «SILVER THINS», крепких и очень ароматных.

И вот сейчас Терушка, любимая бабушка Андрея, стояла на балконе, в элегантном черном платье и черной же косынке, статная, с ровной спиной, с гордо посаженой головой, как военачальник, маршал, генералиссимус, обозревающий с возвышенности бесчисленную свою рать. И так же, как военные прикладывают к глазам бинокли, приложив правую руку ко лбу, «козырьком».

Проявлять свои чувства на людях было не в характере бабушки. Она терпеливо подождала, пока прибывшие родственники подойдут вплотную к дому, и только тогда позволила себе слегка помахать рукой и сдержанно улыбнуться. Но уже в доме не удержалась и, хоть на секунду, но прижала нежно к себе внуков. Сыну же по-мужски, очевидно, как большевик большевику, просто протянула руку.

И пока женщины суетились в апацхе, накрывая на стол, молодые люди пошли пообщаться с Багратом. Взяли стулья и расположились рядом с креслом-качалкой. Успевший задремать Баграт пробудился от шума и радостно закивал гостям.

Он всегда был доброжелательным, веселым и улыбчивым. Андрей поражался, как удалось его двоюродному дяде сохранить добрую и отзывчивую душу после нечеловеческих испытаний, выпавших на его долю. И где он брал такое количество доброй энергии?

Характер Баграта, его доброта и восторженное восприятие окружающего мира сохранились даже теперь, когда болезнь превратила его в инвалида и сметстила, видимо, его разум в другую реальность. Он, как и прежде продолжал любить и ценить, по своему, красоту природы, теплые солнечные лучи и всех людей, весь мир.

Правильнее сказать – почти всех людей. Ибо одно имя всегда, безо всяких исключений, вызывало у него бурю отрицательных эмоций, негодование и ненависть. Это имя принадлежало главному обидчику, человеку, не человеку даже, а монстру, выродку рода человеческого. Тому, кого Баграт считал повинным в сломанной судьбе, своей и еще тысяч людей. Лаврентию Берии.

Не было и не могло быть для Баграта в этом вопросе никаких компромиссов.

Дети, в силу своей непосредственности, иногда бы-

вают жестокими, не понимая этого. Андрей вспоминал, как соседские мальчишки пытались, как-то раз, «обвести вокруг пальца» больного уже Баграта.

Они называли подряд и достаточно быстро имена людей, которые были приятны Баграту, провоцируя его благостную реакцию.

Например, говорили: Тереза! Или: Дядя Арвелод!

Баграт улыбался, закатывал от удовольствия глаза и, с трудом, нараспев выговаривал: Р-реза – ЦАЦА, Р-велод – ЦАЦА.

Тут же получал новую нагрузку: «а Никита Хрущёв?»

– ЦАЦА, ЦАЦА, – радостно повторял несчастный инвалид, потея от напряжения.

И когда его усталость стала очевидной, маленькие инквизиторы скороговоркой вставили: ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ! Надеясь, что Баграт по инерции произнесет желанное «ЦАЦА», на потеху ребятни.

Но улыбка моментально слетела с лица Баграта, глаза широко открылись, на шее вздулись вены и инвалид с ненавистью исторг из себя: Нэ-эт, Бер-рия не ЦАЦА! С-с-своловь! Е-его мать! Семь-наа-дцать лет Махадан, Махадан...

Тогда Андрей объяснил сорванцам, достаточно строго, что так поступать нельзя. И эксперименты мальчишек закончились.

Конечно, и Баграт не остался без подарка. Андрей вручил ему калейдоскоп, вмонтированный в оправу очков. Очки прилюдно водрузили на дядюшкин нос.

Смущенный таким вниманием, он не сразу воспринял сказочные возможности подарка, а когда понял, замер и какое-то время сидел, не двигаясь. Потом запел вполголоса загадочную свою песню, периодически постукивая по оправе дееспособной своей левой рукой, меняя картинки в калейдоскопе.

Бабушка, тем временем выйдя из апацхи, направилась к дому.

— Москвич, — поманила она рукой Андрея. — Пойдем, поможешь мне отнести посуду. — А ты отдыхай, юрист, я сказала, — остановила она Даку, тоже попытавшегося встать.

Андрей понял, бабушка собирается сказать ему нечто, предназначеннное только для его ушей. Ну и хорошо, подумалось ему, отдам заодно подарки. Он ведь не предполагал, что в доме окажется еще и Адица. А одаривать только одну женщину, в присутствии другой, выглядело бы не очень красиво.

Конечно, Тереза, как маленький ребенок, ждала, чем же обрадует ее старший внук на этот раз. Хоть она и обладала железной выдержкой, но широко открытые и будто бы светящиеся глаза выдавали ее любопытство и нетерпение, пока Андрей разворачивал пакеты с презентами. Тем более, что он делал это крайне медленно. Нарочно, естественно.

При виде духов ее глаза разгорелись еще сильнее. С достоинством и внешним спокойствием приняла она подарки, царственным жестом распечатала духи и поднесла флакон к носу, не вынимая пробки.

Предвидя реакцию внука, авторитетно произнесла:

— Хорошие духи должны чувствоватьсь как раз с притертой крышкой.

И выждав паузу, добавила:

— Эти духи хорошие, очень хорошие. Гран мерси, мон ами! Огромное спасибо, мой друг. У нас застолье, сейчас заявится, на запах, нет, не духов, а чачи, мой кавалер. Жаль, он не разбирается в духах. Да и никто, здесь, в деревне, ни в чем не разбирается, — вдруг с грустью прошептала Тереза.

А может быть, внуку показалось, что с грустью.

— Уара (обращение к мужчине), совсем заморочил мне голову своими буржуазными штучками, — восставливала бабушка, хотя бы внешне, свой привычный статус-кво большевички, главы семьи.

— Нам сегодня оч-чень серьезный разговор с тобой предстоит. Будь готов. После обеда.

А «кавалера» бабушкиного Андрей прекрасно знал. Это шуточное, но почетное звание получил от Терезы сосед, живший неподалеку, вдовец и выпивоха по имени Дзуку. Правда, так его никто не называл, ибо было у него издавна прозвище, прилипшее к нему много десятилетий назад и как бы сросшееся навечно с его «мелким» худым телом подростка. Звучало оно немного странно, но именно так его и величали. «Скагнот вергу», что в переводе с мегрельского означало — «Для тебя не годится» или «Тебе не подойдет».

Никто в селе толком не знал, сколько ему лет. Был он, на самом деле, очень стар, гораздо старше Терезы.

Но сельские старики в один голос говорили, что всегда знали Дзуку таким как сейчас; худым, жилистым и постоянно выпившим. Даже во времена «Ас-Ду», Большого Снега. (А Большой Снег, как известно, выпал в Абхазии аж в 1911 году). Даже тогда Дзуку выглядел примерно так же, как и теперь.

И откуда возникло такое лихое прозвище, тоже было известно старикам.

Андрей с удовольствием, в разных интерпретациях, многократно выслушивал поучительную эту историю.

Итак, большое село в Абхазии со смешанным населением. На стыке девятнадцатого и двадцатого веков. Благодатный климат, благодатная земля. Как говорили в шутку: «забудешь вечером вынуть из земли лопату, смотришь, а на утро из черенка чего-нибудь да выросло».

Земли у всех было достаточно, и трудились на ней селяне, не покладая рук. И земля щедро всех вознаграждала обильными урожаями.

И вот тут начинались нюансы. Абхазы были более ортодоксальны в следовании традициям. Чтился и скрупулезно соблюдался мировоззренческий негласный кодекс поведения – «Апсуара». Он, в частности, предполагал некий запрет, табу на определенные действия, отношения между людьми, в быту, в семье.

Обозначались обычно все эти ограничения, одним словом: – «Пхащароуп». Понятие это не было жестким и резким запретом по типу арабского – «Харам», но мягко предписывало, чего делать было нельзя

или нежелательно. Дословный перевод этого слова – Стыд, Стыдно. На самом же деле значение слова было гораздо шире. Это был, по сути, некий социальный регулятор поведения, жизненная философия народа.

«Пхащароуп» – это понятие, побуждающее человека быть лучше и, одновременно, усиливающее бо́язнь уронить себя в глазах общества. Сегодня, конечно, некоторые табу выглядят наивными. Но в те годы, в частности, продажа излишков сельхозпродукции, выращенной на своей земле, и вообще, торговля, как занятие, были для абхазов – «Пхащароуп».

Мегрельские семьи не были отягощены похожими традициями. Активно занимались не только примитивной торговлей, но и коммерцией в более широком смысле слова.

Кроме того, большие, как правило, мегрельские семьи славились владением различными ремеслами. И колесили по Абхазии и Грузии, а порой, и по Ново-россии, бригады каменщиков, плотников, краснодеревщиков, состоящие, в основном, из родственников.

Работники они были прекрасные, хорошо зарабатывали и были зажиточными людьми. Практически все. Ну, или почти все.

Дзуку из их числа явно выпадал. Называть его лентяем язык не поворачивался. Но и особым рвением в работе он не отличался. От покойных родителей достался ему приличный участок земли на окраине села, ветхий деревянный дом, крытый соломой и большой, такой же деревянный, сарай.

Он рано женился. Вернее, его женили родственники, когда очередная эпидемия гриппа, Испанки, как болезнь называли тогда, унесла сразу родителей и младших сестер Дзуку. В жены ему привезли долговязую, длинноносую и явно перезревшую девицу из дальнего села. Он не противился. Жена оказалась сварливой, бесплодной, но работающей.

Так и возились они постоянно вдвоем на своем участке. С едой, вином и чачей проблем не было. И нашел для себя мягкий, безропотный муж отдушину от жениной сварливости. Так или иначе, его день начинался с чачи и чачей же заканчивался.

Каждый день был Дзуку слегка «навеселе», но напивался редко и никогда не боялся.

Зимой, когда свободного времени было вдоволь, ходил подрабатывать, через все село, к дальнему родственнику.

Этот самый родственник, Ипполитэ, являл собой пример европейского сельского буржуа. Глава даже не семья, а целого рода, он сумел создать активную, бурно и разумно развивающуюся мини-империю, прообраз агропроизводственного холдинга.

Сам он был личностью колоритной. Носил напомаженные усы с подкрученными, согласно моде тех лет, кончиками. Предпочитал, в выходные и праздничные дни, костюмы-тройки из английского сукна, причем в кармане жилетки всегда красовалась массивная серебряная цепочка с часами «BREGUET».

Еще у Ипполитэ, был, как говорили тогда, свой «выезд». То есть он владел изящным и очень дорогим

конным экипажем, выписанным из самого Санкт-Петербурга.

Обладая природной крестьянской смекалкой, семиклассным образованием, что было большой редкостью, а также удивительной интуицией, он хорошо понимал, что для развития хозяйства нужен продуманный, основанный на профессионализме план. Именно Ипполитэ, один из первых в Абхазии выписал из Ростова-на-Дону дипломированного агронома.

Кроме того, он получал через почтовое ведомство различную специальную литературу. А учитывая, что в семье действовал порядок пожестче армейского, где каждому были известны его обязанности и участок работ, основа для движения вперед была заложена.

И дело пошло.

Довольно скоро большое разнородное крестьянское хозяйство стало приобретать черты многопрофильного предприятия. Держал Ипполитэ мясной скот, коров и коз, благо альпийские луга, а значит, первоклассный и даровой корм, были рядом. Одним из первых освоил разведение тутового шелкопряда, завозил уникальные виды пчел, размещая пасеки в предгорьях. Выращивал табак элитных сортов, «Самсун» и «Трабзон». Ну и, конечно, имел обширные виноградники.

А еще на территории усадьбы, где в большом, двухэтажном каменном доме, жила семья Ипполитэ, находилось несколько хозяйственных построек, где, в частности, были небольшие цеха; камнерезный и столярно-краснодеревный.

Как раз в «столярку» и наведывался Дзуку. Конечно, семье была нужна финансовая подпитка. Ведь банальные спички, соль, керосин, нитки можно было купить только за деньги. Правда, иногда в села приезжали «злетные» коробейники, у которых можно было обменять на продукты кое-что из мануфактуры. Кстати, подобный обменный, а не прямой торг, правилами допускался. Но он проблемы не решал.

Батрачество в любой форме, то есть работа на кого-то, было как раз – «Пхащароуп», но оно касалось только абхазов. Правда, многие мегрэлы, в том числе Дзуку, из уважения к традициям соседей, обычно говорили, нанимаясь на поденные работы, что идут учиться, осваивать профессию.

Дзуку на самом деле работал в столярном цеху не только ради заработка. Он полностью ощущал себя в своей стихии только здесь.

Он упивался запахом древесины, и не было в мире для него более родного запаха. Он гладил рукою свежеструганные доски, чувствуя их природное тепло и мощную тайную энергию, исходящую от дерева. Он прикладывал к доскам ухо, закрывал глаза и, казалось, что слышит он, вернее, чувствует всем телом своим загадочный какой-то гул и вибрацию. Будто разговаривают с ним, как живые, спиленные человеком вековые стволы деревьев.

Даже оставаясь, иногда на ночевку, отказывался от кушетки в доме, предпочитая спать на древесных стружках, раскинув поверх них жесткое суконное одеяло.

Он научился изготавливать инструменты для резьбы по дереву, сам составлял мудреные смеси морилок и политур, виртуозно вытачивал из металла мебельную фурнитуру, доводя предметы до зеркального блеска, полируя их тертым сланцем, кожей и сукном.

В скором времени слава о резных дверях, элементах обрамления балконов, наконец, о мебели, изготовленных руками Дзуку, вышла далеко за пределы села.

Ипполитэ немного раздражала привязанность Дзуку к спиртному. Но он очень ценил талант своего родственника и не раз предлагал тому возглавить цех, работая постоянно. Конечно, в этом случае, финансовые перспективы становились очень заманчивыми. Но Дзуку всегда отказывался, ибо не представлял себя вне своего личного хозяйства и привычной жизни хоть и с ворчливой, но с законной своей женой.

Родственнику оставалось ахать, охать, разводить руками и, в сердцах, произносить:

– Голова дурная, а руки прекрасные! Жаль, не тому человеку достались!

Как-то раз, зимой, Ипполитэ простудился и слег с сильным жаром. Местным захарям, он, как человек образованный, не доверял. Вызвал Дзуку и дал тому очень важное поручение; оседлать лошадь, взять стоящий в отдельном боксе при конюшне экипаж и привести из Гулрыпша доктора Смецкого.

Дзуку поручение выполнил, оперативно доставив врача. Смецкой был светилом, выдающимся врачом, но очень скромным и отзывчивым человеком.

Не было случая, что бы он кому-либо отказал в приеме. Врач поставил Ипполитэ диагноз – воспаление легких – обозначил необходимый курс лечения, оставил ворох порошков и мазей. Отобедал и заспешил назад.

Дзуку был наготове и доставил доктора домой быстро и комфортно, в роскошном хозяйствском экипаже на резиновом ходу и с поднимающимся тентом из тонкой кожи.

На обратном пути, проезжая Очамчиру, решил навестить двоюродного брата, жившего здесь, в городе. Дзуку в семье брата очень любили, гостем он был редким, приезд его неожиданный стал праздником и, соответственно, в короткий срок был накрыт праздничный стол.

К дому брата собралась вся ребятня округи, восхищенно осматривая и ощупывая невиданный ранее великолепный экипаж, на котором приехал Дзуку. Да и сам он, видимо, в этот момент воспринимался ими, как важная очень персона, то ли столичный чиновник, то ли богатей какой. А кто еще может ездить в такой «фешемебельной» бричке?

И вот это оказалось тем самым редким случаем, когда наш герой напился. Совсем. Вдрызг, как говорится.

Но пьяный, не пьяный, а помнил он, что Ипполитэ нужно вернуть экипаж. И именно сегодня! Как бы там не было, но оставаться у брата Дзуку не стал. С помощью родственников взгромоздился на облучок экипа-

жа и, с трудом сохраняя равновесие, выехал на тракт. Ночь, видимо, была лунной, и Дзуку без проблем до-брался до поворота на село. Дорога пошла немного в гору, лошадь привычно, не спеша тянула экипаж и... Дзуку уснул.

Что случилось потом и почему лошадь понесла, так и осталось тайной для всех.

Дзуку очнулся на земле. Экипаж, съехав с дороги, повис над обрывом, а лошадь, задыхаясь и скользя копытами по влажной грязи, с трудом пыталась его удержать, но неотвратимо приближалась к обрыву сама. У Дзуку хватило соображения и сил. Он выхвачил нож и моментально обрезал кожаные крепления. Лошадь была спасена. А экипаж, будто упиваясь не-запной свободой, покатился с ужасающей скоростью по склону оврага, к протекавшей внизу реке. И, как бы ставя точку в полосе сегодняшнего невезения нашего героя, врезался неуправляемый экипаж, со всей своей инерционной силой, в единственный крупный валун, торчащий из воды.

Постоял какое-то время потрясенный джигит, опустив голову, над трагическим камнем судьбы своей и останками экипажа, а затем двинулся удрученно в сторону села. Лошадь послушно шла рядом, иногда толкая мордой человека в плечо. То ли сочувствуя, то ли, наоборот, подбадривая. Влезть же на породистую лошадь, не привыкшую к наезднику, да еще и без седла, Дзуку не решился.

К утру они, лошадь и незадачливый кучер, подошли

ли к имению Хозяина. Узнав свой дом, лошадь радостно заржала. Ее спутнику же было не до радости.

Ипполитэ, будучи человеком умным, прекрасно понимал, что истерики и скандалы уже ничего не изменият. Откашлявшись и глядя в упор на понуро стоящего перед ним родственника, спросил ровным тоном:

— Что будем делать, Дзуку? Как ты предполагаешь компенсировать мне потерю такой дорогой вещи?

Виновник помолчал и неожиданно произнес: — Сделаю новую, точно такую же. Дай мне время.

Хозяин был ошарашен!

— Новую что? Ты собираешься сам, своими руками изготовить экипаж? Ты хорошо подумал, прежде чем сказать это?

— Подумал. — Не поднимая головы, отвечал Дзуку. — Ее же, бричку, тоже сделали люди!

Удивленный хозяин выждал паузу.

— И сколько же тебе нужно времени? — Задал он, наконец-то, вопрос.

— Четыре месяца. — Уверенно и четко ответил Дзуку.

Хозяин еще немного подумал и, заканчивая разговор, огласил свое решение.

— Согласен. По рукам!

Село замерло в ожидании. Событие сие стало основной темой разговоров для всех, без исключения, селян. Везде бурно обсуждали ситуацию, строили по-рой фантастические предположения о возможных путях разрешения конфликта.

Кто-то предсказывал Дзуку победу, оглушитель-

ный успех. Другие же искренне сомневались, что пьянчужка-подмастерье «потянет» столь сложную, почти ювелирную работу, требующую к тому же специальных знаний и навыков, хотя бы слесаря и шорника. Тем более, работая в примитивных, кустарных условиях.

Так или иначе, но селяне отсчитывали дни, испрощенные их земляком.

Некоторые, особенно любопытные, пытались подглядывать за «мастером» сквозь щели в его сарае, но предусмотрительный Дзуку их заблаговременно законопатил. Конечно, можно было подслушивать, что творилось в сарае, но сквозь доски доносились лишь невнятные мелодии, напеваемые под нос, глухие удары молотка, да пожалуй, еще и характерное трение металла об металл.

К тому же сельскую ребятню, а «шпионила» в основном она, регулярно гоняла долговязая и злая жена Дзуку.

Время шло, ничего не менялось, тема потеряла остроту и стала, понемногу забываться всеми. Кроме самого Ипполитэ, понятно. Но был он человеком слова, воспитанным к тому же, и напоминать, кому-либо считал недостойным делом.

Только когда до истечения срока оставалось три дня, встретив Дзуку на похоронах земляка, не удержался и спросил, правда, неконкретно, а как бы так, в общем: – Как дела?

– Всё в порядке! – отвечал родственник. – Жду тебя через три дня.

Ровно через три дня Ипполитэ верхом подъехал к дому «должника».

Дзуку его явно ждал, вышел из дома, с уважением приветствовал старшего, помог ему спешиться, привязал коня к изгороди и широким жестом пригласил гостя пройти на участок. И пока они шагали к сараю, Ипполитэ, глядя на совершенно спокойного, даже радостного своего родственника, не удержался и с подозрением, но и с восторгом одновременно, спросил: – Неужели получилось?!

– Получилось. – С достоинством ответил Дзуку, распахивая настежь двери сарая.

– Мара СКАНОТ ВЕРГУ, – громко добавил он. Перевод гласил: «Но тебе не подойдет».

И слегка, уважительно, подтолкнул гостя в спину.

Сквозь раскрытые створки дверей сарая внутрь помещения щедро вливался яркий дневной свет. В центре большого помещения, на дощатом помосте гордо стоял ОН, уникальный конный экипаж, выписанный когда-то, за большие деньги, аж из самой столицы.

Вернее, его копия, выполненная, вся, до последней детали, талантливыми руками сельского самородка, выпивохи и «серой мышки» по имени Дзуку.

Матово мерцали деревянные части, выполненные из мореного дуба и покрытые скрипичным лаком. Металлический каркас тента был обшит мягчайшей черной хромовой кожей. Радостно и активно отражали свет сверкающие полированные стальные спицы и медная окантовка колес. Подушки сидений так же

были изготовлены из мягкой кожи, но уже другого, вишневого цвета. По краям сидений лежали еще две подушечки-думки в чехлах из гобеленной ткани ручной выработки.

Безусловно, экипаж этот был произведением искусства.

И все бы ничего, если не говорить о его размере. Но дело-то в том, что копия эта была уменьшенной. Примерно раз в пять!

Так вот почему – СКАНОТ ВЕРГУ! Конечно, Ипполитэ не мог, при всем желании, использовать ее по назначению. И значит, она ему действительно не подходила.

В помещении стояла гробовая тишина. Пауза затягивалась, а Дзуку боялся даже поднять глаза и посмотреть на родственника. Когда же решился, обнаружил, что Ипполитэ не отводит взгляда от экипажа, а по лицу его буквально струятся слезы.

– Говорил же я, не того человека наделили Небеса такими удивительными руками.

Ничего подобного не видел, и представить не мог. Вот что, – продолжал он, вытерев платком слезы – приготовь прочную упаковку, завтра я пришлю людей и заберу экипаж. Ты со мной рассчитался, теперь я твой должник.

– Вот тебе, – протягивая потерявшему дар речи Дзуку крупную купюру, закончил Ипполитэ сюжет с экипажем. – Купи себе приличный костюм и обувь. Ну и этой, своей, тоже чего-нибудь купи. Там хватит.

Так в этой драматической истории с экипажем, в конфликте между действующими лицами была поставлена жирная точка. Рассказывали, что Ипполитэ застеклил часть веранды второго этажа и выставил модель там, как в музее. И стало для него правиломходить в этот домашний музей многочисленных своих гостей. И радовался он как ребенок, когда слегка обалдевшие люди, как правило «навеселе» после обильного застолья, наперебой нахваливали это чудо света.

Потом установилась Советская власть. И хоть в Абхазии не было такого жесткого раскулачивания крестьян, как в России или, к примеру, на Украине, зажиточных селян тоже «пошипали». Чтобы задобрить местную власть, Ипполитэ, скрепя сердце, подарили модель сельскому Совету. Места в здании не нашлось, председатель сельского Совета решил отвезти модель в столицу и отдать в музей. Пока же экипаж убрали в кладовку и... благополучно о нем забыли.

В тридцать седьмом председателя сельского Совета объявили врагом народа и расстреляли. В здании Совета были обыски, а потом там случился пожар. Сгорел ли экипаж в огне или его до пожара вывезли чекисты, так и осталось тайной.

Но все это случилось позже.

Дзукку же, после исторического визита Ипполитэ в сарай, земляки стали называть именно так – «СКА-НОТ ВЕРГУ»!

Бабушка как всегда была права. Как только в апацхе накрыли стол, тут же появился «кавалер», «Сканот вергу», собственной персоной.

Придирчиво осмотрел «Жигули» дяди Арвелода, аккуратно прикрыл за собой калитку и быстрым шагом, слегка склонив голову, энергично зашагал к дому.

Увидев Андрея, расплылся в улыбке и раскрыл для объятий одну руку. Одну, ибо в другой держал какой-то сверток, прижимая его к пиджаку.

— Москвичи, скан чирума (да перейдут ко мне твои неприятности), — очень рада тебя видеть. О, ишо Даури здесь!

«Сканот вергу» с радостью, церемонно облобызала всех троих мужчин. От него приятно пахло листовым табаком и домашней чачей.

— Мироновна, — почтительно произнес он, обращаясь уже к Терезе, — тебя сегодня частливи!

— Уара, ты мне голову не морочь, — строго отвечала бабушка. — Я всегда счастливый человек! Ты что там от нас скрываешь? Во второй руке?

Сосед засмущался. Он постоянно пытался задобрить сурового своего «старшего товарища», принося ей различные мелкие подарки. Как правило, вручал их, со слов Терезы — Тет-а-тет — то есть один-на-один.

Сейчас рядом были хорошо знакомые, но все-таки посторонние люди. И возможно, счел он свой дар слишком скромным.

— Что, Мироновна? На какой рука? А, на это! Топури ре! Миод эта, на каштану мой пчели сабрал. Палезний миод! Медицинаури. Как лекарства.

И продолжая смущаться, неуверенно протянул Терезе банку, завернутую в газетный лист.

Тера царственным жестом приняла презент и указала компании на апацху.

А из апацхи, стелясь над участком, исходил волшебный аромат только что приготовленной еды.

Накрытый стол мог бы кому-то показаться скромным. Не было на нем каких либо особых праздничных разносолов. Но то, что было приготовлено, было приготовлено от души, в лучших традициях крестьянского гостеприимства и кулинарных возможностей.

Внешний вид еды и ее запахи кружили голову, вызывая аппетит и предательски усиливая слюноотделение. Бабушка прекрасно знала, что именно любят ее внуки и постаралась, как всегда, быть на высоте.

В центре стола красовалась огромная круглая ароматная буханка так называемого «Драндского» хлеба. За этим хлебом ездили довольно далеко, в поселок Дранда. Его закупали впрок. В деревнях знали тайные способы хранения хлеба. Перед подачей на стол его смачивали и прогревали в печи. И хлеб становился таким, каким его обычно покупают в самой пекарне, свежайшим, с пылу-жару. Выпеченный из муки высшего сорта, хлеб обладал пористым белым мякишем и коричневатой хрустящей толстой коркой. Он был очень вкусен!

Помимо хлеба бабушка, чтобы угодить особенно старшему, московскому внуку, испекла «Амгял», лепешку, а вернее нечто вроде пирога из кукурузной муки, внутрь которого она клала пластины копченного домашнего сыра. Сыр плавился внутри пирога, пропитывая тесто изысканным своим ароматом.

На маленьких порционных глянцевых тарелках уже дымилась абыста, традиционная кукурузная

каша, к которой, на выбор, предлагались два сорта так – же традиционных рассольных сыров, из молока буйвола и козий. И, конечно, измельченный молодой сыр с красной аджикой.

На этом сырная тема не заканчивалась. В глубокой миске, радуя глаз сочетанием белых и зеленоватых тонов, ожидала своего часа гебжалия, рулеты из обваренного молодого сыра с начинкой из мяты, залитые смесью кислого молока, зеленой аджики и пахучих трав. Нежную зеленоватость гебжалии мощным цветовым аккордом подхватывал ворох свежей зелени на большом блюде. Тереза устроила рядом с домом некое подобие теплиц и теперь у нее круглый год на столе была свежая зелень.

Безусловно, украшали натюрморт и вносили свои ароматы в общий «букет» обмазанная аджикой вареная курица огромных размеров и нарезанная крупными кусками свинина домашнего копчения.

И, конечно, какой абхазский стол можно считать полноценным, если на нем отсутствует акуд, очень простое, но удивительно вкусное блюдо из фасоли. Уже когда все рассаживались, Адица принесла благухающую кастрюлю с ароматной, обильно приправленной специями массой, из центра которой торчала привычная лопаточка из самшита.

Дополняли картину мисочки с фирменными бабушкиными соусами. Ореховый, двух видов, а еще помидорный и алычовый асацбал.

В честь гостей, к их огромному удовольствию, Тереза выделила, помимо вина, чачу из своих секретных «закромов», настоящую на ореховых перепонках.

Застолье затянулось допоздна. Баграт, как всегда, радовался гостям. Он очень любил общение. Адица покормила его и, сидя в своем кресле-качалке, он-то подремывал, мурлыча при этом себе под нос нескончаемую свою песенку, то открыв широко глаза, радостно всем улыбался и согласно кивал головой.

«Сканот вергу» выпил, смакуя, несколько рюмок бабушкиной чачи, впал в ностальгическое состояние и стал вспоминать былое.

— Перед самий войну, — начал он рассказывать, из уважения к москвичу Андрею, — на русском — к мения пришел уважаеми Ардашин, наша секретарь партия, гаварит мения, ти, гаварит, Сканот вергу, ох, свиноватуум (извиняюсь), товарищ Дзуку, ти, гаварит есть сельский беднота, значит, внутри свой душу ти есть бальшевик. Ми получили дакумент, тебиа заберем город, на комитет партия. И там на партия паступишь. Ми сельски ячейка укрепить будем. Даже не вазражай!

«Сканот вергу» вынул из кармана заготовленную впрок самокрутку, закурил, распространяя вокруг себя клубы душистого дыма, и продолжил:

— Через два дниа повез он мения на городу, привел бальшой дому, внизу что-то сказал мелиция и павиол мения на кабинет. Там салидний такой человек, на военному рубашку одетий, из-за столу встал, меня руку пожал, назвал товарищ Дзуку и на кресла посадиль.

Гаварит, мол, товарищ Дзуку, тебиа хароший биография имеешь, хатим тебя на партия. Анкета, гаварит,

нада, но это таварищ Ардашин напишет. Ми маленький пориадка имеем, небольшой праверка нада. Камуви, таварищ Дзуку знаете из наши великий партийни руководитель?

— Эта он мениа спрашивает, — говорит «Сканот вергу», — растерялся я, но отвечаю. Таварищ Сталин, Иосиповичи! Ешо таварищ Берия Ляуренти Павловичи! А дальше забыл, вальнуюсь. А это человек в кабинетэ, унчashi (старший, главный) улибается и просит ешо какой-нибудь имя. Я совсем растерялся и говорю — Таварищ Троцкий?

Эта человек пабледнел, Ардашину смотрит, как на врагу. Спрашивает ему по-абхазки, а я ведь понимаю, каво ти Ардашин привел? Я, гаварит, должен вас НКВД отправить. Но, ти, гаварит, Ардашин, мая родственник, не хочу тебя нещастья. Убери ему к чортови матери, я ничего не слышал и никому не видел!

Так мениа партия не взяли, а бедни Ардашин кажди неделя приходил, то вино, то чача принесет. Прасил, «Сканот вергу» мая брат, никому не скажи, а то расстреляют нас! Пока сам на война не ушел и там пагиб, бедни, а то баиялся очень.

Начало воспоминаниям было положено. Теперь Тереза, водрузив на нос старинное пенсне, предназначеннное только для особых случаев, щелкнув модной зажигалкой, подаренной Андреем еще в прошлый приезд, закурила ароматную американскую сигарету, выждала паузу и начала неторопливый рассказ.

— Силянс, друзья, внимание. Сидела я в молодости в Метехском замке, в тюрьме. Было это при мень-

шевиках. Княжеская дочь, выпускница института благородных девиц, студентка университета, в общем, вполне интеллигентная девица, хоть и бомбистка. Кружевное белье, французское мыло ну и так далее. И вдруг – тюрьма.

Не хочу портить настроение благородному собранию деталями нашего содержания там, не это главное.

Там на меня положил глаз унтер-офицер охраны, зугдидский мегрел по фамилии Г-я.

Вызывает как-то раз он меня из камеры-одиночки, где меня держали, как особо опасную преступницу. У него в служебном помещении кровать, несколько стульев и стол. На столе, на газете, ваза с фруктами, сыр сулугуни, свежий хлеб и черное вино в графине.

Предлагает мне сесть на стул. Я отказываюсь. Зная, что я студентка Тбилисского университета, говорит со мной по-грузински.

Знаете, что этот буйвол безродный придумал? Со мной он чуть ли не стихами говорил, да смысл простой: отдать ему мою честь, а он взамен подумает, чем мне можно помочь.

Я не перебивала, выслушала до конца и вкрадчиво так, чуть ли не с нежностью ему ответила по-мегрельски.

Знает ли он, за что я сижу? Оказывается, знает. Так вот, уважаемый, надо подумать о последствиях, прежде чем делать такие предложения профессиональному революционеру, террористке, наконец, даме аристократического происхождения. Он что, такой идиот, что рассчитывает на согласие?

Итак, — си гочквадили кадзах, скани кубо мизир-дас, — выдала ему набор изысканных и специфических мегрельских ругательств, потребовала вернуть меня в камеру и предупредила, что в случае повторной попытки, оставлю его полностью без мужского достоинства. Просто оторву и всё! И пусть не сомневается, что знаю, как это сделать.

И поверьте, а он меня после этого зауважал. Приносил мне нормальную еду, чистые полотенца и свежие газеты. А как только стало известно, что Красная Армия вступила на территорию Грузии и началась паника, он, рискуя собой, переодел меня в меньшевистскую форму и чудом вывел за пределы тюрьмы.

Может и нет в этом ничего особенно интересного, но у этой истории удивительное продолжение. Уж не знаю я, как он меня нашел, но несколько лет назад приверся вдруг сюда, в село.

За мой председатель колхоза машину прислал. Водитель говорит, тебя, Мироновна, какой-то важный человек из Тбилиси спрашивает, то ли профессор, то ли академик. У председателя в кабинете сидит.

Гость действительно оказался импозантным, образованным, хорошо одетым пожилым человеком. С ним я не была знакома. Как мне казалось.

Тбилисец улыбнулся и произнес: «Надеюсь, Тереза Мироновна, Вы не станете мне отрывать..., как когда-то обещали. Это я, Датико Луарсабович Г-я.

Конечно, я давно научилась не впадать в шоковое

состояние, но этот визит, эта встреча была совершенно удивительна и неожиданна.

Но я, все-таки, оказалась близка к шоку, узнав причину приезда его ко мне:

— Уважаемая Тереза Мироновна, сейчас я оформляю, как ветеран коммунистической партии, персональную государственную пенсию. Убедительно прошу Вас официально подтвердить, что в годы меньшевистского террора я способствовал освобождения из застенков своих товарищей по партии большевиков. Ибо действовал я именно по заданию разгромленной ранее партийной ячейки.

Очень я, конечно, сомневалась в его славном революционном прошлом, но меня-то он на самом деле вывел, то есть правда освободил из застенков. Поэтому с чистым сердцем я подтвердила этот факт.

“СИК ТРАНЗИТ ГЛОРИА МУНДИ”, — многозначительно добавила Тереза, пояснив, на всякий случай, что это латинское изречение, означающее, что жизнь, какая она удивительная не бывает, но, как и слава мирская, в конце концов, проходит.

Всё проходит. А слово “мунди”, кстати, в этом изречении имеет совсем другой перевод, нежели с мегрельского — задница, как некоторые несознательные и неграмотные элементы, присутствующие здесь, могут подумать.

Встали из-за стола, когда село давно спало, глубокой ночью.

С гор дул прохладный ветер, высокое небо каза-

лось необъятным и недосягаемым. Звезд было огромное количество, крупных и совсем крохотных. Они искрились, как алмазы, просыпанные кем-то на иссия-чёрный матовый бархат.

Воздух же, чистый и свежий, как вода из горных родников, пьянил и сводил зубы.

— Ладно уж, не буду тебя мучить сегодня, — прошептала бабушка Андрею, нежно потрепав того по затылку. — Вы устали с дороги, идите спать. Но завтра...

А завтра подняла Тереза внука очень рано, когда солнце только, только начало высвечивать теплым своим, золотистым светом очертания холмов, плавущих пока в сплошной предрассветной синеве.

Поставила перед ним запотевшую банку с кислым молоком и глиняный жбан с благоухающим горным медом.

— Жду Вас, мосье, в моем будуаре, через десять минут. Остальные пусть дрыхнут, нам они будут мешать.

Произнеся сию тираду с театральной интонацией, Терушка удалилась к себе.

Через десять минут внук сидел на стуле у секретера, в “святая святых”, в бабушкиных покоях, ибо именно на этот стул ему и было указано. Бабушка же пододвинула поближе к секретеру свое кресло, чтобы сидеть рядом с внуком.

Андрей давно не был в бабушкиной комнате, поскольку Тереза не очень любила кого-либо в нее допускать, в том числе и самых близких. Это была личная,

приватная территория бабушкиной памяти, населенная образами и предметами, дорогими для нее и непонятными никому вокруг.

Здесь все дышало ностальгией. По былым временам, по ушедшим людям, по рухнувшим мечтам, по неродившимся в этом доме детям.

Здесь был хрупкий мирок ее жизни, ее привычек, ее принципов мироздания. Единственное место в мире, где не нужны были маски, где никто не навязывал ей правил поведения. Где она могла, в сердцах, выругаться “солеными” словами или, наоборот, всплакнуть, как малое дитя.

Большая, просторная комната, единственная в доме, где стены были не просто белеными, а отделанными альфрейными, рисованными виньетками и потолочными фризами – “под старину”. Внутри больших виньеток, на всех стенах были развешаны фотографии и дагерротипы в стариных деревянных рамках.

На большем количестве, как сказали бы сейчас, ретро-фотографий, были изображены мужчины в черкесках, господа в английских костюмах-тройках, в котелках или в шляпах-канотье, и дамы в изысканных платьях. С удивительно сложными прическами, в умопомрачительных, порой, шляпках. С мудреными бамбуковыми зонтиками и, иногда, с декоративными собачками на руках. На фоне нарисованных павильонных пальм или совершенно реальных дворцов и экзотических особняков Лазурного берега Франции. Хотя, возможно, это была Гагра тех лет.

Удивительно, но эту ретро-гармонию совсем не портили более поздние снимки, из бурного революционного прошлого страны, свидетелем и участницей чего была и комиссар ЧК, большевичка Тереза.

Будучи дамой совсем не робкого десятка, в годы разгула репрессий, Тера не уничтожила, как это делали многие, из страха, фотографии и документы, связанные с людьми, чьи безвинные жизни попали под страшную косу НКВД. И сейчас, когда давно канули в Лету сталинские времена, эти люди, живые и веселые, смотрели чистыми глазами на мир с фотографий на стенах в комнате их боевого, не предавшего память, товарища.

Тереза сохранила старинную мебель своего брата и сейчас резной секретер, стулья и стол с гнутыми ножками, огромная кровать, а еще и древнее пианино с ломберным столиком создавали удивительно уютный и стильный интерьер. В который гармонично вписывались бронзовые люстры и настенное бра и плотные, тяжелые шторы, прикрывающие, при желании, всю плоскость окон.

Бабушка была, как обычно, в темном платье, но без обязательного платка или косынки. Ее великолепные, густые и пышные волосы, были тщательно расчесаны и заколоты новым гребнем. По комнате разносился изысканный аромат французских духов.

Взяв с ломберного столика пепельницу, пачку сигарет и зажигалку, Тереза села в кресло рядом с внуком, закурила и надела привычные свои очки в круглой оправе.

— Удзири, нан. Слушай меня очень внимательно. Никогда, в старые времена, в правильные времена, я бы сказала, женщина не вела бы с мальчишкой разговор о женитьбе, даже если мальчишка этот ее внук.

Но времена изменились, да и меня трудно назвать женщиной в классическом значении этого слова. Да и ты не совсем уже и мальчик. Ты, говорят, уже профессор?

— Нет, Терушка, не профессор. Я кандидат наук, доцент. Правда, сейчас замещаю заведующего кафедрой, это профессорская должность, но это временно, — пояснил Андрей, уважающий безупречную точность любой информации.

— Ну и что! — парировала бабушка. — Сегодня временно, а завтра — обязательно профессор. Открой, пожалуйста, секретер. Вынь левый ящик. Там увидишь шляпку гвоздя. Потяни ее на себя.

Андрей последовал указаниям. Когда он потянул за гвоздь, что-то внутри секретера щелкнуло, от задней стенки отделилась тоненькая деревянная панель, за которой обнаружилась небольшая полость. В пространстве между настоящей и фальшивой стенками лежала плоская коробочка и какой-то длинный узкий предмет, обернутый куском сукна.

— Достань это! — приказала Тереза.

В коробке оказалась удивительной красоты и великолепно выполненная из золота женская брошь. Старинный парусник, изготовленный мастером-ювелиром высочайшего класса. Будто собранный из мельчайших деталей, он поражал воображение. Рей, паруса, крохотные пушечки, флаги на мачтах.

Все это великолепие было мастерски вписано в рамку-виньетку, усыпанную мелкими бриллиантами.

— Она досталась мне от моей бабушки. Можно сказать, это достояние нашего рода. Брошь — единственное, что сохранилось. В нашей семье к цацкам относились спокойно, но это — не цацка. Я уже сказала, это, своего рода, наш фамильный талисман.

Убери его на место и знай, где он хранится. Я бы очень хотела отдать брошь твоей матери, но не имею права. Она передается только через поколение. Значит, достанется твоей жене. — Тереза сделала паузу, улыбнулась и добавила. — Или Дакиной, так что с жениткой поторопись!

Вторым предметом, освобожденным от ткани, оказался еще один ювелирный шедевр. Кинжал кубачинской работы.

Лезвие из узорной стали, очевидно, дамасской, серебряные ножны и рукоять. Поверхность серебра была сплошь покрыта тончайшим восточным орнаментом. Игру черненых и блестящих элементов серебряного декора деликатно подчеркивали немногочисленные, но очень элегантно вставленные в общий рисунок, элементы из золота. Кроме того, рукоять кинжала была декорирована большим камнем красного цвета.

— А вот это точно твое! Ву компренэ, мосье? Понимаешь? Это кинжал твоего деда Корсантела, подаренный ему дядей Якубом, двоюродным братом отца. Это фамильный, родовой кинжал семьи. Он должен был принадлежать старшему сыну, твоему отцу. Но Небе-

са призывали его раньше самого Корсантела. Поэтому кинжал принадлежит тебе по праву. Можешь забрать его в любой момент, хоть сейчас.

Андрей не увидел в этой идее смысла, кинжал бережно обернули тканью и, вместе с брошью убрали на место, за панель, в тайник.

– Да, – продолжала Тереза – оружие я отвезла в город, в музей. Свой “Маузер” и “Смит и Вессон” деда, вместе с его “Георгиями”. У них там возникла проблема, вмешался КГБ. Награды, мол, царские, а оружие боевое, незаконное.

Пришлось мне в город, к их начальству, самой ехать. Хотела надеть кожанку и сапоги, шутки ради, но они на меня не налезли. Да и без кожанки я там шороху навела! Пусть знают, какое прозвище было у комиссара ЧК Терезы М-а. Вот именно – Афыртын!

Короче говоря, у оружия просверлили стволы, спилили бойки, но музею вернули. Вместе с орденами, конечно!

А теперь, уважаемый профессор, самое важное. Возьми справа верхнюю тетрадку из стопки. Там и карандаши заточенные лежат. Взял? А сейчас внимательно, уважительно и точно записывай.

Андрей так и поступил. Аккуратным своим, убористым почерком записал фамилию, продиктованную Терезой.

– Это что, дядя Валико? А зачем я это пишу?

– Вы, городские жители плохо воспитаны. Не пе-

ребивай и пиши. А твой бездельник Валико здесь ни при чем!

Бабушка продиктовала еще одну фамилию, затем еще и еще. Список рос и Андрею пришлось записывать фамилии в три столбика.

Андрей затупил три или четыре карандаша, прежде чем наступила пауза.

— Прервись, нан и прочти мне список.

Выслушав внука, прикрыла глаза, и некоторое время беззвучно шевелила губами.

— Вроде верно, не забыла никого. Подчеркни этот список, будем писать дальше.

— Тетради может не хватить! — пошутил внук. Но бабушка шутку не поддержала.

— Не хватит, возьмешь новую, только и всего. А пока продолжай.

Второй список, к счастью, оказался значительно короче первого.

Тем временем проснулись дядя Арвелод и Дака. Их комната находилась на первом этаже, прямо под комнатой Терезы. С утра они распахнули окна и наверху были хорошо слышны негромкие, приглушенные их голоса.

— Ну вот, и мальчики проснулись. Видишь, как хорошо решать важные вопросы ранним утром! — устало, но с торжественной интонацией, соответствующей, видимо, чувству выполненного долга, произнесла бабушка.

— Тера! — взмолился Андрей. — Ну объясни, наконец, в чем суть того, чем мы занимались?

Тереза с удивлением взглянула на внука.

– Ты что, не понял? Обсуждали твою возможную женитьбу!

Теперь ты будешь знать точно и не ошибешься!

Итак, первый список. Это фамилии, а, вернее, семьи, с которыми мы, так или иначе, связаны родственными узами. Следовательно, свататься к ним, согласно нашим традициям, мы не имеем право, ни при каких обстоятельствах.

Теперь второй список. Он небольшой, но тоже важный. Это те фамилии, с кем, на протяжении истории, наши родственники имели конфликты, вплоть до кровной мести. Слава Небесам, теперь у нас ни с кем конфликтов нет. Тем не менее, ты, опять же следуя традиции, не имеешь право привести невесту и из их семей.

– Прекрасно, – подытожил Андрей. – По-моему, бабушка, ты назвала все абхазские фамилии. Так что придется мне оставаться холостым.

– Скорее всего, почти так, – подумав, вынуждена была согласиться Тереза. – Правда, я назвала тебе не всех. Есть и еще абхазы, но это так себе, никудышные люди. И предки их были никудышными, поэтому будем считать, что они просто не стоят нашего внимания. А приличных семей, вне моих списков, осталось совсем немного. Но достаточно, чтобы подобрать скромную, воспитанную и работящую девушку.

Ну что, – поднимаясь из кресла, продолжила бабушка. – Теперь ты получил новые знания, значит,

еще немного прибавил мудрости! А дальше решай сам! Ну пошли, нас заждались. Пора завтракать. А вам еще на Кодор нужно попасть, к деду Корсантелу и к родне любимой нашей.

И когда, после прощального короткого застолья, облобызав Адицу и Баграта, гости направились к калитке, на веранде второго этажа в той же царственной гордой позе, как и вчера, с ровной спиной стояла бабушка Тереза. С каменным лицом, не позволяя себе раскисать даже среди близких людей.

Двигатель скучающих за околицей “Жигулей” радостно заурчал, машина развернулась и, повинувшись воле водителя, устремилась вниз по дороге. Дом на холме стал зрительно уменьшаться в размерах, крыша его становилась все ниже и ниже, пока совсем не скрылась из виду, растворившись в неясном контуре синеющих гор.

Андрей же вскоре женился. Его жена Ирина, подобранныя и сосватанная родней, была из семьи турок, переехавших много лет тому назад в Абхазию и полностью натурализовавшихся.

Однако их фамилии не было, к счастью, ни в одном из бабушкиных списков.

Андрей открыл глаза. В окно заглядывало унылое московское осеннее утро.

Ничего необычного. Всё, как и прежде. Привычные

старые бумажные обои на стенах спальни, привычный будильник рядом со стопкою газет на прикроватной тумбочке, любимая фаянсовая кружка с привычным зеленым чаем. Давно остывшим.

Андрей потянулся, помассировал слегка затекшую левую руку и окончательно проснулся. Перед глазами все еще стояла залитая ярким весенным солнцем сельская грунтовая дорога, старый дом на холме на фоне величественных предгорий, и уменьшающаяся в глазах, уходящая в перспективу, а, по сути, в Вечность, не менее величественная, чем горы, стройная фигурка бабушки Теры. И казалось, стоит только опустить веки и все, что он только что пережил, вновь станет реальностью.

Конечно, рассуждал Андрей, во сне человек возвращается иногда в прошлое. В ситуации, восстановленные памятью с фотографической точностью. В события, имевшие место в жизни. Общается, как с живыми, с людьми, ушедшими, на самом деле, в мир иной.

Но чаще сны представляют собой некий случайный набор живых картинок, коллажей из лиц, образов, пейзажей, реальных или фантастических ситуаций. Причудливых, гротескных порой, пропитанных странными, гипертрофированными, неестественными эмоциями. Правда, изредка сны бывают и пугающие натуралистическими, оказывающими мощное воздействие на психику человека, запоминающимися, остающимися надолго в памяти.

Но, как бы то ни было, сон, как обычно, воспринимается человеком именно как сон.

Последнее же время с Андреем, безусловно, происходило нечто иное, необъяснимое. То, с чем он столкнулся, могло по ощущениям напоминать сны, но снами на самом деле, по его глубокому убеждению, не являлось.

Он назвал эти состояния виртуальными регрессиями в прошлое.

Все началось с того неожиданного обморока, случившегося с ним на семинарских занятиях в университете. Произошло это в тот момент, когда закончился блестящее подготовленный доклад студента третьего курса, выступавшего у доски. Андрей запомнил, как в одобрительном жесте вскинул руку, намереваясь подняться со стула и прокомментировать доклад. Но встать и что-либо сказать не успел.

Огромный зал аудитории вмиг заполнила чернота, поглотившая свет, запахи и звуки.

Пришел он в себя на носилках, внутри санитарного автомобиля. Рядом, на боковом сидении, сидел молодой незнакомый человек в белом халате. Увидев, что Андрей открыл глаза, мужчина наклонился и произнес: – Я доктор Фролов, Дмитрий. Из университетской клиники. Пожалуйста, не беспокойтесь, у вас был обморок. Ничего страшного, но доктор Левиев хочет лично посмотреть вас. Мы скоро будем на месте.

С доктором Левиевым Андрей был знаком много лет. Грузный, внешне немного неряшливый человек, тот обладал, несмотря на зрелый возраст, копной иссиня-черных, без признаков седины, волос и пе-

чальными добрыми глазами. Он и на самом деле был мягок и добр по своей природе, но принципиален и настойчив в вопросах профессиональных. В частности, он не давал покоя никому из сотрудников университета, порой буквально заставляя тех проходить обязательную процедуру ежегодного медицинского осмотра. Здесь он не принимал никаких отговорок и объяснений. Кстати, и в прошлом году, после медосмотра, и ранее, у доктора Левиева не было вопросов к здоровью Андрея.

Сейчас он взял пациента в оборот. В течение нескольких часов Андрея перевозили из кабинета в кабинет. Брали анализы, проводили исследования сердца, сосудов, обследовали голову на всевозможных электронных аппаратах.

Когда пытка закончилась, врач поделился первыми впечатлениями от просмотра полученных данных.

– Дорогой Андрей Денисович, – начал доктор, подняв на пациента свои печальные библейские глаза – слава Богу, я не вижу никаких органических изменений. Причину обморока пока тоже назвать не могу, ибо не все результаты исследований готовы. Меня немного смущают данные электроэнцефалограммы, но, опять же, всё необходимо смотреть в комплексе. Подождем же несколько дней, пока придут все результаты.

А пока я отстраняю Вас от работы. Примерно на месяц. Даже не думайте оспаривать мое решение, Вы же знаете, это бесполезно. Отправляю Вас под “домашний арест”, под присмотр Вашей очаровательной и мудрой супруги. Отлежитесь, оставьте на время

дела, гуляйте в парке, общайтесь с внуком, друзьями и близкими. А мы понаблюдаем Вас, как говорится, в динамике.

Я выпишу ряд препаратов, которые в любом случае пойдут на пользу, подпитают и укрепят организм, успокоят нервную систему. А сейчас доктор Фролов доставит Вас домой, машина ждет. Вашей супруге я уже звонил, она в курсе. Ей я дал ряд рекомендаций относительно Вашего питания. С Вами же свяжусь завтра.

Так в одночасье, неожиданно, в жизни Андрея произошли изменения, которые не зависели от его желаний или воли и которые создали иную, новую реальность. Реальность эта заключалась в непривычных для него образе и ритме жизни.

Он всегда был удивительно трудолюбивым, энергичным человеком. Не видел смысла жизни ни в чем, кроме своей работы, науки, преподавания, семинаров, симпозиумов, защит диссертаций, поездок по всему миру. А теперь вдруг превратился, хоть и на время, в медлительного пенсионера, как бы отдохнувшего в санатории. Конечно, тайком, нарушая слово, данное доктору Левиеву, “шарил” он немного по Интернету. Извлекая и анализируя научные новости, ибо полное отключение от науки было бы для него смерти подобно. Но, в основном, старался предписаниям врача следовать. Тем более что Ирина, наделенная Левиевым определенными полномочиями, была с ним достаточно строга в вопросе соблюдения лечебного режима.

Именно сейчас он впервые и столкнулся с феноменом так называемых регрессий в прошлое. Конечно, он слышал о подобных явлениях. О них периодически писала пресса. Но, как помнилось Андрею, путешествия эти по прошлому людей, были спровоцированы извне и, как правило, посредством гипноза.

В его же случае, понятно, никакого воздействия со стороны не было. Этот факт и вызывал удивление. Но объяснений ему – не было.

Причем, самому первому погружению предшествовало незнакомое ранее, новое для Андрея, состояние организма. Всё началось со зрения. Будто кто-то неожиданно плеснул в глаза воду. Несуществующая вода обильно стекала с глазных яблок, искажая контуры и детали предметов. В поле зрения возникли яркие световые точки. Всполохи были разной интенсивности, свет дрожал, вибрировал, точки неожиданно исчезали и так же неожиданно появлялись вновь. Через несколько минут зрение полностью восстановилось, но в области лба, внутри головы возникла нестерпимая боль.

Ирина тут же позвонила Левиеву и, по его назначению, заставила Андрея принять целую горсть таблеток. Лекарства снизили уровень боли, но не избавили от нее полностью. Когда измученный болью Андрей наконец-то уснул, и произошло его знакомство с эффектом регрессии.

Андрей не мог понять ни причин, ни механизма того, что с ним периодически происходило. Именно периодически, часто, но далеко не каждый день.

Итак, это не было сном или галлюцинациями, вызванными, к примеру, болезнью. Ничего подобного с ним не происходило ранее, до обморока.

И в событиях, участником которых становился Андрей, тоже не было логики. Ибо иногда он погружался в ситуации, имевшие реальное место в жизни. В прошлом. События эти были полностью достоверными, даже в мелких деталях. Порой сюжеты как бы корректировались, видоизменяясь, немного или сильно. А иногда Андрей, как театральный актер, играл на подмостках чью-то чужую роль.

Принцип выбора сюжетов также не был понятен. О них не было ничего известно заранее. Правда, и это радовало Андрея, некоторые его пожелания и предпочтения иногда учитывались Там, где очевидно и составлялись программы “погружений”, и тогда Андрей с удовольствием отправлялся именно туда, куда очень хотел попасть.

Так или иначе, но эти экскурсы, регрессии, отличались по ощущениям и силе эмоций от всего, ранее знакомого. Андрей пытался сравнивать их со снами, с компьютерными играми, с фильмами в 3-Д. И не находил аналогии.

В своих погружениях в прошлое он порой проживал в реальных сюжетах чужую жизнь. Ощущая как наяву, и радость и страдания и боль. Он страстно кого-то любил, вдыхая медовый аромат женских волос, кого-то ненавидел, дрался на дуэли на шпагах на морском берегу, чувствуя на губах привкус йода и соли.

Но чаще все-таки “повторял пройденный материал”. Становясь во время погружения то ребенком,

то подростком, то зрелым человеком, доктором наук. С собой. В разном возрасте, в реально имевших место когда-то событиях.

Как правило, он “просматривал”, проживал законченные сюжеты. Они могли иметь продолжение, развиваться во времени, состыковываться с другими, как в киносериалах, но каждая “серия” жила своей жизнью, имея форму самостоятельного, завершенного фильма.

Сегодня Ирины не было дома. Он давно обратил внимание, что в отсутствии жены время как будто замедляет ход, становится тягучим и ощутимым почти физически.

Ирина сидела с внуком, давая сыну Денису и его жене возможность выбраться на концерт. Денис, как и его отец, очень любил джазовую музыку и хорошо в ней разбирался. А тут, в Доме музыки, давал единственный концерт великий американский пианист и композитор Кенни Баррон. Было бы большим грехом не воспользоваться такой уникальной возможностью. Денис с трудом достал билеты. Ну и для бабушки возникла формальная причина провести вечер с любимым внуком.

Андрей позвонил Ирине, доложил, что здесь, дома, все вроде бы в порядке и немного поболтал по телефону с внуком, вернее, поговорил по душам, на равных. Взаимопонимание между ними сложилось давно, когда внук только еще учился говорить, и деду приходилось расшифровывать его тарабарский язык. Сейчас внуку было уже пять лет, он уверенно становился

личностью, со своими взглядами на жизнь, с интересной, разумной логикой и четким анализом происходящего вокруг. Деду было всегда приятно и интересно общаться с ним.

Болезнь, если она и была на самом деле, непонятная и внешне совершенно неощутимая, его раздражала. Ситуация усугублялась еще тем, что не понимал он, почему так необходимо здоровому вроде бы и энергичному мужчине, сутками ходить по квартире в халате, выпрашивать у жены крепкий кофе и не есть аджику. Не понимал, но как человек организованный и дисциплинированный, подчинялся решению врача.

Он заварил себе чаю с жасмином и подготовил, воспользовавшись отсутствием жены, бутерброд с ветчиной, обильно смазав ее, о, ужас, той самой огненной домашней аджикой.

Удобно устроившись в любимом кресле, вытянул ноги и, щелкнув пультом, включил телевизор. В эфире крутили рекламный ролик. Андрей убрал звук. Потом реклама закончилась. На экране что-то рассказывал пожилой мужчина с густыми темными усами. Затем стали транслировать какую-то старую хронику, мутную, черно-белую, очень плохого качества.

В кадре, на фоне здания с колоннами, эмоционально жестикулируя, что-то обсуждали плохо различимые люди, группа вооруженных мужчин.

Андрей прибавил звук, но это ничего не изменило. Телевизор потрескивал, но упорно безмолвствовал. Видимо, сцену снимали когда-то на любительскую пленочную “немую” камеру.

Палец лег на соседнюю кнопку пульта, чтобы поменять канал, но не нажал ее, дрогнув.

Зашемило вдруг за грудиной, слева, там, где у человека сердце. И глаза предательски повлажнели. Андрей узнал здание на заднем плане.

Это был железнодорожный вокзал в городе Гудаута. И хотя телевизор не давал никаких подсказок зрителям, Андрей уже точно знал, о чем могли говорить столь эмоционально люди на экране и, самое главное, когда это происходило.

Он не знал именно этих мужчин, но не сомневался – ленту снимали в августе или в начале сентября 1992 года, сразу после начала войны, ибо в жестах людей, наряду с решимостью, проскальзывала и некоторая растерянность.

В октябре, когда Андрею удалось прорваться в Абхазию, растерянности уже не было и в помине. Были ошибки, была излишняя бравада, была горечь потерь, но не было растерянности. Была сила духа, доминирующая над всеми без исключения, было великое единение людей всех возрастов и разных взглядов на жизнь и, главное, уверенность в Победе!

Хроника на экране закончилась, а вместе с ней закончилось и вещание канала. Экран телевизора погас.

Андрей же, опустив веки, вспоминал Абхазию военного времени, старых друзей своих, оказавшихся в Гудауте и воевавших на Западном Фронте. И друзей новых, с кем свела военная судьба, жителей абхазских городов и сел. Добровольцев, приехавших в Абхазию,

по зову сердца, из Адыгеи, Чечни, Кабарды, из всех республик Кавказа, с берегов Кубани, Дона, Москвы-реки и Невы. Из разных концов огромной, общей когда-то страны.

Дружба, надежность и доверие к тому, кто рядом, на чью руку можно опереться, особенно ценные в момент такого великого испытания, как война. И Андрей чувствовал себя уверенно в интернациональной Гудауте, ставшей столицей сопротивления.

Воспоминания увлекли Андрея вихрем былых событий и незаметно унесли за грань реальности. И когда Ирина, вернувшись домой, тихонечко заглянула в комнату, ее муж был уже далеко. Где-то там, в своем прошлом.

Кто-то маленький, теплый, почти невесомый, птенчик какой-то, озорной и смешливый, бесцеремонно распоряжался лицом Андрея. Ласково теребил нос, губы и веки. Легкие прикосновения эти как бы выталкивали сознание из темных глубин сна, лишенного сновидений, наверх, к свету, к ярким краскам летнего утра.

Сквозь ресницы Андрей наблюдал за непрощенным гостем. Очертание, абрис птенца были размыты, но бесспорно – он крохотный, золотистого цвета, яркий, как луч солнца. И смеется заразительно и искренне, как смеются дети. Стало ясно: спать он не даст. Уговаривать птенца не шалить Андрей посчитал делом бесполезным. И открыл глаза.

Шаловливым птенчиком и вправду оказался солнечный луч.

Свежий, прохладный ветерок теребил оконную занавеску, то даря озорнику возможность командовать лицом, то лишая его удовольствия исполнять роль столь экзотического будильника.

Где-то внизу, на невидимом отсюда пляже, играли дети. В комнате были хорошо слышны их голоса, их смех.

Сон медленно, нехотя отступал, освобождая захваченный ночью плацдарм памяти. И память также медленно, но неумолимо возвращалась на свою территорию, восстанавливая в сознании все детали безумного, фантастического вчерашнего дня.

Андрей почувствовал на своем плече чье-то горячее дыхание. Илга!

Златовласка!

Именно так назвал он про себя девушку, вошедшую вчера в вагон электрички.

В Латвии он был впервые в жизни. Ему очень понравились отреставрированные здания Старой Риги, монументальные, но идеально вписанные в городской ландшафт пропорции Домского собора. По душе пришелся и неспешный ритм всего происходящего вокруг, доброжелательность и воспитанность рижан.

Единственное, что слегка портило впечатление, так это низкие, темные тучи, висевшие все четыре дня пребывания Андрея в Риге, над городом. И мелкий, прохладный, совсем не летний дождь, неожиданно начинаящийся и также неожиданно заканчивающийся.

Но вчера всё изменилось. С утра ярко светило теплое ласковое июньское солнце. И воздух тоже стал теплым и ласковым, моментально наполнившись ароматами цветущих растений.

Идея отправиться на Взморье оказалась, как говорится, к месту. И Андрей сел в электричку. В ту самую электричку.

По складу своего характера он был неисправимым романтиком и, отчасти, самоедом. Он искренне считал, что каждый человек обязан вывести для себя понятную и приемлемую формулу жизненной философии. А убежденность, что философия эта зиждется на принципах добра, взаимопонимания и взаимовыручки между людьми, была бесспорной.

Приняв эти идеи, как аксиому, каждый человек был вправе развивать их в самых разных направлениях, тех, которые он считал для себя наиважнейшими.

Выросший в семье атеистов, Андрей, в глубине души верил в некий необъяснимый, но реально ощущаемый Небесный Промысел. По крайней мере, он твердо знал, что Любовь – это Дар, ниспосланный людям свыше. А что касается любви между женщиной и мужчиной, так и здесь была полная ясность. Там, на небесах, будущих влюбленных, предназначенных друг для друга, тоже создают сразу, двумя половинками одного целого, а затем каждую половинку отправляют в “свободное плавание”, по отдельности. И далеко не всем им суждено встретиться и соединить судьбы свои на веки вечные.

Чаще всего происходит как раз наоборот. Ли-

шенные интуиции, упорства и силы воли, люди поднимают руки и сдаются “на милость победителя”, оставляют надежду найти свою половинку и “плывут по течению”. Часто, если продолжать сравнение, совсем в другую “гавань”.

Но те, кому сила любви, терпение и упорство даруют встречу, узнают друг друга сразу, без всяких подсказок.

Андрей помнил, как восторженно смотрел он фильм “Вестсайдская история”. Непривычный жанр мюзикла сначала не давал возможности сосредоточиться на фабуле. Но вскоре история чистой, все-поглощающей любви героев полностью завладела сознанием, увлекла в “заэкранные”, заставила врастись в живую плоть сюжета, сопереживать судьбе конкретных людей. Сцена первой встречи главных героев, Марии и Тони, ошеломила. Она полностью соответствовала убеждению Андрея, что те самые “половинки” одного “целого” узнают друг друга с первого взгляда. Именно так он и представлял себе подобные встречи.

Когда девушка вошла, Андрей читал книгу. На миг показалось, что в вагоне стало неестественно светло, будто бы кто-то включил мощные софиты. Андрей поднял глаза. Первой мыслью было, что в вагон вкатился огненный шар, яркий как само Светило. На самом деле свечение исходило от копны золотых волос вошедшей девушки. А слепящий ореол вокруг головы обязан был лучам солнца, светившего в спину. Девушка села, выйдя за пределы светового круга. Теперь было видно ее лицо.

Андрей вдруг почувствовал учащенное биение собственного сердца. Он не видел ничего вокруг, ни пассажиров в вагоне электрички, ни проплывающие за окном сменяющие друг друга прекрасные пейзажи Рижского взморья. Только лицо девушки. Незнакомка восторженно улыбалась. То ли окружающим людям, то ли радуясь теплому солнечному дню. Оглядываясь, заметила взгляд Андрея.

Улыбка медленно сошла с ее лица. Но тут же появилась снова. Но совсем другая. Неуверенная и застенчивая.

Какое-то время они смотрели друг на друга, будучи не в состоянии отвести взгляд, находясь как бы под влиянием странного энергетического гипноза. Потом девушка медленно, как сомнамбула, поднялась, прошла по проходу между сидениями, села рядом с Андреем и протянула руку. Нет, не ребром, как обычно протягивают для знакомства. Она протянула руку ладонью вниз, как протягивают очень близким людям, которых любят и кому полностью доверяют. И он оценил доверие, осторожно принял руку девушки и нежно накрыл ее своей рукой.

Еще его поразил ее взгляд. Вернее, даже не взгляд, а цвет глаз. Сначала, на расстоянии, вопрос не возникал. Голубоглазая фея с волосами из чистого золота!

Но вблизи оказался, что один глаз был не голубым, а, скорее, зеленоватым, то есть глаза отличались по цвету и, к тому же в зрачки были как будто вкраплены золотые песчинки. И озорные эти, золотистые искорки как будто вели тайный разговор с солнечны-

ми лучами. Загадочно вспыхивая, перекликаясь с искрящимся золотом волос.

Удивительно, но оба не помнили потом, что бы кто-то из двоих называл свое имя. Но ведь они знали, как зовут друг друга. Было ли в этом что-то мистическое, или просто нашедшие друг друга “половинки” обладали необходимой генетической памятью? Да и какое это имеет значение?

Очень медленно и осторожно, чтобы не разбудить Златовласку, Андрей высвободил руку, встал с кровати и, стараясь не шлепать босыми ногами по деревянным половицам, прошел к окну.

Дом, в мансарде которого они с Илгой находились, стоял среди сосен, совсем рядом с великолепным пляжем. Белый песок волнистыми дюнами убегал далеко-далеко, в обе стороны от дома. А за пляжем, в каком-то странном ракурсе, как в широкоугольной фотооптике, с явным нарушением законов перспективы, лежало море. Как будто выгнутое эллипсом огромное зеленое блюдо с беспокойно скользящими по поверхности белыми пенистыми “барашками” волн.

Пейзаж завораживал непривычной своей, сдержанной красотой. И конечно, картинка за окном различительно отличалась от буйных субтропических ландшафтов родной Абхазии. Ничего подобного Андрей раньше не видел.

Отойдя от окна, сел на стул, с нежностью и восхищением разглядывая Илгу.

Девушка, посапывая, как ребенок, чему-то улыбалась во сне. Густые и длинные волосы цвета старого золота волнами ниспадали с головы на подушку. Покрывало соскользнуло, открывая взору часть тела. Андрею стало неловко, но он ничего не мог с собою поделать. И продолжал смотреть. Была хорошо видна тонкая шея девушки, плечо и левая грудь, небольшая, красивой формы, с аккуратным темным соском. Ниже, под покрывалом, прекрасно читалась линия бедра, как будто вылепленного талантливым скульптором. Открытой оказалась и нижняя часть ноги, от округлой коленки до маленькой стопы с узкой лодыжкой и красивыми аккуратными пальчиками.

Рука и плечо Андрея еще хранили тепло тела девушки и легкий аромат ее волос. Прикрыв глаза, Андрей пытался вспомнить в деталях удивительный вчерашний день. День, когда волею Небес он нашел свою половинку.

Они вышли на первой же остановке из вагона, и, взявшись за руки, направились вдоль моря по мелкому белому песку нескончаемых прибрежных дюн. Не зная, куда идут, не замечая ни хода времени, ни расстояния. Не обращая внимания на усталость. Не слыша ни рокота набегающих на берег неспокойных волн, ни криков озабоченных чем-то, низко летающих чаек. Андрей, не веря своему счастью, крепко сжимал руку Илги и с восторгом рассказывал об Абхазии, ее красотах и традициях, о переезде в Москву, о своих родителях и друзьях. Говорил, не останавливаясь.

ваясь, о кино, о джазе, о прочитанных книгах. О смешных историях, свидетелем которых ему довелось быть. Илга внимала рассказчику, с широко открытыми глазами, не перебивая. Лишь иногда позволяя себе негромкие возгласы удивления или одобрения. Или заразительно смеясь.

Уже темнело, когда они вышли к какому-то поселку. На калитке ближайшего дома был укреплен кусок картона. На нем было написано:

“Здается комнат в антресоль. С душ. Можно от один суток”.

Хозяйка, пожилая полная женщина, внимательно посмотрела на Илгу и спросила:

– Девушке уже будет восемнадцать?

Получив утвердительный ответ, взяла деньги и протянула Андрею ключи.

Мансарда, обшитая изнутри “вагонкой”, оказалась довольно уютной. Письменный стол, два кресла, трюмо с зеркалом, торшер и холодильник. Большая двухспальная кровать, заправленная чистым, похрустывающим от крахмала, бельем. На прикроватной тумбe лежала стопка полотенец и два махровых банных халата.

– Прямо как за границей, – подумалось Андрею. – Прибалтика!

И тут, осознав вдруг, что наступает ночь, а они со Златовлаской наедине, Андрей вдруг оробел.

Конечно, в свои двадцать два года у него был опыт общения с женщинами, правда, совсем небольшой. И правильнее сказать, с женщиной, а не с женщиной-

ми. Правда, Андрей не любил его вспоминать. Безуспешно старался вычеркнуть из памяти, ибо испытывал жгучее чувство стыда за совершенное, как ему казалось, предательство.

Сразу после окончания школы он предпринял попытку поступить в МГУ. Отец еще был жив. Он-то и устроил Андрея, через московского друга, в маленькую ведомственную гостиницу. Гостиница находилась недалеко от станции метро “Парк культуры”, что было очень удобно. Рукой подать до Ленинских гор, до Университета, да и центр Москвы совсем рядом. Гостиница не отличалась особым комфортом или уютом, но была очень дешевой. И порядки в ней царили достаточно демократичные. Постояльцы, в основном, командированные в Москву сотрудники министерства, хлопот Андрею не доставляли, так как появлялись в номерах, как правило, поздно вечером.

Андрею досталась койка в четырехместной комнате, в соседнем же, одноместном номере остановился чиновник из Алма-аты, по имени Харлампи. Средних лет, доброжелательный, немного вальяжный и очень “хлебосольный”. Жизненная философия его была проста, и он с удовольствием озвучивал ее квинтэссенцию: – “Все мы гости на этой планете, поэто-му каждая минута, потраченная впустую, трагична и непростительна”. Впустую означало – в отсутствии друзей, женщин и застолья! И жить он старался именно в соответствии с этими принципами.

Поэтому всегда в номере был накрыт стол, собирались ежедневно московские его друзья, да и женский

смех часто был слышен сквозь плохо пригнанные гостиничные двери.

Однако был он, при этом, хорошим отцом и любящим семьянином. Не было дня, чтобы Харлампи не заказывал междугородний разговор, и подолгу, с радостью и нежностью говорил с женой и детьми. Андрей часто становился свидетелем этого телефонного общения, ибо сам регулярно пользовался междугородней связью. Отец не так давно перенес очередной инфаркт, и сына беспокоило его состояние.

Был Харлампи понтийцем, то есть черноморским греком, из Анапы, попавшим в трагическую бериевскую крупорушку сороковых, когда целые народы выселяли из кавказских республик и черноморского побережья в глухие, неосвоенные районы Казахстана и Средней Азии.

Узнав, что Андрей из Абхазии, прослезился, сказал:

– Ризам (дорогой), мало того, что ты земляк, еще и сын мой немного на тебя похож. Беру над тобой шефство.

И взял. Уходил Харлампи из гостиницы обычно очень рано. А проснувшись Андрей находил в карманах пиджака вложенные соседом деньги. Одну или две “красненькие”, то есть десятирублевые, купюры. “Десятка”, тогда, в начале шестидесятых, была очень весомым платежным средством.

Робкие возражения Андрея даже не рассматривались.

Если в момент прихода Андрея в гостиницу Харлампи был в номере, между ними как будто возникала загадочная биоэлектрическая связь. И грек тут же, с улыбкой появлялся на пороге.

— Элалака, непе. Поспа? (Иди сюда, парень. Как дела). — Спрашивал он по — гречески и радовался, как ребенок, когда юноша, тоже по гречески, отвечал:

— Калон, (хорошо) дядя Лампи.

Абхазия тех лет была интернациональным краем. И Андрей немного говорил на нескольких языках, в том числе и на понтийском греческом.

— Кушать сейчас будем. — Тоном, не предполагавшим возражений, вещал сосед. — Только не называй меня при гостях дядей.

Имелись в виду, скорее, гости.

Женщины приходили к любвеобильному греку постоянно, и, как правило, разные. И именно одной из них суждено было стать причиной предательства, ножом, который Андрей, как он считал, вонзил в спину своему старшему другу и покровителю.

В тот злополучный вечер, как обычно, Харлампи принимал у себя гостей. Пришли трое его министерских коллег. С собой они привели двух девушек из того же министерства. Для украшения компании, как бы.

Девушки оказались миловидными, стильно одетыми, современно мыслящими и, что было очень приятно для Андрея, начитанными. И с чувством юмора у них оказалось все в порядке.

Итак, Ольга и Фрида.

Оля, комплексией, цветом кожи и пухлостью губ напоминающая кустодиевскую “Купчиху”, медливая и застенчивая, хорошо знала русскую поэзию.

Особенно ей нравились поэты “Серебряного века”. Она помнила наизусть огромное количество стихов и великолепно декламировала.

Фрида была полным антиподом Ольги. Энергичная, подвижная, стройная. Спортивная фигура и нос с небольшой горбинкой воскрешали в памяти творения древнегреческих скульпторов. Менее утонченная в своих литературных и поэтических предпочтениях, чем Оля, Фрида обожала творчество набирающих известность советских бардов. Галича, Визбора, Высоцкого, Окуджавы. А еще ей нравилась джазовая музыка.

В общем, сидящий рядом с Фридой Андрей оказался, как говорится, в своей тарелке. Тем для разговоров было множество, и молодые люди с упование погрузились в увлекательный и интереснейший для обоих мир интеллектуального общения. Прерываемого, на первых порах, необходимостью отвлекаться от беседы и поддерживать ход застолья, где тамадой был, конечно, Харлампи.

В конце концов, на них махнули рукой. Коллеги, попивая марочный армянский коньяк, обсуждали служебные вопросы, Ольга же, пододвинув стул поближе к Андрею, с удовольствие слушала диалог, изредка вставляя в разговор вопросы по теме или короткие и точные реплики.

Гостей пошли провожать поздно ночью. Рассадив компанию в два, с трудом “пойманные” таксомотора, медленно побрали в гостиницу.

— Андрюша, ризам, а я тебя немного приревновал. Знаешь, я ведь “положил глаз” на Фриду. Обалденная

девушка. Давно не встречал такой красавицы. – С восхищением вдруг изрек Харлампи.

– И не смотри на меня так! Не такой я и старый. Сагхапо, любовь, то есть, имеет привычку приходить в любом возрасте. Не успокоюсь, пока не уложу эту чувиху в постель. О, теперь, наверное, ревнуешь ты?

Андрей и не думал ни о какой ревности. Не думал он и о возрасте своего старшего друга. И о Фриде он не думал. Он очень хотел спать, просто валился с ног. Полученные за вечер эмоции, их объем и энергетика исключали даже подобие флирта. Да и сама девушка была совсем не в его вкусе.

Он так и сказал Харлампи. И еще пожелал успеха в осуществлении задуманного. Сказал, кстати, вполне искренне.

Но, как часто бывает, жизнь преподносит неожиданные сюрпризы!

Спустя два дня после вечеринки Андрея позвал комендант гостиницы. Он же директор и администратор, в одном лице. Единственный в гостинице телефонный аппарат стоял в его “закутке”.

– Краля какая-то звонит, тебя, по-моему, хочет. – Слово “хочет” он произнес с заговорщицкой улыбкой, вкладывая в него особый, как ему казалось, смысл.

Звонила Ольга. В министерском клубе комсомольцы затевали “Вечер современной поэзии”. Ждали многих молодых, известных уже литераторов-“бунтарей”. Оля приглашала Андрея. Естественно, он с радостью согласился.

Но вместо Ольги пришла Фрида.

Вечер поэзии оказался удивительным. Совершенно непривычным.

Крохотный зал. Никаких столов для “президиума” на сцене, никаких официальных представлений гостей и здравиц советскому руководству. Одинокий микрофон на стойке перед сценой и цветы в вазе рядом с микрофоном. Поэты сидели в первом ряду, выходили к микрофону без приглашения, сами, называли имя и начинали декламировать. А зал заворожено внимал.

Андрей жадно ловил каждое произнесенное слово, впитывая ритм, интонацию, настроение услышанных стихов. Ему не очень понравился Евтушенко. Удивили и восхитили необычные стихотворные конструкции Вознесенского и его манера читать стихи. В полный же восторг он пришел, слушая Ахмадулину. Ничего подобного он раньше не читал и тем более, никогда не слушал поэтессу “вживую”. Ему казалось, что вся сущность его, сознание и душа полностью растворились в фантастической этой, неземной лирике. Во вкрадчивой, мелодичной, гипнотизирующей музыке авторской декламации.

Эмоции “обесточили” его энергетически, лишили возможности воспринимать слова и мысли других авторов, сменивших у микрофона Беллу. И даже когда под шквал аплодисментов взял гитару и запел свою песню – “Из окон корочкой несет поджаристой” Булат Окуджава, Андрей понял, что все еще продолжает находиться под впечатлением удивительной ахмаду-

линской поэзии, а все, что происходит вокруг, происходит как бы не с ним.

В конце вечера литераторы свободно и с удовольствием общались с благодарными почитателями, но некая прострация, в которой находился Андрей и природная скромность не позволили ему включиться в беседу.

Только когда гости и слушатели потянулись к выходу, а в зале погасили часть светильников, Андрей обнаружил, что всё еще сидит в кресле, сжимая руки тонкие и теплые пальцы Фриды.

Потом он провожал Фриду домой. Они шли пешком, по набережной Москвы-реки, не обращая внимания на шум проезжающих совсем близко автомобилей, на стук колес поезда, летящего над рекой, где-то наверху, сквозь ажурный железнодорожный мост.

В июле в Москве темнеет поздно. Небо в этот вечер напоминало серо-зеленый прозрачный полог, накинутый на город, на ткани которого были рассыпаны редкие, неяркие звезды. Да и гранит набережных и дома вокруг как будто плыли неторопливо в загадочной, такой же, как и небо, сероватой взвеси, уютно подмигивая светящимися прямоугольниками окон.

Они шли и говорили, говорили, находясь всё еще под давлением недавнего интеллектуального стресса, не в силах избавиться от обрушившихся на них эмоций.

И никак не могли наговориться.

И когда, уже у подъезда дома, девушка вдруг предложила подняться к ней, на чашку чая, Андрей обра-

довался. Обрадовался возможности продолжить разговор.

В тесной кабине лифта он снова уловил легкий аромат духов, вспомнил тепло и податливость фридиных рук, и немного смутился. Взглянув на девушку, обнаружил вдруг, в тусклом свете лифтового светильника, крохотную пульсирующую жилку на ее шее, под левым ухом.

Вряд ли в этом было что-либо особенное, но Андрея неожиданно охватило незнакомое ранее чувство нежности. Не понимая, что с ним происходит, неловко обнял девушку, прижал к себе и осторожно, задержав дыхание, поцеловал в шею, чуть ниже уха, как раз туда, где обнаружил несколько секунд назад манящий этот пульсирующий сосудик.

И Фрида не оттолкнула его.

Родители были на даче. В огромной квартире “сталинского” дома царила тишина. Загадочно потрескивал старый паркет. Пахло бумажными обоями и книгами, коих в квартире было, очевидно, огромное количество, ибо в полумраке комнат здесь и там виднелись бесконечные, высокие, как в публичных библиотеках, книжные стеллажи.

Что произошло потом, осталось в памяти Андрея как нечто прекрасное и высокое.

Это не было, на его взгляд, рядовым любовным приключением. Да и само словосочетание – “любовное приключение”, не имело никакого права на существование в эту сказочную ночь. Нет, эта была

незнакомая ранее торжественная Песнь, Ода любви, страсти и нежности.

И именно сегодня юноша действительно превратился в мужчину.

Ибо именно сейчас впервые познал он истинное наслаждение любви, внезапно обнаружив в себе умение нежно ласкать женское тело, угадывать и предвосхищать все его желания. И, конечно, принимать, как великий Дар, оказанное ему безграничное доверие.

Он понимал, что вряд ли страсть и нежность, так щедро и искренне подаренные ему девушкой, является синонимом любви, в классическом значении этого слова. К тому же он не видел реальных перспектив их будущих отношений, ибо причин “против” в действительности было гораздо больше, чем “за”.

Но Андрей был безмерно благодарен Фриде за эту ночь. И сегодня самым важным для него было именно это.

Утром его разбудило прикосновение чьих-то мягких губ к своей щеке. Он знал, чьи это губы, но не открывал глаз, сознательно затягивая процесс пробуждения. Ему было комфортно в огромной старинной кровати, в ворохе измятого ночью теплого белья, на мягкой подушке, хранящей запах пряных духов Фриды.

Девушка рассмеялась и ласково потрепала Андрея по щеке.

– Соня, я и так уже опоздала на работу. Вставай, будем завтракать.

Андрей выждал еще несколько минут, тяжело

вздохнул и открыл глаза. Девушка, стоя в банным халате перед большим настенным зеркалом, расчесывала влажные волосы. Закончив с прической, озорно “стрельнула” взглядом в сторону Андрея и сбросила халат.

Впервые в жизни юноша открыто, при ярком свете дня, любуясь, смотрел на обнаженное женское тело. Восхищенный его красотой, с интересом отмечал для себя некоторые подробности. Например, разглядел несколько небольших родинок, изысканно рассыпанных по спине, и оттеняющих очень светлую матовую кожу. Небольшой шрам на правой лопатке, который совсем не портил впечатления, а как раз наоборот. Как будто специально задуманный гримером-косметологом, элемент дизайна тела.

Восхищаясь Фридой, вдруг осознал, что они совсем не стесняются друг друга. И понял, что эта свобода и восторг не имеют ничего общего с бесстыдством. Просто и утром продолжалось единство душ и тел, обретенных ими прошлой ночью.

Ведь не скрывают же своих обнаженных тел, как правило, супруги.

После завтрака, всё еще находясь в состоянии некоей эйфории, посадил девушку в троллейбус, а сам отправился к ближайшей станции метро. Сегодня в университете проводили консультации для абитуриентов. Андрею следовало переодеться и забрать свои конспекты из гостиничного номера.

Когда он произнес про себя слова – “гостиничный номер”, получил, как показалось, мощнейший удар

током. Как будто наступил на оголенный высоковольтный кабель.

“Гостиница, номер”, – продолжал он повторять в смятении. – ХАРЛАМПИ!!!

– Что же я, урод, натворил. Ведь Лампи влюблен во Фриду. Как я мог об этом позабыть? Как мог привнести дружбу и доверие человека, ставшего мне близким, в угоду своей похоти??!

– Не валяй дурака. – Вступил неожиданно в полемику некий внутренний голос. – Во-первых, о какой такой похоти ты ведешь речь?. Соединились в едином порыве две души, чья встреча не была случайностью. И это главное. А телесное здесь вторично.

Во-вторых, Харлампи говорил о своей влюбленности, по сути, шутя. Ведь его цель проста – приобщить еще одну красивую, блестящую игрушку к своей коллекции. И всё!

– Нет! – возражал Андрей. – Так это или не так, но я предал своего друга. Образно говоря, я всадил ему нож в спину. И нет мне прощения. И никогда не смогу я смотреть в глаза Харлампи.

Андреем овладело отчаяние. Ему даже, на несколько секунд, пришла в голову безумная мысль. Что жить после предательства он не сможет, не имеет права, а река рядом. Может покончить со всеми проблемами разом? Разве редки в столице несчастные случаи? Ну, подумаешь, упал какой-то юноша, по неосторожности, в воду.

Но эту мысль он отогнал. Долго сидел на троллей-

бусной остановке, думал и, в конце концов, принял решение.

По утрам Харлампи обычно уезжал в министерство. Андрею, для осуществления задуманного плана, этот факт давал некоторую временную фору. Приехав в гостиницу, он расплатился за номер, объяснив коменданту, что получил из Абхазии телеграмму о болезни отца. Сказал, что обязан бросить все дела и срочно возвращаться домой. Написал письмо для Харлампи, с таким же объяснением сложившихся обстоятельств, и оставил коменданту для передачи греку.

Затем, скрепя сердце, позвонил на работу Фриде и озвучил ей ту же версию с мифической телеграммой. Не дожидаясь возможной просьбы продиктовать сухумский адрес, произнес – “прости” – и повесил трубку. Поскольку денег на авиабилет не было, поехал на Курский вокзал, откуда уходили поезда в Абхазию. В надежде договориться с проводником.

Через три часа Андрей уже сидел в грязном и душном купе пассажирского поезда.

В отличие от скорых или “фирменных”, этот поезд еще и добирался до точки назначения более чем за сорок часов. Времени было достаточно, чтобы прийти в себя и продумать объяснение для родителей, почему это их сын, обладая неплохим багажом знаний, вдруг отказался от идеи поступать в МГУ. Но нельзя ведь было рассказать им правду.

Потом, долгие годы, а, вернее, всю жизнь, Андрей анализировал, сопоставлял драматические, а потом и трагические события тех июльских дней. “Просве-

чивал”, с разных углов зрения все детали и нюансы происходившего, но так и не смог объяснить природу целого ряда мистических совпадений.

А пока, измученный вконец, с трудом расшнуровал туфли, опустил голову на влажную, в пятнах, не за- правленную в наволочку, подушку. И тут же провалился в глубокий сон.

Проспал он, как выяснилось потом, около четырнадцати часов. Без сновидений. Не реагируя на внешний шум и разговоры попутчиков. Проснувшись неожиданно среди ночи, в необъяснимой тревоге, от сильного сердцебиения, весь в холодном поту, машинально посмотрел на часы. Три семнадцать, запомнил он. И обратил внимание, что секундная стрелка стоит. Часы не шли. Ну и ладно, подумал Андрей и, как только ритм сердца стал приходить в норму, снова уснул.

Уже добравшись до города, вновь испытал чувство тревоги. Всё стало ясно, когда увидел он большое количество мужчин с серьезными лицами, стоящих группками перед подъездом родительского дома, на стежь открытую дверь квартиры и выставленный столик для головных уборов.

На немой вопрос Андрея ответила тетушка Марта, двоюродная сестра отца:

— Позапрошлой ночью, — прошептала она сквозь слезы. — В три часа семнадцать минут. Сердце остановилось.

Именно тогда и остановились часы Андрея в поезде. Минута в минуту.

После ухода отца, самого близкого человека на свете, сразу после похорон, Андрей почувствовал, что заметно изменился. Стал другим человеком. Взрослым, серьезным и ответственным.

Именно тогда и стал он чаще задумываться о смысле жизни, о миссии человека на Земле, о чести, мужестве и сострадании. О любви и Промысле Божьем. Тем более, что главным в семье, старшим, как бы это странно не звучало, стал именно он.

И первое, что он сделал, нашел себе работу. Устроился в “Горгаз” экспедитором. Развозил по домам и квартирам газовые баллоны. Неплохо зарабатывал, к тому быстро окреп физически, ибо приходилось постоянно таскать на себе тяжелые баллоны.

С точки зрения содержания семьи, такой необходимости, честно говоря, не было.

Родственники отца окружили их с матерью всесторонней заботой, да и мама, кандидат наук, продолжала работать в “почтовом ящике”, где были высокие, по меркам провинции, зарплаты.

Мама очень тосковала по отцу и время, проведенное на работе, хоть немного отвлекало ее от скорбных мыслей. Андрей и дома старался быть неким “громоотводом”, развлекая мать всеми возможными способами. Ограничив при этом себя в привычных мальчишеских развлечениях. Правда, поднять настроение матери ему удавалось крайне редко. Даже время, отдаляющее дату смерти отца, не притупляло, вопреки расхожему утверждению, боль утраты.

И когда, спустя время, маме неожиданно сделал предложение пожилой профессор-физик из Москвы,

курировавший ее научную тему, именно Андрей настоял на утвердительном ответе. К тому же закончился срок обязательного траура. Единственным его условием было – согласовать решение с родней, в соответствии с традициями. И слава Богу, не возразили и родственники, понимая ситуацию.

В начале осени, после бракосочетания, не устраивая никаких свадебных застолий, Андрей с матерью переехали в Москву. Андрей изначально испытывал к отчиму чувство симпатии. А скоро это чувство переросло в глубокое уважение и настоящую мужскую дружбу.

В жизни Андрея начиналась новая полоса.

Сроки поступления в вузы прошли, до призыва в армию оставался год. И Андрей записался на подготовительные курсы. А в следующем году, блестяще сдав вступительные экзамены, прошел по конкурсу и был принят в МГУ.

Все эти воспоминания, картинки прошлого, промелькнули перед глазами с немыслимой скоростью, будто спрессованные всего в несколько мгновений.

Но Андрей тут же позабыл обо всем на свете, как только затих шум воды в душе.

Небо за окном было еще довольно светлым, но в мансарде царил полумрак. Андрею показалось, что и сейчас от волос Илги исходило слабое золотистое свечение.

Ветер, налетавший временами с моря, то загадочно шептался о чем-то с кронами стоящих вплотную

к дому сосен, то с остервенением набрасывался на легкие шифоновые занавески на окне мансарды, заставляя их испуганно хлопать и раздуваться, как паруса.

Златовласка приблизилась, неслышно ступая, к Андрею и прижалась к нему. Он обнял девушку, и они долго стояли молча, не шевелясь. Привыкая друг к другу. К дыханию, теплу кожи, к биению сердец. Он гладил ее влажные волосы, испытывая нежность и восторг.

Потом он осторожно прикоснулся руками к халату, наброшенному на плечи Илги. И очень медленно, как в замедленной киносъемке, халат, грациозно изгибаясь, стал сползать вниз.

Напомнив неожиданно Андрею строчки из Булаты Окуджавы о простыне, струящейся белым флагом на пол. Но белый флаг, привычный символ капитуляции, мог означать как страдания и невзгоды, так и воцарение Мира и Покоя. А значит, как символ, не противоречил Любви.

Златовласка положила руку Андрея на свою грудь и задержала ее там. И это было настолько естественным и целомудренным жестом, что юноша с удивлением обнаружил, что впервые, так же естественно, не стесняясь, принимает ласки и ласкает сам.

Впервые, ибо ночь, проведенная когда-то с москвичкой Фридой, была все-таки прекрасным, но временным соприкосновением двух случайных партнеров. Ведь Фрида, в отличие от Златовласки, не была его “второй половинкой”.

Кожа девушки, влажная еще, очень приятная на ощупь, тоже, казалось, излучает загадочный какой-то, неясный свет. От ее тела исходил волнующий и одновременно расслабляющий, слегка пряный кисловатый запах. Запах пчелиных сот, клевера и утренней росы. А может, и запах материнского молока. Ибо так приятно пахнут обычно грудные младенцы. Этот запах кружил ему голову, а прикосновения мягких и теплых губ девушки сводили с ума.

Ему казалось, что рушатся законы гравитации, ослабевает земное притяжение. И не удивило бы его, наверное, когда вдруг оторвутся тела их от теплого соснового пола уютной этой мансарды, да и дом сам нехотя поднимется над удивленными дюнами и величественными сосновами и закружит их всех безумный и прекрасный галактический звездопад.

Счастливый, с нежностью ласкал он тело, принадлежавшее только ему, теплое и податливое, с радостью откликающееся каждым миллиметром, каждым изгибом своим на его ласки.

Андрей целовал шею Златовласки, веки глаз, миниатюрные пальчики ее ног, упругий живот, пружинящую плоть юной груди, твердые маленькие соски.

А потом две половинки стали одним целым. И тогда полностью исчезло земное притяжение, взмыла в ночное звездное небо невиданная огромная птица с четырьмя крылами. И принял ее Млечный путь, а где-то внизу, далеко-далеко, плыла, прекрасным голубым шаром, уменьшаясь в размере, Земля.

Рушились вокруг миры, тонули в иссиня-черных

дырах целые галактики, но тут же, в фиолетовых и оранжевых всполохах далеких светил, рождались новые.

И был долг этот волшебный полет, возносивший влюбленных высоко-высоко в звездную высь, чтобы потом, как на огромных сказочных качелях, бросать их, с замиранием сердца, вниз. Пока, полностью обес- силевшие, счастливые, не рухнули они сами в черную пропасть глубокого сна.

Сейчас, глядя на спящую Златовласку, Андрей с удивлением и радостью вдруг осознал, что внешняя раскованность и удивительная гармония в поведении девушки не была результатом ее опыта. Нет, непосредственность ее имела другое объяснение. Ведь и Андрей был для нее “своей половинкой” и именно ему, без малейшего сомнения она доверилась полностью, расставаясь легко и радостно со своей девственностью.

И это было бесценным даром Илги самому любимому теперь человеку на свете.

Андрей совершенно ясно представлял свое будущее. Они с Илгой поженятся, она народит ему кучу детей, причем первый, конечно, будет мальчиком. Они проживут долгую, долгую счастливую жизнь. И даже умрут в один день.

Андрей подозревал, что авторство этой нехитрой жизненной формулы не принадлежит ему, а теряется в прошлом. Но она, эта формула, была приятной, оптимистичной, соответствовала его патриархаль-

ным взглядам на жизнь и, соответственно, полностью устраивала его.

Он четко знал, что нужно сделать. Сегодня, сейчас.

Поехать к родителям девушки, всё им рассказать и получить их благословение.

Увезти молодую жену, а только так он и воспринимал Илгу, в Москву. В том, что она понравится маме и отчиму, сомнений не было. И сразу же, благо лето, лететь в Абхазию, к многочисленной своей, шумной и обожаемой родне. Тут, правда, могли возникнуть некие шероховатости на гладкой канве его оперативного плана действий.

Дело в том, что родственники, и с маминой и с папиной сторон, мечтали женить Андрея на местной девушке и даже подыскивали ему, заранее, невесту.

Но он надеялся сгладить эти самые шероховатости убежденностью в правильности своего выбора. И верил, что никто не устоит перед силой его любви к Златовласке.

Конечно, проще было расписаться в Москве, а родню поставить перед свершившимся фактом. Но Андрей считал даже такое, почти невинное, лукавство недостойным себя. Да и свадьбу “сыграть” он всегда мечтал только в Абхазии, в родовом отцовском “гнезде”, в старом каштановом доме своего деда Корсантела.

Выстраивая эти задумки в стройную линию, вдруг сообразил, что не знает ничего о девушке, ее родителях и близких. Даже фамилии и адреса. Вообще ничего, только то, что она, в прошлом году, сразу после школы, пошла учиться на трехгодичные курсы радио-

мастеров при заводе VEF и посещает какую-то спортивную секцию ДОСААФ.

Снова неугомонный солнечный лучик прорвался сквозь шифон занавесок. Пробежав по подушке, добрался до волос девушки и как будто растворился в них. Золото в золотом. И по сосновым стенам комнаты тут же забегали крохотные, суетливые золотистые “зайчики”.

Девушка открыла глаза, обвела взглядом комнату и радостно улыбаясь, протянула Андрею руки.

После “семейного совета” решили так: поскольку у мамы Илги больное сердце, знакомство разумнее перенести, отодвинуть во времени, ибо любые сильные эмоции, даже положительные, могли повредить ее здоровью. Девушке стоило бы подготовить маму, осторожно и деликатно, заранее. А потом, вечером или завтра, представить родителям Андрея.

План был разумен. С сожалением и чувством легкой грусти покинули они свое сосновое убежище и уехали на первой же электричке в Ригу. Договорившись встретиться вечером, в семь часов, в сквере у Домской площади.

К вечеру погода испортилась, низкие темные тучи как будто затяли над городом свои “разборки”, резко передвигаясь, клубя и сталкиваясь друг с другом. Зарядил унылый холодный дождь.

Андрей тщетно пытался укрыться под кронами редких деревьев, прижимаясь к стволам, но это не защищало от косых струй воды. Вскоре он промок до нитки.

В семь часов вечера Илги еще не было. Не было ее ни в семь пятнадцать, ни в семь сорок пять. Но Андрей все надеялся и ждал.

В девять вечера, совершенно мокрый, обессиленный от ожидания, с трудом убедил себя – девушка уже не придет. Ночь он провел без сна. То покрывался липким холодным потом, то его бросало в жар. Наверное, бредил, ибо слышались ему неясные, приглушенные чьи-то голоса. Хотя возможно, кто-то до поздна разговаривал в соседнем гостиничном номере. Утром, ослабевший, совершенно потерянный, увидел себя в зеркале. Изможденное бледное лицо с темными кругами под глазами.

Андрей не был человеком, как говориться, робкого десятка. Судьба не позволяла ему расслабляться, быть нерешительным или безынициативным. Но сейчас он был в растерянности. Ему, и в этом было даже страшно признаться, хотелось плакать.

Он не верил, что так легко теряет свою Любовь, свою Половинку, встреченную по велению Небес. Но не знал, что можно или нужно предпринять.

Заканчивался его туристический тур, и почти не оставалось денег.

Конечно, он мог позвонить родителям, они перевели бы, но это ничего не меняло. Ведь у него не было ни малейшей информации, никаких зацепок для поиска.

Покачиваясь, он добрел до вокзала, сел в электричку, идущую к Взорью. С трудом вспомнил станцию, откуда они со Златовлаской отправились

в самое Прекрасное в его юной жизни путешествие, но не смог найти Того деревянного дома с Мансардой, среди Тех самых сосен, рядом именно с Той песчаной косой.

Вернувшись в Ригу, взял на стоянке такси, отдал водителю всю свою скромную наличность и колесил, какое-то время, по улицам города, надеясь на Провидение. Но тщетно.

Дома, в Москве, он, подумав, не стал ничего рассказывать матери, хотя они были большими друзьями, и он часто делился с ней самым сокровенным.

Но сейчас он решил, что этот крест – его крест и нести тяжелую ношу необходимо в одиночку. Но, скорее, где-то в глубине души надеялся, что произойдет Чудо и он неожиданно встретит девушку с копной волос цвета золота, с золотыми же искорками в глазах и с очень родной улыбкой. Даже не надеялся, а верил.

Но летели годы, одни события сменялись другими, Андрей тосковал по Златовласке все реже и реже, ибо жизнь каждодневно предъявляла все новые свои требования.

В конце концов, он смирился, убедив себя, что встреча их была результатом некоего сбоя, ошибки, допущенной кем-то в мирах параллельных. Видимо предполагалась она в иное время, в другой жизни.

И он успокоился. Вспоминая иногда деревянный дом среди песчаных дюн, девушку в махровом халате, с влажными волосами и волшебное космическое путешествие, как сцену из старого фильма или гла-

ву из прочитанной в юности книги. Лишь в редкие моменты, просыпаясь на рассвете в мансарде подмосковной дачи, в полу值得一реме подолгу наблюдал, как играет с занавесками легкий ветерок. И тогда сладко и тоскливо щемило в груди.

Незаметно для себя, без особых усилий с блеском, с красным дипломом, закончил МГУ и поступил в аспирантуру. Наука околдовала его, взяла в плен, стала главным делом его дальнейшей жизни. Не оставив времени на жизнь личную. Да и честно говоря, она его особо не заботила, эта, так называемая личная жизнь.

– В чем смысл жизни? – спрашивал Андрей. И отвечал себе: – быть любимым и любить, оберегать и лелеять близких людей, быть полезным. Оставить на Земле, уйдя когда-нибудь в Небытие, добрую память о себе.

С этим у него всё в порядке, по его мнению. Он обожает и оберегает родителей, они не чают в нем души. Эмоции, даруемые успехами в науке, заменяют ему, в определенном смысле, любовь к женщине. Ведь это и есть смысл жизни!

Да и то, что он делает по работе, обязательно принесет пользу человечеству. Это он знал твердо.

Уверенно, с легкостью защитил кандидатскую диссертацию. Защита произвела фурор в научном мире. Даже оппоненты солидарно хвалили уровень, качество диссертации, да и саму защиту признали блестящей. Многие крупные ученые указывали что работа

“перепрыгнула” через порог кандидатской и явно “тянет” на докторскую.

Так что, в соответствии с расхожей фразой, “как-то утром Андрей проснулся знаменитым”.

Будучи почетным профессором многих известных университетов, часто “мотался” с лекциями по Европе и Северной Америке. Немного позднее также легко защитил и докторскую диссертацию. Стал членом-корреспондентом Академии наук.

Теперь время его оказалось спрессовано до максимума, в которое понятие – личная жизнь – совершенно не встраивалось. Единственным увлечением, нет, вернее, пристрастием, являлся джаз. И он выкраивал иногда, очень редко, пару, тройку свободных часов, чтобы уединиться, надеть наушники и слушать, слушать, с неземным наслаждением, эту Великую музыку, растворяясь в ней, хоть ненадолго.

Да и находясь “за бугром” покупал себе только книги, журналы и виниловые джазовые диски. Ну и, конечно, подарки и сувениры любимым родителям.

Когда мама упрекнула, что он забывает о многочисленной родне в Абхазии, моментально с ней согласился. Теперь в его чемодане стали появляться Микки-Маусы, жевательные резинки в виде сигарет, игрушечные, но очень внушительные кольты, штопоры, мужские запонки и прочая мелочевка, предназначенная для родственников.

Среди его сухумской родни была и двоюродная тетя по имени Антица. Далеко за сорок, школь-

ная учительница и старая дева. В быту неулыбчивая и сварливая. На работе – строгий монстр, терроризировавший учеников. Одетая постоянно в строгий черный костюм и белую блузку с рюшами.

Острые на язык школьники придумали ей прозвище – “Антицакофтошквакуа”. Произносимое бегло, как пулеметная очередь, не совсем по транскрипции, это прозвище состояло из трех слов. Дело в том, что в те годы большой популярностью пользовались две абхазские песни, “Антица” и “Акофтьа ашкуакуа” (Белая кофточка). Так что прозвище соответствовало исходному фольклорному материалу.

Несмотря на строгий характер, к Андрею тетя относилась с теплом, даже с нежностью, находя у племянника черты рано умершего своего родственника, отца Андрея.

Как-то раз, возвращаясь из очередной командировки, купил он в аэропорту для тети особый сувенир. Это была металлическая высокая банка, по типу пивной, с нарисованными разными, очень красивыми конфетами. Это было кстати, ибо тетушка очень любила сладкое.

Дядя Арвелод устроил, как говорится, “хлеб-соль” по поводу приезда Андрея.

Вот там, одарив и остальную родню, племянник, с почтением, вручил подарок и тете. Антица слегка смутилась, зарделась, поблагодарила и, под аплодисменты гостей, откинула крышку. Пауза... и аплодисменты переросли в дружный хохот.

Вместо конфет, щеря в кривой улыбке рот, из банки вылетел растрепанный пластмассово-тряпичный

Мефистофель. (Откровенно говоря, покупая сувенир, рассеянный Андрей был уверен, что на самом деле покупает конфеты).

Тетушка взвизгнула, с отвращением отбросила банку и выбежала из квартиры.

Было ясно, что племянник “перегнул палку”. Невольно он нарушил одну из важнейших заповедей поведения, как бы проявив неуважение к возрасту тети.

Забегая вперед – конечно, он повинился и помирился с Антицей, не сразу, правда. Она не могла не простить любимому племяннику его “шутку”. Его же еще долго мучила совесть.

По рекомендации родственников, устав от их настойчивости, Андрей, почти не размышляя, женился на Ирине, дочери старого друга и сослуживца отца. Девушка окончила медицинский техникум и работала медсестрой в одной из городских больниц. Оказалась она, к счастью, миловидной, смышленой и бесконфликтной. Начитанной и обладавшей неплохим чувством юмора. Да и хозяйкой была прекрасной.

Андрей не мог, правда, понять, любит ли его Ирина, но решил, что не так это и важно. Главное, что дома был мир, покой и порядок. И он привык к Ирине.

Через год у них родился сын. Назвали его в честь деда – Денисом.

(На самом деле, дедушка Корсантел, живший некоторое время в Турции, назвал своего сына, отца Андрея, именем – Дениз, что переводилось с турецкого, как – Море. Но внука Корсантела все называли – Андреем Денисовичем).

В тот день, четырнадцатого числа, Андрей консультировал абитуриентов. Вдруг резко распахнулась дверь аудитории и декан факультета, с озабоченным выражением лица настойчиво поманил Андрея рукой.

— Андрюша, мне только что звонила жена. По телевизору объявили, что в Абхазию введены войска Госсовета Грузии и что на подступах к Сухуми идут бои. Отпусти ребят, гони домой, попробуй, если есть связь, узнать, что там с твоей родней.

Дома Андрей застал плачущую Ирину и Дениса, собирающего чемодан.

— Он собирается в Абхазию, воевать. Останови его, пожалуйста! — всхлипывая, с трудом выговорила Ирина.

— А разве я имею право его останавливать? — Ласково притянув Ирину к себе, произнес Андрей. — Ему семнадцать, он мужчина и может решать сам. Но каждый отец обязан оберегать свое чадо.

Услышав эту фразу, Ирина с надеждой подняла глаза.

— Так вот, — продолжал Андрей — единственное правильное мое решение — это ехать с ним! О чем прошу сейчас вас обоих, дайте мне время получить верную информацию и подготовиться.

А информация была тревожная и безрадостная. Мощная колонна бронетехники стоит в пригороде столицы, у Красного моста. Ведутся вроде бы какие-то переговоры, но толку от них не ждет никто.

С воздуха город обстреливают боевые вертолеты,

а в Гагре высаживается морской десант. Граница перекрыта.

Потянулись тяжелые дни неопределенности. Дни ожиданий, дни надежд, дни действий. Андрей, используя свои связи, курсировал, как членок, по Москве, по посольствам, корпунктам и представительствам различных массмедиа в России.

Рассказывал, убеждал, распространял объективную информацию, передавая фото, видеоролики и свидетельства очевидцев. Организовывал передачи на радиостанциях и на телеканалах. И радовался, как ребенок, когда удавалось пробить брешь в “железобетонных” нагромождениях лжи и измышлений. Когда в российской и западной прессе появлялись правдивые материалы о войне.

Седьмого октября, сразу же после освобождения Гагры, они с Денисом вылетели в Сочи и в этот же вечер, с помощью Арама, жителя приграничного села Веселое, перебрались нелегально, через пограничную реку Псоу. Поздней ночью, на попутном военном грузовике добрались до временной столицы, города Гудаута. Постучались в первый же дом и были, без лишних расспросов, приняты на ночлег.

Город было не узнать. Обычно полусонный, небольшой городок жил всегда в каком-то замедленном ритме, исключая три-четыре месяца курортного сезона. Но это в мирное время.

Сейчас же город вызывал ощущение гудящего

улья. Улицы забиты людьми и транспортом. В центре вообще вавилонское столпотворение и языковая многоголосица. Калейдоскоп лиц и одеяний.

Армия только формируется, не хватает ни формы, ни оружия. Вчерашние ополченцы, сегодня уже бойцы регулярной армии, выглядят, порой, трогательно. Кто-то разжился камуфляжем, но не нашел сапог или военных “берцев”, потому и щеголяет в модных мокасинах или кроссовках. А некоторые в спортивных костюмах “Адидас” или в джинсах. Но в каждом взгляде читаются решимость и бесстрашие. И это уже армия, это сила. Единственно, что всех тревожит – катастрофически мало оружия. Не хватает автоматов, зато есть, и об этом говорят с гордостью, несколько танков и БТР, отбитых у противника. Трофейных, значит.

Гортанная вайнахская речь, очень знакомый, похожий на абхазский, язык адыгейцев, черкесов, кабардинцев. Мягкое турецкое произношение звуков и мелодичный, но одновременно и жесткий говор казаков.

Весь этот круговорот людей и техники, подчинен какому-то жесткому порядку. Закону военного времени. Это витало в воздухе и, безусловно, обрадовало Андрея.

Рудик Делба, родственник, офицер разведки, помог обустроиться. Дениса зачислили в строевую часть и выдали комплект формы советского образца. Но главное, выдали автомат. Потертый, с исцарапанным прикладом, но действующий.

Андрея же, временно, прикрепили к интендант-

ской группе. В группе было несколько таких – же, как Андрей, зрелых людей, чьи сыновья сражались на передовой. И в чью обязанность входило обеспечение солдат всем необходимым, от зубных щеток, курева и носовых платков. А в первую очередь, конечно, питанием.

И надо сказать, со своими обязанностями “снабженцы” прекрасно справлялись. Благодаря их стараниям и неуемной энергии, бойцы на передовой почти ни в чем не нуждались. Андрей быстро “вписался в тему” и стал своим среди сослуживцев. Особенно близко подружился он с деятельным и острым на язык Аликом Капи из Гагры.

Период поздней осени и зимы, был, пожалуй, периодом вялого позиционного противостояния противников на Западном фронте, по линии реки Гумисты. Конечно, стороны периодически перестреливались, иногда ожесточенно, применяя артиллерию и системы залпового огня. Предпринимались разведывательные и диверсионные “вылазки на ту сторону”.

Но, в целом, обстановка на линии разделения была относительно спокойной. Стороны накапливали силы для будущих наступлений и ждали тепла.

Андрею удавалось достаточно часто бывать на передовой и видеться с Денисом. Ему казалось, а может, так было и на самом деле, что сын его, мальчик, ребенок, тепличный цветок столичной оранжереи, стал настоящим мужчиной, воином, хотя боевое крещение только ожидало его.

Жилистые, окрепшие руки, жесткая щетина скул, низкий голос. Всё это очень отличалось от москов-

ского образа рафинированного студента из “хорошей семьи”.

Денис свободно обращался с автоматом, знал особенности мин и ручных гранат. Но самое важное, что отметил для себя Андрей, это незнакомый блеск глаз. Такой же, как и у остальных, опытных бойцов.

Бесстрашие и безоговорочная вера в победу – вот что читалось в их глазах.

Как-то Андрея “командировали” в городскую больницу, за обещанными ранее лекарствами.

Перед входом стоял серый УАЗ медицинской службы фронта. Задние дверцы машины были открыты, внутри на носилках лежали три тела, накрытые простынями.

Андрей не знал, кого скрывают простыни, но у него вдруг защемило в груди. Конечно, шла война, страшная война на уничтожение, и немало таких бездыханных тел, накрытых простынями, повидал санитарный фургон. Но для Андрея ТАКАЯ встреча со смертью была первой, и она потрясла его.

Ярко светило теплое осеннее солнце, детский смех с улицы перекрывал шепот крон вечнозеленых деревьев. Природа как будто радовалась жизни, и в страшное противоречие, в диссонанс с этой радостью вступали тела погибших, в УАЗике.

Значит, кто-то недолюбил, недопел песню, не дочитал интересную книжку. И это было неестественно и несправедливо. Из здания вышел начальник медбатальона, Батал Кобахия. Они были знакомы. Андрея удивляло и восхищало, что такой мягкий и добрый

человек, ученый-гуманитарий, романтик, добровольно взвалил на себя столь тяжкую кровавую ношу и безропотно, достойно, без лишних слов, несет ее.

Батал перехватил взгляд Андрея, взглянул тому в лицо и, с пониманием, в сердцах, произнес:

– Наши, с передовой. Совсем мальчишки. Сегодня с утра работает ИХ снайпер. Война, брат Андрей, война.

В середине следующего дня прикатил на велосипеде юный совсем солдатик, в спортивных штанах и кедах. Зато в камуфляжной куртке, пилотке со звездой и с охотничьей “Тулкой” за спиной.

Андрея срочно звали в больницу. Пришли долгожданные препараты, решил он.

В холле увидел расстроенного Рудика, и почувствовал, как остановилось, на миг, сердце, а по спине, между лопаток, заструился холодный пот.

– Все в порядке, – Рудик вскинул руку. – Легкое ранение, правда. Совсем легкое. Сейчас Денис на перевязке, потерпи несколько минут. Все тот же гребанный снайпер. Двоих пацанов уложил с утра.

Твой Денис родился в рубашке. Снайпер никогда не промахивается, это исключено. Пуля угодила в скалу, рядом с головой, срикошетила и по касательной прошила грудь, слева. Даже кость цела. Божий промысел, не иначе.

Я со своими ребятами отбываю на Гумисту. Верховный лично требует разобраться со снайпером. Срочно!

Дениса оставили пока в больнице. Андрей, от-

просившись у командира, сидел с сыном до позднего вечера. И утром, проснувшись, сразу же отправился привычным маршрутом.

По пути встретилась ему странная какая-то процес-сия. Навстречу, по тихому переулку, двое конвойных вели пленного. Одним из конвоиров был вчерашний юноша в пилотке с красной звездой. Свою “Тулку” он держал наизготовку. Андрей знал и второго.

Этот парень, по имени Вадим, был известен многим. Рискуя жизнью, пробрался он в Гудауту из оккупированной столицы с одной целью – записаться в армию.

На пустынной дороге, рядом с юношой остановился автомобиль. Вадима предложили подвезти. Он с радостью уселся на заднее сиденье. Лица человека, сидевшего впереди, не было видно, но разговор с юношой начал именно он. Тембр голоса, интеллигентность и доброжелательность незнакомца располагали к откровенности. И Вадим честно и с радостью рассказал о себе всё.

Что он казачьего происхождения, чудом пробрался за линию фронта, и горит желанием сражаться за Родину.

На вопрос, сколько ему лет, откровенно ответил – пятнадцать. Но это неважно, – добавил он. – Я себе припишу пару лет.

Человек слегка повернул голову, и Вадим узнал его. Это был Верховный Главнокомандующий.

– Тебя запишут, я распоряжусь, но о передовой пока забудь. И не волнуйся, у нас и здесь хватает

достойных поручений для таких храбрых юношей, как ты.

Скоро о Вадиме знали все.

— Ну конечно, — с восхищением рассказывали о нем бойцы, — ведь его САМ, лично, записал в армию.

Сейчас Вадим важно вышагивал по переулку, одетый, несмотря на тепло, в дубленый полушубок, и держа пленника на мушке своего карабина. На голове его красовалась “кубанская” казачья папаха.

Андрей обратил внимание на того, кого так ответственно конвоировали два юных бойца. В камуфляже, в воинских берцах, невысокого роста. Короткая стрижка, одна сторона тела, от головы и до ботинка, обожжена.

Руки за спиной связаны веревкой, да и на ногах пленника болтается веревочная петля, мешающая нормально шагать.

Чувство юмора свойственно южанам всегда, даже в драматических ситуациях.

И Андрей не удержался.

— Привет, бойцы. Не пойму никак, вы что, Рембо поймали или Чака Норриса? Вы бы ему натуральные кандалы еще приспособили, да еще и мешок на башку натянули. Не пришлось бы всё время на мушке держать.

— Ничего не знаю про Рембо, — серьезно ответил, не опуская ружья, парень в пилотке, — но эта падла еще хуже. Это та самая снайперша, что наших ребят положила. За ней на ту сторону группу послали, еле выследили. А чтоб захватить, пришлось в ее сторону из подствольника шандарахнуть. Так она вроде в от-

ключке была, но Сережку, амбала огромного, враз вырубила и шею чуть не перегрызла. Дернули ее за ногу вовремя, так она успела из плеча Сереги зубами шмат мяса вырвать. А Вы тут шутите, дядя Андрей.

Снайперша! Женщина. Та самая, которая вчера ранила Дениса.

Андрей, не обращая внимания на знаки, подаваемые конвоирами, подошел к пленнице вплотную.

Женщина медленно подняла голову и посмотрела Андрею прямо в глаза.

И качнулась под его ногами земля, и зашумело в ушах от внезапного прилива крови, и как будто погас, на миг, яркий солнечный свет.

Помимо следов ожога, лицо женщины было сплошь покрыто темными пятнами маскировочного грима. Рот был перекошен, в глазах застыла ненависть.

Но не выражение лица ошеломило Андрея. Глаза! А, вернее, их цвет!

Глаза у пленницы немного различались, один был ГОЛУБЫМ, а второй – ЗЕЛЕНОВАТЫМ! И в обоих зрачках погасшими угольками угадывались былые золотистые искорки.

Так вот какой сюрприз преподнесла ему Судьба?! Вот на каком крутом вираже настигло его Прошлое?! И разве о такой встрече со Златовлаской мечтал он когда-то, в юности своей, скрывшейся давно, за бес-

численными поворотами длинного шоссе по имени Жизнь?!

Он не понимал, за что, за какие прегрешения назначено ему сие испытание. И что делать, как вести себя именно сейчас, он не знал.

Узнала ли его Илга или нет, тоже было загадкой. Ведь прошло столько лет.

Пытаясь получить ответ, он не отводил своего взгляда. И почудилось на миг, что уходит ненависть из глаз Златовласки, уступая место знакомому, мягкому и влажному голубовато-зеленоватому туману, в котором, или это ему только показалось, опять вспыхнули светлые искорки.

Солдаты тоже ничего не понимали и растерянно переглядывались.

— Куда вы ее? — с трудом разлепив слипшиеся губы, спросил Андрей.

— В спецслужбу. Ребята на передовой готовы были разорвать ее на части, но разведчики запретили. Наверное, нужна она им.

Андрей был знаком с офицером, возглавлявшим армейскую спецслужбу. Но что это меняло?

Махнув конвоирам рукой, с трудом ступая на внезапно ставшие тяжелыми ноги, продолжил он свой путь к больнице. Но вынужден был присесть на скамейку у ближайшего дома.

Голова шла кругом от нахлынувших эмоций и самых разных, порой безумных мыслей. Он пытался успокоиться, взять себя в руки, но это плохо получалось.

Но и разбираться в сложившейся, экстраординарной, немыслимо трудной ситуации можно было, только охладив себя, управляя своими эмоциями.

Итак, надо было задать себе ряд вопросов и попробовать ответить на них объективно и бесстрастно.

Самым важным было понять – КОГО он встретил сегодня? Была пленница действительно его Златовлаской, или, ошеломленный внезапно нахлынувшими чувствами, потеряв над собой контроль, принял он незнакомую женщину за ту, кого считал единственной своей “половинкой”.

Ведь тот звонок из прошлого, потрясший его, мог быть сигналом ошибочным, ложным. Ведь причиной, импульсом был знакомый, якобы, необычный цвет глаз. И только. А короткие, грязные, наполовину опаленные волосы даже отдаленно не напоминали тот золотой шар, ту солнечную копну, из которой и родилось ласковое – Златовласка.

Ведь, по большому счету, ничего в глазах пленницы он не прочел. Ничего, что было бы бесспорным и давало право, без сомнения, сказать – да, Андрей, это она, твоя Половинка, твоя Златовласка, Илга, единственная твоя Любовь.

И, если ответ – да, то что нужно было сделать ему? Возненавидеть этого монстра, бессердечную и хладнокровную убийцу чьих – то детей, мальчишек, взявших в руки оружие для защиты своей страны и своих близких? В том числе, по сути, и его сына.

И вычеркнуть ее решительно и окончательно из памяти своей?

Или простить Златовласку во имя их великой любви. Идти к Верховному, которого хорошо знал еще по Москве. И умолять, стоя на коленях, сохранить жизнь врагу, наемному убийце, женщине, сделавшей смерть своей профессией.

Но какие доводы мог он привести для объяснения странной своей просьбы?

Совсем уж безумные идеи стучались в его возбужденное, затуманенное сознание.

Подкупить охрану, выкрасть Златовласку и уехать с ней на край света, или, как в ту ночь, улететь в другую галактику. Затеряться навсегда где-то на Млечном пути. Забыв о войне, о семье, вообще отсекая напрочь прошлое. Понимая, что предает Родину, семью, близких своих, покрывая их несмыываемым позором на века.

Устрашившись своей минутной слабости, отогнал бредовые мысли.

Успокоился, подождал, пока не пришел в относительную норму пульс, и отправился в больницу. Уговорил Дениса, рвущегося на передовую, остаться в палате до завтра.

По больничному телефону связался с Рудиком и попросил устроить ему свидание с сегодняшней пленницей. Тот удивился неожиданной просьбе, но вопрос решил.

Через несколько минут Андрей подходил к малоприметному дому недалеко от центра города.

Часовой был в курсе, вызвал дежурного офицера, который и провел Андрея в полуподвал и отпер

огромный амбарный замок, висевший на двери, обитой жестью.

В двери грубо, на скорую руку, было пробито небольшое отверстие, для наблюдения за арестантами, очевидно.

Пленница сидела, с ногами, на деревянном топчане, обхватив руками колени. Уставившись в крохотное зарешеченное окошко под потолком. В окошке виднелось голубое небо, и периодически доносился приглушенный шум проезжающих вдалеке машин.

На вошедшего женщина не реагировала. Выждав паузу, Андрей тихонько дотронулся до ее плеча. Брезгливо отбросив руку чужака, медленно повернула голову в его сторону. Никаких эмоций, в глазах полное равнодушие.

Андрей обратил внимание, что раны пленницы были обработаны, ибо рука и голова были профессионально перебинтованы. Да и лицо было почти отмытым от копоти и грима.

— Это снова Вы? — произнесла она низким, хрипловатым голосом. — Дайте закурить.

Андрей протянул ей початую пачку сигарет и коробок со спичками. Женщина жадно затянулась табачным дымом и, выждав паузу, спросила, что же ему нужно.

А ему о многом надо было спросить, да и самому рассказать многое, он даже знал точно, с чего начнет, но никак не мог выдавить из себя хотя бы одно слово. Словно находясь в некоей прострации.

Выждав какое-то время, женщина опять отвернулась к окну.

— Зачем, Илга? — с трудом, наконец-то, произнес Андрей всего одну фразу.

— Зачем что? Не поняла значение второго слова, оно абхазское или это чьё-то имя?

Женщина говорила спокойно, не отводя взгляда от окна.

— Если это имя, то Вы меня с кем-то путаете. Мой паспорт у следователя. Зовут меня Елена Павловна Сутягина, а родом я из славного, в прошлом, города текстиля и невест — Иваново. — Зачем? Так это вообще очень просто. Это моя работа, мне платят — я стреляю. И поверьте, мне всё равно, в кого; в красных, белых, анархистов или свидетелей Иеговы.

Вдруг, посмотрев Андрею прямо в глаза, перейдя на шепот, добавила:

— Потому, что ненавижу вас, мужиков. Всех, всех. И ни капельки ни о чем не жалею.

В дверь тихонько постучали. Время свидания заканчивалось.

В смятении выходил Андрей из камеры. С одной стороны, он даже обрадовался, убедившись в своей ошибке. И одновременно, его удручало, что существуют на земле такие женщины-монстры, как эта ивановская Елена.

Когда дежурный вешал на дверь замок, сквозь “глазок” Андрей явственно услышал сдавленный стон. Ему же хотелось одного; поскорее выйти из мрачного подвала в солнечный день, обнять сына и постараться позабыть о случившемся.

Спустя время Андрей случайно узнал; женщину-снайпера обменяли через “Красный Крест” на шестерых абхазских солдат, взятых в плен на Восточном фронте. И это было, по его мнению, правильным решением. Жестом доброй воли и, что было важнее всего, сохранением жизни шести молодых ребят. Хотя бы на время.

Переговорами, как говорили, занимался Беслан Кобахия, сын легендарного Валериана Кобахия, подпавшего, в качестве Председателя Верховного Совета Абхазии, в августе 1990 года Декларацию о государственном суверенитете Абхазии.

Андрей был знаком с Бесланом, но уточнять детали не стал.

Как-то раз утром, постучали в оконное стекло. Шел крупный мокрый снег, все вокруг было покрыто, как будто, большими полотнищами белой марли; и дорога и окрестные сады и крыши домов.

На крыльце, под навесом, стоял, стряхивая снег с пилотки, тот самый юный велосипедист. Теперь он весь был в камуфляже, в скрипящих новых “берцах”. А вместо ружья, на боку висел небольшой, под стать солдатику, автомат.

Парень отдал честь, вынул из внутреннего кармана куртки конверт и протянул Андрею.

– Камугович поручил. Лично. – Важно произнес он. – Бежать надо, тороплюсь. Абзиараз, до свидания.

Честно говоря, Андрей не знал тогда, кто такой Камугович, но судя по уважительному тону посыльного, решил, что он, видимо, большой начальник.

Андрей устроился у окна и распечатал изрядно помятый конверт.

На серой бумаге плохого качества, спешащим, мелким, незнакомым почерком было написано:

“Андрей, мой любимый Андрей, единственная моя Половинка. Значит, ты меня узнал. Несмотря на прошедшие годы. Хоть и выглядела я, мягко говоря, неважно. Каких же сил стоила мне моя игра, мое мнимое спокойствие. Я очень боялась, что не справлюсь, расплачусь и упаду тебе в ноги. Я не хотела тебе писать, но это оказалось выше моих сил. Видимо, та же Судьба, подарившая нас с тобой друг другу, стала и нашей разлучницей. Никогда не забуду тот день и волшебную нашу ночь. Никогда больше, ни разу в жизни, не была я такой счастливой.

В тот злополучный день, когда я не пришла, не стало мамы. Я не находила места, не зная как и где тебя искать. Я бесцельно бродила по городу, ездила несколько раз на Взморье, понимая тщетность моих действий. Позже поняла, что беременна. Да Андрюша, любовь моя, наша с тобой встреча должна была дать жизнь еще одному живому существу. И дала. Я родила тебе прекрасную дочь, очень похожую на тебя, только с золотыми волосами. Но через пять месяцев ОН призвал ее к себе. Не помогли ни доктора, ни отчаянные мои мольбы. Моя жизнь закончилась в день ее похорон. С этого дня я стала другой. Я возненавидела всех и всё на свете. Мужчины, с кем меня позже сталкивала жизнь, лишний раз убеждали меня в правоте моих мыслей. В отчаянии я возненавидела даже тебя. Я решила, что жизнь моя

обрушилась именно из-за тебя, после нашей встречи. У меня с юности высший спортивный разряд по стрельбе. Так что, когда появилась информация, что требуются платные снайперы, раздумий у меня не было. Более того, узнав что “горячая точка” – это Абхазия, решила, что сама Судьба дает мне шанс пусть не впрямую, но отомстить за сломанную мою жизнь. Остальное ты знаешь. Следователь сказал, что моя участь будет решена завтра. Скорее всего, меня расстреляют по решению трибунала. Так или иначе, тебя я больше не увижу. Тот же следователь разрешил мне написать это письмо.

Андрей, милый, забудь мои слова о ненависти. Сейчас, на краю пропасти, я понимаю, что на земле стоило жить только ради нашей Любви, ради единственной нашей встречи! Прости, если можешь. Твоя Златовласка.”

Андрея бил озноб, тряслись руки, слезы застилали глаза. Он долго сидел, уронив письмо, положив голову на руки.

Позже посмотрел на себя в зеркало. И не узнал человека, глядевшего на него из зазеркалья. Седые виски и незнакомый безумный взгляд. Но Андрею не было дел до незнакомца.

Он вдруг вспомнил больничную палату, раненого сына и слова Рудика: “Снайпер никогда не промахивается. Это исключено”.

Какая же небесная сила отвела пулю снайпера на несколько жалких сантиметров в сторону от голо-

вы его сына? Или это Златовласка получила Послание свыше и сама отодвинула ствол?

Где теперь можно получить верный ответ?!

И кто, кроме него самого, сможет закрыть эту трагичную, немного мистическую страницу архива собственной памяти. Обрести чувство реальности и психического равновесия, подарив весь запас нежности, любви и доброты самым близким на этой планете людям: сыну и жене.

Андрей медленно поднялся со стула, сунул письмо с конвертом в холодную печь и негнущимися пальцами чиркнул спичкой о коробок. Конверт долго не хотел загораться, затем вспыхнул ярким огнем. Скоро от письма осталась лишь крохотная, практически неразличимая кучка пепла.

А снег всё падал и падал. И скоро скрылись в густой белой пелене окрестные горы и дома, автомобили и люди. И показалось на миг, что опустилась на город белая умиротворяющая благодать, воцарились покой и мир. И нет больше нигде ни войн, ни страданий.

“Ас-Ду”! “Большой снег” засыпал, как когда-то, Абхазию в преддверии Нового, 1993-го, года.

Андрей резко открыл глаза. Он так и сидел в кресле, только был заботливо укрыт пледом. Ирина не стала его беспокоить.

Подумав о жене, Андрей улыбнулся.

В квартире было тепло и ничего здесь не напоми-

нало о той холодной комнате чужого дома в Гудауте, стылом окне, за которым шел нескончаемый снег.

Только снова щемило в груди и стучало в висках. Страшная слабость объяла тело, хотелось опять откинуться на подушку и закрыть глаза.

Но он страшился, что тогда снова перед ним возникнет засыпанный снегом прифронтовой город, оживут лица людей, с кем он с пугающей реальностью общался совсем недавно. И снова придется принимать на себя былые удары судьбы.

Посмотрев на окно, Андрей неожиданно обнаружил, что в воздухе как будто висит плотный и искрящийся снежный занавес, скрывший, как скрывает декорации на сцене занавес театральный, соседние дома и деревья во дворе.

— Зима в этом году начинается рано, — подумалось ему.

В соседней комнате послышался мелодичный телефонный звонок. Трубка городского аппарата стояла на базе в гостиной и, пока Андрей размышлял, стоит или не стоит вставать и идти к телефону, в соседней комнате уже сняла трубку Ирина. Ее приглушенный голос не давал возможности расслышать произносимые слова, но уважительная тональность ощущалась явно.

Через несколько секунд, приоткрыв дверь, она вошла в спальню и протянула трубку мужу.

— Президент! — Прошептала она, прикрыв рукой микрофон.

– Президент? Чего? Академии наук? Географического общества?

Спрашивать, однако, Ирину он не стал, просто принял трубку из ее рук и приложил к уху.

Звонил Президент Республики, Сергей Васильевич Багапш. И в этом не было ничего необычного, ибо звонил он регулярно, а иногда, бывая в Москве, выкраивал немного времени из своего напряженного обычно графика и “забегал” в гости.

– На академический чай, – как обычно, с улыбкой, называл он эти визиты.

С Багапшем Андрей познакомился летом девяносто третьего года, когда очередное ранение Дениса вынудило их обоих вернуться из Абхазии в Москву.

Андрей всерьез занялся организацией сбора гуманитарной помощи республике. Его известность, высокий статус в научном сообществе и связи позволяли успешно решать многие вопросы.

Он вступил в общество “Аламыс”, созданное для подобных целей группой земляков и активно работал в нем.

Багапш был во время войны представителем абхазского правительства в России.

Энергичный, коммуникабельный, прекрасно воспитанный человек приятной наружности располагал к себе и быстро “оброс” необходимыми связями в различных властных структурах.

А учитывая, что многие должностные лица в этих структурах симпатизировали Абхазии и старались

поддержать республику, трудно переоценить то, что удавалось сделать Багапшу для Победы.

Именно он оказывал помощь “Аламысу” в отправке собранных грузов, когда это не получалось по привычным каналам.

Сотрудничество сблизило Багапша с Андреем, а взаимная симпатия и тяга к общению сохранилась и на все последующие годы.

Общение продолжалось и после того, как Сергей Багапш был избран в 2005 году Президентом Республики Абхазия.

Личные качества Багапша, его дипломатичность, доступность и простота в общении, готовность идти на компромиссы там, где это было возможно, позволили обеспечить в Республике политическую стабильность и равновесие.

Все эти качества сыграли важную роль в установлении доверительных, добрых отношений с руководством России.

Но, безусловно, важнейшим историческим событием, связанным с именем Сергея Багапша, было признание суверенитета Республики Абхазии Российской Федерацией.

И если харизматичный, энергичный Владислав Ардзинба вошел в историю, как лидер нации, объединивший ее в годы самых тяжелых испытаний, как жесткий, бескомпромиссный политик, Главнокомандующий армией Победы, принесший республике реальную независимость, то Багапш стал символом дипломатического ее признания.

Андрей хорошо знал и недавно ушедшего из жизни Первого Президента Абхазии, Владислава Григорьевича Ардзинба.

Познакомились они на выставке работ художников Абхазии, организованной Постоянным Представительством Грузинской ССР в Москве, в конце семидесятых. После выставки, на банкете, Андрей оказался за столом рядом с Владиславом и его супругой Светланой.

Андрея поразила мощная энергетика нового знакомого, его интеллект, чувство юмора. Но окончательно сразила его немыслимая влюбленность в науку, энциклопедические знания всего, что касалось предмета его исследования – истории и культуры хеттов. Живые, умные глаза Владислава буквально засветились изнутри, когда разговор коснулся этой темы. Ярко, образно, обстоятельно рассказывал он о возможных наших прародителях, загадочных хеттах, о которых мало что было известно. О том, как по крупицам собирается исторический материал, могущий пролить свет на историю. О том, что собирается посвятить хеттологии всю свою жизнь.

Владислав так увлек своим рассказом сидевших за столом, что Светлане пришлось тактично, поженски, останавливать супруга.

– Ириша, ты не представляешь, с какой удивительно супружеской парой я сегодня познакомился. А имя Владислава Ардзинба запомни, думаю – это будет выдающийся ученый современности! – произнес Андрей с порога, не успев, как говорится, попасть домой.

Он сам, как профессионал, был уверен, что добиться успеха в жизни, в первую очередь, в науке, дано лишь людям, влюбленным в свое дело, преданным ему до конца. И в этом смысле он искренне прочил Ардзинба блестящее будущее ученого.

Работа, как правило, забирала уйму времени, оставляя лишь крохи его на так называемую личную жизнь. Но всё же два или три раза они приглашали супругов Ардзинба в гости. Ирина готовила традиционную абхазскую еду, а в запасе у нее всегда находилась бутылка домашней чачи. После ужина женщины пытались гадать на кофейной гуще, на кухне, мужчины же располагались в кабинете и, то обстоятельно, не торопясь, то крайне эмоционально обсуждали научные новости, но переходили, в конце концов, на политику.

Начинались горбачевские времена, в воздухе “запахло” грядущими переменами. Как правило, эти беседы затягивались допоздна.

Вскоре Владислав уехал в Абхазию, возглавил Абхазский научный Институт языка и литературы. Позже был избран Председателем Верховного Совета. Теперь политика, борьба за независимость республики стала делом всей его жизни.

К сожалению, Андрею удалось до Войны всего раз, недолго пообщаться с Владиславом Григорьевичем в Абхазии.

Находясь во время Войны в Гудауте, Андрей так и не решился навестить Верховного главнокоманду-

ющего, чтобы не отвлекать его от важных дел. Честно говоря, спустя годы он жалел об этом. Особенно сейчас, когда В. Г. Ардзинба ушел из жизни.

И вот сейчас, поговорив по телефону с Багапшем, он снова, с грустью и теплотой вспомнил Владислава Григорьевича.

Последние недели, отметил для себя Андрей, оказались щедрыми на визиты друзей. В принципе, связи с земляками всегда были тесными. Правда, учитывая жесткий рабочий график, частые командировки, обычно длительные, времени для личных встреч почти не оставалось. Но общение по телефону с друзьями было регулярным.

А сейчас, когда у Андрея внезапно появилось неограниченное ничем свободное время, его постоянно кто-то навещал. Было ясно, что отчасти его близкие частично восполняли упущенное ранее общение. Но при этом, зная о болезни, спешили повидаться с ним, пока это было возможно. И не было в этом желании ничего странного и необычного.

Приходили недавно – Президент всемирного конгресса абхазо-абазинского народа, “Народный президент всех абхазов”, академик Тарас Шамба и Посол Абхазии Игорь Ахба. С ними пришла Танечка Гулиа, советник посольства, дочь известного советского писателя Георгия Гулиа.

Эмоциональный, взрывной, энергичный Тарас рассказывал о своих многочисленных поездках по миру в поисках разбросанных по всей планете потомках махаджиров.

Уравновешенный, рассудительный, с тонким чувством юмора, Игорь Ахба вспоминал смешные и трогательные истории из общего сухумского прошлого. Говорили с теплотой и об отце Татьяны, Георгии Гулиа, которого все трое хорошо знали.

Были с визитом и “братья”, как называл их Андрей – члены группы “Аламыс”. На это раз пришли: Паша Чакветадзе, Валера Купалба, Раули Басария, Отар Ласария, Юра Заарандия, Славик Кетия. И остальные члены группы регулярно навещали Андрея.

Давно закончилась война, но “Аламыс” сохранил свою жизнеспособность, а дружба и взаимовыручка, характерная для “братства”, с годами только укрепилась.

Вообще, в диаспоре относились к Андрею с огромным уважением и теплом, в том числе и те, кто был значительно моложе него и, следовательно, не знавшие его ранее, по сухумскому прошлому. Вот и вчера, предварительно позвонив, “заскочили на секунду”, как они объявили с улыбкой, Беслан Агрба, Председатель диаспоры, с Русланом и Эсмой Хагба. А до их прихода интеллигентный и креативный Виталий Лабахуа делился интереснейшими задумками из будущей просветительской программы создаваемого им фонда содействия развитию Республики.

Андрей поддерживал дружеские связи со многими сухумчанами. Его навещали Анзор Хубутия, директор института Н. В. Склифософского, известный экономист, писатель Александр Потемкин, военный переводчик Артур Мусоян, юрист Сократ Стилиди.

И конечно, его знания, авторитет в научном мире, привлекали к нему талантливых ученых из Абхазии, работающих в Москве – Юрия Анчабадзе, Вячеслава Бигуаа, Игоря Барциц.

И так получалось, что каждый день оказывался максимально насыщенным интересными и приятными встречами, эмоциями, разнообразной информацией. И все эти эмоции были пронизаны доброй и теплой сухумской энергетикой. И, безусловно, пряным сухумским юмором, порой мягким, порой очень и очень острым, но всегда доброжелательным и интеллигентным.

Как то, уже вечером, перед сном, когда ушли очередные гости, Андрей с улыбкой сказал жене:

– Знаешь, Ириша, я часто вспоминаю один из любимых тостов – помнишь как в течение десятилетий Сталин без повода, просто так, грозил расстрелом одному из офицеров кремлевской охраны, некоему Иванову. При каждой встрече.

А на банкете в Кремле, в честь Победы в Отечественной войне, поднимая бокал, всерьез сказал, что помимо мужества наших солдат, помимо самоотверженной работы советских людей в тылу, была еще одна великая сила, помогающая перенести все тяготы, выстоять и победить.

– Эта сила – чувство юмора, – сказал Сталин. И продолжил – Как Вы думаете, я прав, товарищ генерал Иванов?

Так и я спрашиваю Вас, товарищ генерал Ирина, прав был Сталин, говоря столь высокопарно о чувстве юмора?!

Андрей сидел с Нури Викторовичем в уютной гостиной его дома в Гагре, за рюмкой чачи, с повлажневшими глазами, вспоминая былое. Так сложилось, что они не виделись много лет. И сейчас, рассуждая о событиях и персоналиях лихой своей сухумской юности, позволяли себе разбавлять радость встречи легкой грустью и ностальгией.

— А помнишь, как мы разыграли Анзора Г.? Слава Богу, он жив-здоров!

— Знаешь, а Рудик К., хохмач и жизнелюб, умер недавно в Челябинске.

— Многое изменилось за последние десятилетия, но давай не будем о грустном. Помянем ушедших и воскресим в нашей общей памяти что-нибудь смешное, доброе!

Так и поступили.

Очередной персонаж экскурсии в прошлое носил необычное имя – Цезарь. И звучную, очень древнюю аристократическую фамилию – Татиани. Когдато, давно, Татиани были владетельными князьями, управляли огромными территориями, отправляли в Европу мёд и ценную древесину, а заодно и отпрывков своих, дабы обучать их в тамошних университетах. Так что предки Цезаря были людьми состоятельными, просвещенными, владеющими, как правило, несколькими европейскими языками.

Но это было давно.

Цезарь тоже владел несколькими языками: мегрельским, грузинским и русским, на котором говорил достаточно свободно, но с сильным акцентом.

И еще Цезарь выучил наизусть несколько наиболее важных и часто употребляемых фраз, а главное, тостов, на абхазском.

На облике и поведении нашего героя, безусловно, сказывалась мощная генетическая “закваска”, присущая даже осколкам аристократических династий.

Легкая, но уверенная походка, умение прямо держать спину, холеные, не знакомые ни с какой работой руки, подкупдающий взгляд карих глаз... Всё это, конечно, производило благоприятное впечатление на окружающих, особенно на женщин. А интеллектуальный его багаж, состоящий из нескольких прочитанных в детстве книжек, природной живости ума и прирожденной манерности, вполне мог сойти за образованность. К тому же Цезарь обладал неплохим чувством юмора.

Был у Цезаря роскошный двубортный костюм-тройка цвета маренго. Ткань для костюма и подкладки, а также “фирменные” пуговицы привезли друзья из города Зугдиди, где в те годы можно было достать кое-какие импортные товары.

И те же друзья, в складчину, оплатили пошив у лучшего закройщика в городе, иммигранта из Марселя, Андроника, трудившегося в престижном ателье “Интуриста”.

По самым модным французским лекалам. В этом костюме Цезарь смотрелся еще и состоятельным человеком.

Когда Цезаря знакомили с новыми для него людьми, вел он себя, как правило, доброжелательно, элегантно целовал дамам руки, к мужчинам же обращался не иначе, как – Сударь. Сам представлялся скромно, как бы немного стесняясь:

– Цезари я, от княжеских рода Татиани, – произнося имя свое именно так, с буквой “И” на конце, в грузинской транскрипции. Часто добавляя: – От тот самих Татиани.

Вопросы о роде занятий владетельного князя Цезарь не любил. И отвечал обычно уклончиво. То он оказывался тренером сборной СССР по альпинизму, то уполномоченным комиссаром ЦК Компартии в Грузинском морском пароходстве. В отпуске, в данный момент. А иногда, напустив на себя важный, загадочный вид, намекал, что он “боец тихого фронта”, на лечении, по причине серьезного ранения при выполнении особо секретного правительенного задания.

На самом деле Цезарь Татиани был, применяя юридический термин советского периода, злостным тунеядцем (то есть человеком никогда и нигде не работавшим), и профессиональным “шарапистом”.

Как-то я невольно подслушал разговор местного жителя и гостя республики. На вопрос, что такое – шарапист,aborиген ответил просто – выпивоха. Вмешиваться в разговор незнакомых людей я посчитал бес tactностью, и промолчал. Но ответ моего земляка был неверен.

Этот термин, я думаю, нуждается в более подробном рассмотрении и в более четком определении.

Кто такой – “выпивоха”? Можно сказать – человек, всегда готовый выпить, в любой компании, по поводу и без повода, но желательно не в одиночестве. Часто выпивающий, но могущий обойтись без выпивки. То есть испытывающий влечение, тягу к спиртному, но в отличие от алкоголика, не болезненную.

А что такое – “шарапист”? Это, безусловно, явление!

Конечно, шарапист – тоже поклонник Бахуса. Но его интересы лежат совсем в другой, гораздо более высокой, даже интеллектуальной, можно сказать, плоскости человеческого бытия. Ибо он еще и ценитель, своего рода социальный эксперт застолья. Он – эпикуреец, прекрасно разбирающийся в вине и знающий толк в гастрономических изысках. Ему явно не безразлична компания за столом, ибо высшее наслаждение и сокровенный смысл застолья для шараписта – это искусство винопития, в самой возвышенной его форме. Это знание традиций, умение произносить (и выслушивать) витиеватые, порой и замысловатые тосты.

И, конечно, уклад жизни в нашем маленьком, уютном южном городе, помноженный на древние традиции гостеприимства и хлебосольства, был исключительно благодатен для таких “специалистов”, как Цезарь Татиани.

Стоило только нашему герою появиться в зоне визуальной доступности любого питейного заведения, коих множество имелось в разных частях города, как

тут же высыпались гонцы от той или иной компании. С убедительной просьбой к Цезарю уважить земляков и принять участие в застолье.

Так что все в городе знали; если кому-то срочно понадобился Цезарь, искать его надо в одной из “точек” городского общепита. Ну, или в домах, где спрашивали свадьбы, отмечали дни рождения или сороковины. Или на чьих-то поминках. Там, где нельзя было обойтись без велеречивого тамады, большому, к тому же знатоку традиций и церемониалов.

В общем, был Цезарь Татиани личностью известной, знаковой, можно сказать, и востребованной. И ничего не нарушало привычного, порой эмоционально насыщенного, но в целом спокойного ритма его жизни.

Но, как гласит народная мудрость: “Ничто не вечно под луной”!

На городском стадионе, во время футбольного матча, к Цезарю подсел дальний родственник, инструктор отдела административных органов обкома партии.

– Цезарь, дорогой, ты знаешь, как все тебя любят и ценят! Но, к сожалению, на нас очень давят из Москвы и Тбилиси. Проводится очередная кампания по искоренению тунеядства. Извини, но весь город знает, что ты за всю свою жизнь, даже в родительском доме, не вбил ни одного гвоздя в стену. Это, если об разно выражаться. Короче говоря, ни я, никто из нашей родни или друзей, не в состоянии больше тебя прикрывать. Завтра подойдешь к директору театра,

он тебя оформит на должность звукорежиссера. Договоренность есть. Работа – “не пыльная”, и согласись, звучит тоже солидно.

И понял Цезарь, что – ВСЁ! Баста. Ничего с этим уже не поделаешь.

И пошел Цезарь к директору театра.

И приняли Цезаря на ответственную, звучную должность – звукорежиссер.

И назначили Цезарю не самую худшую для советского трудящегося зарплату – восемьдесят шесть рублей ноль, ноль копеек, из которых на руки, после вычета налогов, новоиспеченный звукорежиссер должен был получать шестьдесят шесть рублей двадцать три копейки. В те давние времена на эти деньги компания из шести-восьми человек могла славно покутить в любом из местных ресторанов.

Так что вполне естественно, забегая вперед, что первую зарплату Цезарь с друзьями прокутил.

Работа действительно оказалось “не пыльной”. График посещения был щадящим, никто не требовал постоянного нахождения на службе. В подчинении у звукорежиссера был техник-связист Гена, глуховатый, всегда в легком подпитии, но исполнительный пенсионер, отставной боцман Черноморского флота. И два громоздких магнитофона МАГ-8 с набором катушек, на которых была записана музыка к спектаклям.

В репертуаре театра было несколько давно поставленных, хорошо известных горожанам спектаклей. Так что давали их редко и без аншлагов.

Известие, что придется возить спектакли в сельские Дома культуры, вначале испортило Цезарю настроение. Перспектива поездок в старом, пыхтящем и скрипящем автобусе по разбитым дорогам, радости не прибавляло. Но потом выяснилось, что сельские дороги, в целом, не такие уж и плохие. К тому же, и это оказалось для Цезаря приятным сюрпризом, любой уважающий себя сельский руководитель, а их было подавляющее большинство, считал для себя честьюказать столичным артистам радушный и достойный прием. А значит, после каждого спектакля “на выезде” труппу ждало застолье, в соответствии с лучшими традициями сельского гостеприимства.

И каждый новый такой банкет давал неограниченные возможности Цезарю проявить недюжинный свой талант опытного шараписта.

Вскоре разнесло сарафанное радио по республике, по всем ее пределам, новость. Что якобы по специальному распоряжению областного комитета партии и Министерства культуры, Государственный драматический театр пригласил в штат специалиста по изучению традиций застолья. И что уникальный этот специалист выезжает с труппой театра в сельскую местность и проводит своего рода мастер-классы правильного традиционного винопития, виночерпия и тамадовства.

И проснулся Цезарь, в одно прекрасное утро, знаменитым! Уже на территории всей республики, а не только столичного града.

А в республике появилась новая, специфическая

разновидность социалистического соревнования. Заключалась она, в отличие от привычных, официальных, не в росте “показателей”, не в процентах увеличения урожайности сельхозкультур, или дополнительно изготовленных, скажем, прокладок для газовых баллонов. Нет! Смысл состоял в оперативном заманивании в сельскую местность, в тот или иной Дом культуры, труппы драмтеатра, а вернее, прикрепленного к театру уникального специалиста.

Необходимо было поразить того уровнем и качеством банкета, в надежде, что он, специалист, особо отметит в своем будущем докладе достижения местного населения и, естественно, руководства. В лице председателя сельсовета, директора совхоза или правления колхоза. Особо выделив секретаря партийной ячейки. Ибо, как бы там не было, партия всегда – наш рулевой! Во всех, во всех начинаниях!

И закрутилось колесо! Пришел в действие сложный соревновательный механизм, насыщенный изобретательством его организаторов и участников. Процесс, включавший в себя элементы комедии, детектива и триллера одновременно.

Конкурс, где призом был “специалист” Цезарь Татиани и полусекретные, загадочные его полномочия, сулившие, возможно, славу, признание и карьерный рост кому-то из сельского руководства. Ведь пределом мечтаний для каждого из них было попасть в городскую номенклатуру, получить кабинет, портфель и персональное легковое авто. Желательно строгого черного цвета со сверкающими хромированными

деталями экстерьера. В отличие от ржавых, рассыпающихся на ходу старых “Козликов”, имеющихся в некоторых совхозах и колхозах.

Итак, наступил “звездный час” нашего героя. И не было предела фантазии сельских руководителей, придумывающих поводы для очередного приглашения выездной театральной труппы. То знакомили народ со славной революционной историей края, через соответствующие спектакли. То боролись с религиозными предрассудками отдельных несознательных сельских жителей. Опять же с помощью театрального искусства.

И всерьез утверждали, что марксистко-ленинская идеология, распространяясь через культуру на селе, действует и на природу, вызывая увеличение урожайности. Неважно, кукурузы, чайного листа или табака. А уж как благотворно действует высокий уровень культуры на виноградную лозу!

Столы ломились от изобилия, вино лилось рекой и всегда главной фигурой, звездой застолий был несравненный Цезарь.

Порой артистов не отпускали из того или иного села по нескольку дней. И провожали принадлежащий театру старый автобус в соответствии с традициями, с песнями и подносами с бокалами вина и закуской. Предварительно затарив заднюю часть салона пакетами и сумками с провизией. На дорожку, так сказать.

Не зная как задобрить лично Цезаря, некоторые, особо “шустрые” сельские чиновники пытались неза-

метно вложить в карманы своего кумира конверты с дензнаками. Но у Татиани были свои понятия о чести. И надо отдать нашему герою должное, конверты с деньгами всегда отводились решительной его рукой.

Шло время, урожайность не увеличивалась, наоборот, виноградные плантации поразил завезенный вредитель, нанеся им внушительный урон. Да и предрассудки никуда не исчезли.

Но самое главное, никто не спешил повышать в должности председателей колхозов и сельских партийных секретарей, никто не вызывал их в город, так сказать “на ковер”, предлагая высокие заманчивые посты.

И достаточно скоро, определенная часть населения республики потеряла интерес к личности Цезаря Татиани, да и к театральному искусству в целом.

Но свернуть полностью программу повышения идейного и культурного уровня населения никто не мог, посему театр продолжал разъезжать с гастролями по республике. Правда, не так часто, как раньше. Да и уровень внимания к труппе в селах стал, если говорить мягко, несколько иным. Конечно, голодными артистов никто не оставлял, но “встречающая сторона”, как правило, теперь отдельывалась очень уж скромными обедами или ужинами.

Это угнетало Цезаря, ибо не находила выхода бурлящая внутри него мощная и креативная энергия застольного общения. Ставшая привычной и обязательной, важной частью его жизни.

И наш герой начал “киснуть”. Стали посещать его

странные мысли о смысле жизни, о земном предназначении конкретных человеческих сущностей, о загадочных передвижениях по ночному небу далеких звезд и прочих метеоритов.

Все реже и реже облачался Цезарь в свой роскошный костюм-твойку цвета маренго. А порой, о, ужас, наблюдали горожане нашего героя небритым.

И выражать свои мысли он стал по иному, облачая их в форму неких философских тезисов. К примеру, однажды многозначительно заявил: – “Человечески жизнь, это как будто едешь на один поезд, но всё время на разний вагоне. На плацкарте, на жестоком или на мягкий купе”!

Однажды, после выездного спектакля, когда члены труппы, в ожидании скромного ужина, собирали нехитрый свой реквизит, в дверь служебной комнаты постучали.

– Судьба пришел! – Многозначительно произнес Цезарь. – Захади.

В комнату вошел, вернее с трудом протиснулся в узкую дверь, огромный дядька в военной гимнастерке, на которую было натянуто модное импортное лайковое пальто, в сапогах и шапочке-сванке.

– Татиани хачу, – сочным баритоном изрек гость.

Выяснив, кто же именно в этой комнате Татиани, с широкой улыбкой заключил того в объятия, оторвав в порыве радости от земли и продолжая тискать.

– Цезари, чким джима! Ма холё Татиани ворек! (Цезарь, мой брат! Я тоже Татиани)! – Восторженно повторял незнакомец по-мегрельски.

— Короче, ребиата, сейчас садимся на вашу автобусе и едем ко мне домой. Нас ждут!

У родственника в соседнем селе оказался прекрасный двухэтажный дом внушительных габаритов, ухоженный огромный двор с летней кухней-апацкой и массой хозяйственных построек.

В “зале” первого этажа был накрыт праздничный, по сути, стол, ломившийся от яств. Гостей действительно ждали. Как принято в селах, хозяин пригласил своих соседей, среди которых было много пожилых, убеленных сединами,уважаемых людей.

В глазах Цезаря снова разгорелся былой огонь восторга и предвкушения. У него опять появилось достойная возможность показать высший класс, восстановить свой статус-кво шараписта высочайшей пробы. Тем более, что опытные, знающие традиции, пожилые селяне были для Цезаря самой строгой, но и самой почетной, желанной категорией слушателей и судей.

Хозяин дома церемонно представил гостям уважаемого потомка славного княжеского рода, того же, от которого происходил и сам он, затем Цезаря с почетом усадили во главу стола и настоятельно, крайне уважительно попросили возглавить застолье.

И наш герой в грязь лицом не ударил.

Чувство радостного возбуждения от востребованности и ответственности за столь высокое доверие, стимулировало Цезаря, помогая ему быть на высоте. Изобретательность, велеречивость, виртуозные словесные импровизации на фоне великолепного знания

традиций, прекрасное чувство юмора тамады покорили гостей.

— Что я вам гавориль!!! — Только успевал повторять растроганный хозяин дома.

— Эсть великий наука называется генетика! И кровь наши книажеский голубой никуда не спрячешь!

Застолье затянулось до глубокой ночи. Потом были торжественные проводы соседей, потом дорогих гостей уложили спать.

“Завтрак” естественно перетек в обед. Провожали автобус уже вечером, в полном соответствии с законами гостеприимства, затарив, как это было в добрые старые времена, гостей продуктами и вином.

— Ты — Татиани Цезарь, я — Татиани Ражден! — торжественно напутствовал гостя новый родственник. — А значит, мой дом — твой дом! И для меня твои друзья и коллеги всегда желанные гости, в любое время дня и ночи! Помни об этом всегда! — повторял он по-мегрельски.

Тем временем “звездный час” нашего героя и в городе потихоньку угасал, погружаясь в туман прошлого. Так что вспомнил Цезарь о новом своем хлебосольном родственнике очень скоро. Через неделю.

Две легковушки, пыля, лихо подкатили к дому

Раждена, отчаянно сигналя и пугая хозяйских коров, лениво пощипывающих травку перед воротами.

За хозяином дома, работавшим на винограднике, снарядили гонца.

И снова забегали, засуетились все женщины в доме, а сам хозяин, переодевшись в одежду, соответствующую праздничному событию, пошел обходить соседские дома. Созывая уважаемых людей на застолье.

Цезарь, как всегда, с привычным огоньком в глазах, был душою общества и блестяще “провел” стол. Как и в прошлый раз, дорогих гостей долго не хотели отпускать. Растроганный тамада облобызal всех присутствующих и прослезился, видимо от умиления. И на обратном пути, в автомобиле, не уставал славить небеса, ниспославшие ему таких прекрасных родственников.

Город потихоньку погружался в мягкую комфортную “спячку”, наступавшую обычно с завершением курортного сезона. Разъезжались веселые, шумные, любопытные и доверчивые “курортники”. Повсеместно дозревал виноград, фиолетово-синие и янтарные кисти пригибали гибкую лозу к земле, а в воздухе, над виноградниками плавал густой, терпкий, пьянящий аромат. Скоро, совсем скоро, начнется сбор пахучих этих, волшебных ягод и грядет, повторяющееся уже столетия, каждую осень, таинство рождения молодого вина.

И во всех селах гордые и счастливые крестьяне будут славить, согласно вековым традициям, небесных своих покровителей.

Но это произойдет немного позднее, может через две недели, а может и через три.

Душа же Цезаря металась сейчас, нетерпеливая и от того возмущенная, внутри телесной оболочки потомка княжеского рода, доставляя ему неудобства и дискомфорт. Душе хотелось, образно говоря, петь от счастья, а говоря проще, “тамадить” на хорошем застолье. Цезарь пытался ее, душу, робко утихомирить, успокоить, научить терпению и заставить ждать лучших времен. Но потом понял, речь ведь идет о его душе, и решил, что настаивать и убеждать самое себя, сущность свою – самому же во вред.

И Цезарь сделал вид, что сдался.

И объявил друзьям ближайшим своим, что тоскует он очень по родне своей новой. Особенно, как он сказал, ночами совсем невмоготу.

И снова два автомобиля “припилили” из города к тому же самому сельскому дому.

Хозяин оказался на месте. Глаза его полезли на лоб, узрев веселую (и голодную) компанию, приближающуюся к воротам, во главе которой чинно вышагивал Цезарь с руками, разведенными для объятий. С трудом натянув на лицо подобие улыбки, Ражден достаточно вяло облобызal дорогоего гостя.

На этот раз соседей не созывали, да и стол накрыли не в зале, а в летней кухне-апацхе. И угощенье оказалось гораздо скромнее, чем в прошлые разы.

Прошлогоднее вино Раждена давно было выпито. Посему отрядили сына с запиской к одному из сосе-

дей. Минут через двадцать мальчик принес кувшин теплого и кислого, как уксус, белого вина. На компанию этого было явно мало. Хозяин потер переносицу, покряхтел почему-то и удалился в дом. Вернулся с двумя запыленными бутылками виноградной водки, запечатанными кукурузными початками. Чача оказалась высокой степени очистки, то есть “тянула” градусов на восемьдесят. Видимо в доме ее хранили, как спирт, для медицинских целей. Своим качеством и крепостью она немного “подсластила” впечатление от прокисшего соседского вина.

Но даже и она не смогла разогнать тревожное предчувствие, туман какой-то энергетический, витавший в тот вечер над сельской апацхой. И все, в той или иной степени его почувствовали. Все, кроме Цезаря.

И совсем скоро стало понятно, предчувствие чего стучалось в тот вечер в сердца почти всех гостей.

Тоска же, как оказалось, стала есть Цезаря “пое дом”, причем не только ночами но, что примечательно, и в дневные часы. И почувствовал он острую необходимость припасть к широкой груди своего родственника, брата, по сути, Раждена Татиани.

Ражден чинил калитку, когда из автомобилей высыпала личная гвардия Цезаря, во главе с самим Генералиссимусом Бахусовых войск, отпрыском князей Татиани.

Ослепительная услужливо-восторженная улыбка на аристократически утонченном лице, вкупе с радостно разведенными для объятий руками, гласила:

“Здравствуй брат мой любимый, светлейший князь Ражден Татиани”!

Хозяин дома сначала как будто окаменел, потом у него отвисла челюсть... и вдруг он, резво, слишком резво для столь крупного мужчины, побежал в сторону приехавших людей.

– Не Татиани я и совсем не твой брат! Не брат и не Татиани! Ты слышишь? – истерически орал Ражден по-мегрельски. – Деда ватире, вай мэ, вай мэ (набор междометий) – добавляя по-грузински. И громко, как паровоз, заверещал Ражден на бегу, перейдя уже на русский:

– Что я натворил что я натворил! Пусть моя гроби на зале мой дому поставят. Пачему он взиал эта моя дэньги проклиатий?

Процессия в недоумении остановилась.

– Нам пара (какие деньги)? – моментально отреагировал Цезарь на столь милое сердцу слово.

– Да тот самий, – подбежав, продолжал шуметь Ражден, – каторий я взиатку дал старшина кагда мения из армии атпускали я просил напиши мне памилия Татиани очень мения хател княжески памилия имет. Тебя ведь разница нет. Он правда написал. И дэньги взиал. Ви понимаеш НЕ ТАТИАНИ. Я не твой родственник а совсем другой отцовски памилия имею. Астави мения в покое умалияю.

Тут вообще произошло невообразимое. Огромный дядька, в выцветшей военной гимнастерке, галифе и в узких “азиатских” калошах, вдруг разрыдался. Опустился на колени, разведя, несколько театрально,

в стороны, свои руки. И застыл, как гранитное надгробье. Только из глаз его продолжали предательски вытекать слезинки.

Длительное время будоражила эта история сонный зимний город. В устах же завсегдатаев кофейни “Брехаловка”, обрастила она все новыми и новыми подробностями, становясь все более изощренной и совсем уж фантастической.

Цезарь же какое-то время очень грустил и делал вид, что неприятно вспоминать ему произошедший инцидент. И только очень редко, будучи в хорошем настроении после удавшегося застолья, якобы только по настоятельным просьбам друзей, нарушал молчание. Подняв руку, дождавшись полной тишины, с горечью в голосе вещал:

— Патериал я брату!

Присутствующие картинно вопрошали — Что, кто-то умер?!

— Нет, но можно сказать, что умер человек, которому я считал как брату! Абидел мениа это человек. Мой памилиа присвоиль. Думал я тот день, не удержусь, ударию ему ногой, капитом своим, потом вздержался, он же на колени стаял. А какой княз на колени встанет? Пониал я — не мой эта порода! А еще я капито пожалел, я же апстрийски тупли адетий имею, дарагой обувь! Плюнул я и прастил его.

(Под словом — копыто — произнесенным с акцентом, мягко, Цезарь имел в виду, я думаю, каблук. И конечно, не рассказывал он, какого было получить,

неожиданно, от ворот поворот, и возвратиться в город “не солено хлебавши”).

За окном трижды пропел мудреный автомобильный клаксон. Андрею пора было отбывать в Сухум. Все хорошее и приятное когда-нибудь заканчивается.

Они с Нури обнялись, и хозяин дома пошел провожать гостя к ожидающей машине.

На город к тому времени опустилась ночь. Яркие южные звезды щедро усыпали иссиня-черное небо и висели, казалось, низко-низко.

Когда утром зазвучала привычная мелодия телефона, Андрей мысленно погрозил тому кулаком. Уж очень не хотелось перемещаться из теплой, пропитанной ароматами растений, южной ночи в заснеженную Москву.

Еще не полностью проснувшись, принял из рук Ирины принесенную трубку.

Голос был знаком Андрею. Звонил Евгений Иванович, недавно назначенный главным врачом университетского медцентра. Добродушный, всегда улыбающийся человек. Молодой, но очень опытный и решительный специалист.

– Андрей Денисович! – казалось, телефонная трубка резонирует от звонкого голоса Евгения Ивановича. – Не буду Вас долго мучить. Левиеву пришлось срочно уехать из Москвы. Он попросил меня

взять Вашу историю болезни под свой контроль. Как и он, не вижу оснований для беспокойства. Но чтобы снять сомнения доктора Левиева, часть обследований необходимо пройти заново. И срочно. Мы только что закончили монтаж новейшего томографа, ПЭТ, последнего поколения, так что обследование не займет много времени и будет для Вас не утомительным. Могу я завтра, к девяти утра прислать за Вами автомобиль?

Процесс обследования, действительно, было недолгим, хотя и крайне обширным. Андрей снова сдал кучу необходимых анализов и полежал какое-то время в чреве нового томографа.

Потом Евгений Иванович лично проводил пациента к санитарному автомобилю.

— Полностью результаты будут известны послезавтра утром. Я, с Вашего позволения, позвоню Вам, Андрей Денисович в одиннадцать утра.

И молодой улыбающийся человек в белом халате церемонно и почтительно пожал руку, протянутую академиком.

Рассказывая Ирине о визите в клинику, Андрей обратил внимание, что жена слушала его с явной тревогой.

— Брось, Ириш, — пытаясь улыбаться максимально беспечно, произнес Андрей. — В наше время от пациентов не скрывают диагноза, каким бы он грустным не был. Да и Левиев сказал нам, что симптомы моего, так сказать, недомогания, классически соответствуют симптомам мигрени. Ее разновидности — “мигрени

с аурой". Правда, обычно эта болезнь диагностируется у женщин. Так радуйся, что у тебя столь уникальный супруг! – попытался он закончить свой монолог шуткой.

Но, судя по всему, развеять тревогу жены ему не удалось.

Вечером, уже перед сном, еще раз попробовал разрядить обстановку. Спросил жену с улыбкой:

– Как ты думаешь, Ириш, закончатся ли послезавтра, когда станет известно, что я полностью здоров, мои блуждания по прошлому?

Но Ирина не ответила, ибо крепко спала, устав от груза впечатлений, тревог и надежды. Да и сам Андрей вскоре уснул.

Язык не повернулся бы назвать мотоциклом аппарат, на котором Толик въехал в то апрельское утро во двор нашего дома.

Восстановленный заботливыми Толикиными руками немецкий "Цундап" K800 времен Второй мировой войны, сверкал свежей краской и хромированными деталями великолепного своего экстерьера. Мощнейший двигатель, с карданной передачей, издавал непривычные звуки; какой-то фантастический симбиоз звуков хищного урчания, напоминающего урчание крупного зверя в предвкушении охоты, но негромкого, приглушенного и не лишенного музыкальности.

— То-о-ля! — с восхищением выдохнул я. — Что это за чудо?

Мне было лет пятнадцать, и я был беззаботно (и небезответно) влюблен в технику, которая умела сама передвигаться по земле. За исключением тракторов и бульдозеров, разумеется. Я относительно неплохо водил автомобиль, да и на мотоцикле ездил достаточно уверенно.

Также я был влюблен в кинематограф, джазовую музыку, стихи Артура Рембо и девочку по имени Галя. И еще во взрослую женщину, Лючию Бозе, итальянскую киноактрису.

Но управлять самодвижущимися механизмами было, все-таки, самым большим удовольствием и постоянной потребностью. Безответной же любовью я называю бескомпромиссное и категорическое отрицание моими родителями любых подобных приспособлений. В качестве предметов, необходимых в домашнем хозяйстве.

Когда-то в раннем детстве был безжалостно пущен под топор чужой самодельный самокат, данный мне на время соседским мальчиком. Потом, уже позже, также безжалостно отобран и заперт в сарай велосипед моего дяди Ясона, на котором я умудрился без спроса приехать из родовой деревни моих предков, Адзюбжи, куда был отправлен летом с целью “подтянуть” абхазский язык.

И пока Толик что-то обсуждал с моим старшим братом Хозе, я общался с его “Цундапом”. Я восхищался идеальными пропорциями аппарата, конструк-

цией его несущей рамы, мощными колесами, нежно поглаживал округлые, теплые, блестящие выступающие его части, вдыхая, как магическое благовоние, исходящий от разогретого двигателя легкий аромат бензина и моторного масла. Наслаждался музыкой урчания, то увеличивая обороты, то “сбрасывая” их до минимума.

Ничего подобного раньше я не видел. В “конюшне” Толика имелись почти все марки тогдашних советских мотоциклов. Маломощный, как будто игрушечный “КА-175”, пренебрежительно называемый Макаком, “ИЖ-49”, прекрасная машина среднего класса. И была очевидно, теперь, “звезда” коллекции – мощный “Урал” со снятой коляской.

Моды на “ретро” предметы в нашем маленьком городе не наблюдалось, поэтому мало кто пытался восстанавливать отслужившие свое или сломанные агрегаты. Иногда выезжали на одном из двух своих спортивных “трофейных” авто Стояновы, числились за гаражом Совмина легендарный “Линкольн” Нестора Лакоба и армейский грузовой “Додж”, полученный во время войны из США по Ленд-лизу.

Из мотоциклов иностранного производства по улицам изредка бегали ветхий немецкий “ДКВ” и современный огромный “Харлей-Дэвидсон”, принадлежащий иммигранту, ювелиру Завену.

Толик знал о моей страсти к технике, более того, он иногда баловал меня, разрешая “порулить” одним из своих мотоциклов. Обычно при этом он усаживался на заднее сидение. Что давало ему возможность

контролировать в движении одновременно и дорогу и меня.

Но иногда, будучи в хорошем расположении духа, он, выждав пару секунд, демонстративно отходил в сторону и снисходительно делал мне рукой знак. Знак был несложный. Кисть правой Толикиной руки как бы описывала в воздухе окружность. Но мне этот знак сулил небольшой праздник, ибо означал, что я могу прокатиться один, без “инструктора”, правда, в пределах видимости.

Такой “вольницы” мне не позволялось только в общении с тяжелым “Уралом”.

Что же произошло на этот раз? И почему Толик потерял бдительность? И как решил доверить мне, ОДНОМУ, незнакомую и мощную технику?

Возможно, его умилили мой восторг и та нежность, с которой я отнесся к его детищу. А применить привычную схему контроля было невозможным, ибо на “Цундапе” не было заднего сидения.

Так или иначе, окликнув меня, продолжая разговаривать с Хозе, Толик подчеркнуто небрежно подал мне знак. Рукой. Именно ТОТ знак!

Я не поверил. И Толик, уже удивленно, повторил его.

И это было, как оказалось потом, большой ошибкой!

Понимая, что “Цундап” тяжелее привычного “Урала”, я постарался внешне легким, даже элегантным движением столкнуть мотоцикл с подставки и, не веря в свое счастье, уселся в седло. Седло было большим и очень удобным. Эргономичным, как сказали бы

в наше время. Установленное достаточно высоко, оно обладало собственным амортизатором в виде двух стальных пружин. Справа, на бензобаке, находился удобный рычаг переключения скоростей, с цифровыми обозначениями на колодке. Все механизмы управления были привычны и вопросов не вызывали.

Звук работающего двигателя на малых оборотах был почти не слышен. Ощущалась лишь какая-то странная легкая вибрация, шедший снизу некий поток загадочной энергии, как будто подо мной был не металлический механизм, а живой скакун, нетерпеливо похрапывающий, бьющий копытом в ожидании “отмашки” наездника.

Так или иначе, но я явно заряжался радостной этой энергией. Теперь вопрос дальнейших действий ставился передо мною достаточно просто: а смогу ли я, в принципе, справиться с этим могучим аппаратом?

Но был ли легким и простым ответ? Я очень сомневаюсь.

Правда, небольшой опыт прямого общения с подобным мотоциклом у меня был.

Примерно год назад к зданию городского металлоломбината, где я проходил школьную производственную практику, подъехал известный всему городу мотогонщик Сулико Рухадзе. Заслуженный мастер спорта, неоднократный победитель и призер различных чемпионатов, любимец горожан. Крепкого телосложения, немного грузный, был он удивительно добрым, улыбчивым человеком. Не знаю почему, но друзья, да и весь город, называли его “Картошкой”.

Так вот, то транспортное, с позволения сказать, двухколесное средство, на котором он приехал, вообще не поддавалось никакому описанию. Да, это был мотоцикл, но таких гигантских размеров, по сравнению с которым даже “Харлей” дяди Завена смотрелся болонкой в тени кавказской овчарки. Не знаю до сих пор, был ли этот экземпляр заводским изделием или его собрал какой-то умелец из танковых или самолетных деталей. Объем двигателя монстра составлял 1500 см³, то есть в два раза больше, чем мощный двигатель “Урала”.

Южное бахвальство, так или иначе, сидело в каждом мальчишке. И когда приутихли восторженные “Ахи” и “Охи” высывавших на улицу работников цеха, у меня, можно сказать, непроизвольно вырвалось:

– Дядя Сулико, а можно прокатиться на Вашем мотоцикле?

“Картошка” был человеком тактичным, и, чтобы ненароком меня не обидеть, ответил тоже вопросом:

– А тебе приходилось ездить на спортивном аппарате? – Если нет, учти, здесь очень короткий ход акселератора, то есть ограниченный сектор газа. И сцепление практически без свободного хода.

Мне было понятно, о чем идет речь. Пока я соображал, согласие это либо отказ, Сулико исчез в здании комбината.

Народ же, окружавший чудо техники, обратил на меня вопросительно-восторженные взоры. И я понял, выражаясь современным языком телесериалов, что за “базар” придется ответить.

В качестве полигона, не рискуя выезжать на оживленные улицы, я определил небольшой переулок рядом с нашим зданием.

“Болельщики” услужливо развернули тяжелую машину и поддерживали её, пока я запускал двигатель и усаживался в седло.

Я хорошо запомнил напутствие “Картошки” и проверил рукоятку дросселя, так называемый сектор газа, еще на нейтральной передаче. Да-а, как звучал припев одной озорной песенки – “это вам, товарищ, не Баку”!!!

У рукоятки практически не было свободного хода, всего несколько миллиметров. Двигатель набирал немыслимо высокие обороты в доли секунды.

Я моментально покрылся холодным потом, ибо представил, что произошло бы, попробуй я тронуться с места, не зная этого, как на обычном мотоцикле. И откуда пришлось бы потом выковыривать обломки агрегата и счищать то, что могло остаться от меня. Но отступать было некуда! И я принял соломоново решение. Несколько человек я отправил в конец переулка с просьбой не дать мотоциклу упасть, когда я затормажу и помочь мне развернуться на узкой проезжей части. И когда убедился, что они готовы, включил передачу и, не увеличивая обороты, не дыша, очень медленно отпустил рычаг сцепления.

И громадный этот, металлический трансформер... покорно и мягко тронул с места, уверенно и ровно проехал по переулку и так же мягко и уверено остановился, повинуясь легкому нажатию на педаль ножного тормоза.

Меня встретили, как триумфатора, аплодисментами и заботливо развернули мотоцикл, вместе со мной, в обратном направлении. Вторую порцию аплодисментов и рукопожатие “Картошки” я получил, благополучно вернувшись в исходную точку.

Воспоминания успокоили меня и укрепили чувство уверенности в своих силах.

Стальной “скакун” с радостью принял команду наездника-жокея и тут же откликнулся мелодичным урчанием двигателя. Это напомнило мне звуки саксофона в низкой октаве, когда кудесник-музыкант вплетает в звонкое металлическое звучание томпака глухие, слегка фыркающие колебания бамбуковой трости.

Притормозив у ворот, я убедился, что машин ни справа, ни слева нет, и свернул налево, в сторону Сухумской горы.

С чем можно было сравнить мои ощущения? Не знаю! Возможно, с первым самостоятельным полетом курсанта аэроклуба. В открытой тихоходной машине, летящей на высоте “птичьего полета”. В теплый яркий солнечный день. Да еще когда в наушниках звучит радостная, мажорная мелодия!!!

Мотоцикл, несмотря на габариты и солидный вес, оказался очень послушной машиной, легкой в управлении.

Я и не заметил, как буквально взлетел на подъем. Притормозил и с легкостью, не без шика, развернулся на перекрестке у виллы Алоизи.

Подъехав к дому, остановился у ворот, не въезжая во двор и, увеличив обороты двигателя, как бы уведомил о своем возвращении. Толик так же, как и несколько минут назад, что-то эмоционально обсуждал с моим братом. Им было явно не до меня. И я решился на второй круг.

Тот же кратковременный всплеск эмоций и та же сцена у дома.

И тогда, образно говоря, отказали тормоза. Нет, не у мотоцикла. А у того, кто сидел в седле. У меня.

Видимо, та самая загадочная энергия, исходящая от моего нового стального друга, помноженная на силу собственного восторженного биополя, сыграла со мной злую шутку. Заставила забыть о своих обязанностях, об этике отношений, о чувстве меры, ну и так далее, и в том же духе.

— А прокатить на этом красавце любимую девушку! Что, молодой человек, слабо?

Определив для себя новый маршрут, или, как говорят военные, азимут, я уверенно включил передачу и свернул на перекрестке налево, в сторону моря. Проехав три квартала, свернул налево еще раз и, набирая скорость, шурша шинами по гладкому асфальту, понесся в сторону Синопа. Здесь, в пригороде, в ведомственном доме физико-технического института жила моя “зазноба” по имени Галина. Дом находился на закрытой территории, подъехать к нему было невозможно, встретить же девушку на шоссе — шанс был один, я думаю, из тысячи. И конечно, это был не мой шанс.

Но желание “погарцевать” перед “дамой сердца” на красавце “Цундапе” (чуть не произнес – на белом скакуне), перевешивало все. И логику, и осторожность, и чувство самосохранения.

Постояв некоторое время перед воротами института, поняв, что стоять здесь впустую можно вплоть до следующего утра, я тронулся в сторону города.

Странно, но я не испытывал сожаления, наоборот, чувства радости и восхищения охватывали меня все сильнее и сильнее. Я ощущал мощный прилив сил, мне хотелось смеяться, петь, танцевать, творить чудеса. Или делать глупости. К тому же машина слушалась меня беспрекословно. Мы были с ней и вправду одним целым.

И тут, как говорится, на свою голову, я вспомнил прошлогодний “поход” в цирк Шапито. Меня поразил номер с мотоциклами. Спортсмены-циркачи, гоняя на бешеной скорости по отвесной стене, внутри деревянного цилиндра, оставляли руль машины, взираясь ногами на бензобак. Умудряясь еще и пританцовывать при этом. Зрелище, должен вам заявить – не для слабонервных. И это, как я уже сказал, на отвесной стене, собранной из далеко не идеальных деревянных сегментов.

А тут прекрасное асфальтовое, практически пустое, шоссе и послушный стальной друг, понимающий тебя с полуслова и отзывающийся на любое движение твоих рук или ног.

Короче говоря, меня “понесло”.

Для дополнительной устойчивости машины я увеличил скорость и... медленно убрал руки с руля. Серд-

це заколотилось в верхней части грудины, у основания шеи, то есть не там, где обычно ощущается его биение. Но только на несколько секунд.

Мотоцикл плавно, мягко, а главное, ровно катился по гладкому матовому асфальту. Это открытие меня успокоило и окрылило.

— А влезть на бензобак? Что, я хуже заезжих циркачей?

Но влезть на бензобак у меня не хватило смелости. Тем более что заканчивался ровный участок шоссе. Далее дорога плавно уходило направо, чтобы метров через семьсот довольно круто, уже с левым поворотом, нырнуть под железнодорожную эстакаду.

Но полностью сдаться и отступить я не имел права. А посему встал на подножках в полный рост. Что-то напевал (если это можно назвать пением), перекрикивая бивший в лицо и трепавший кудри, ветер.

Дальше — больше. Я попытался имитировать танец твист, входивший тогда в моду, и активно задвигал той частью тела, что ниже спины.

И все это озорство происходило на движущемся мотоцикле.

Меня переполняло чувство гордости.

— Смог-таки, сукин сын!!! Ехать на мотоцикле, не держась за руль!

Немногие прохожие останавливались, глядя на меня то ли с ужасом, то ли с восторгом, как на сумасшедшего или инопланетянина.

Чтобы вписаться в поворот, мне пришлось коррек-

тировать движение аппарата, слегка потянув правой рукой на себя руль. И снова взаимодействие человека с умной, послушной машиной было на высоте.

Прямо у поворота, перед эстакадой, справа стоял красивый, достаточно большой, по сухумским масштабам, дом. На первом этаже в те годы была аптека. А поскольку цоколь здания был на несколько метров выше уровня дороги, от тротуара к входу в аптеку вела широкая, парадная лестница.

А теперь – внимание!

Как я уже говорил, под эстакаду дорога уходила с достаточно крутым левым поворотом. Скорость мотоцикла была не очень уж высокой, но, чтобы не рисковать, я, не садясь в седло, взялся за руль двумя руками, намереваясь оптимально, правильно и красиво придать мотоциклу нужное направление.

Но не успел! Возможно, выбоина, в которую я попал передним колесом, была единственной в прекрасном полотне всего приморского шоссе. Тем более обидно, клянусь мамой!!!

Руль, а вместе с ним и переднее колесо, резко бросило вправо.

Одновременно я, от неожиданности, крутанул на себя рукоятку дросселя, тем самым увеличив обороты, ну и, соответственно, скорость аппарата.

Почему-то потом, часть из того, что произошло, я видел как бы со стороны, на черно-белой кинопленке, с киношными спецэффектами.

Как кинозритель, я наблюдал на экране за несущимся по шоссе диковинным огромным мотоциклом. Причем его водитель странно размахивал руками и вихлял задом, стоя в полный рост. Перед железно-дорожной эстакадой, мотоцикл, не сворачивая, резко набрав скорость, ударился передним колесом о высокий гранитный бордюр.

Далее действие происходило в режиме “замедленной съемки”.

Заднее колесо медленно, как бы нехотя, оторвалось от земли, и стало перемещаться вверх, поднимая вместе с собой и заднюю часть рамы. Оно еще не достигло точки “зенита”, когда от мотоцикла отделилась фигурка человека, казавшаяся совсем бесплотной и крохотной на фоне огромной стальной машины. И пока тяжелый мотоцикл, не торопясь, заваливался “через себя”, задним колесом вперед, фигурка водителя, в том же замедленном режиме, жестикулируя руками, двигаясь по мудреной, алогичной траектории вверх, перелетела перила ограждения лестницы, прошла, как нож в масло, сквозь двери аптеки и... исчезла внутри.

Здесь “алаверды” воспоминаний опять переходит ко мне.

Не знаю, какие шарниры стояли в дверях аптеки, видимо, хорошо смазанные. Хотя сами двустворчатые двери выглядели внушительными и массивными.

Но открывались они явно легко. Иначе безздыханное мое тело, после такого удара осталось бы снаружи,

впечатанное в двери. Или внизу, под дверьми, как половичок у входа в аптеку.

Пришел я в себя от резкой боли как раз в той точке тела, которую активно использовал, танцуя твист. Еще боль отдавала в левую ногу. В глазах рябило, и я, честно говоря, плохо соображал, где я и что со мной. Вокруг стояла полнейшая тишина.

Боль подстегивала мое возвращение в реальность. Я активно поморгал глазами. Рябь потихоньку рассеивалась и я начал различать предметы.

Картишка, представшая перед глазами, оказалась нерадостной.

Я сидел на полу аптеки, уткнувшись носом в нижнюю часть перегородки, разделявшей торговый зал. Левая нога была согнута в колене и неестественно резко отведена в сторону. Ступня не просматривалась и была, видимо, где-то подо мной.

Я перевел взгляд вправо... Ужас обуял меня!!! Правой ноги у меня не было!!! Сохранилась лишь небольшая кулья, которой я упирался в перегородку. Странно, но я не видел крови.

– Конечно! – острой спицей кольнула в голову мысль. – Сейчас кровь хлынет рекой, потом случится болевой шок!!! И ВСЁ!!! В ноге такое количество крупных сосудов, что меня не спасли бы, будь я сейчас хоть на операционном столе.

– Наркоманы, бандиты, сволочи!!! Уже днем стали аптеки грабить!!! Кто за ремонт платить будет?

Визгливый женский голос звучал откуда-то свы-

сока. Я поднял голову. Сверху, казалось, от самого потолка, надо мной нависало огромное тело в белом халате.

– Я умираю, помогите мне!!! – прошептал я.

– Конечно!!! Не помню я, чтобы такие гады умирали своей смертью! Морф вам нужен, морф!

Мысли путались в моей голове. Может, тетка-привизор хочет облегчить мои страдания!

– Хорошо, согласен, – зашептал я – сделайте мне морфий.

– Ах, ему еще и сделать нужно! Ну, наглец! Сейчас милицию вызову.

– Скорую, Вы хотите сказать?

– А я знаю, скоро они приедут или нескоро?

У меня вдруг заныло правое колено. Но как же? Его ведь НЕТ! Ну да, подумалось мне. Это так называемые фантомные боли, когда конечность отсутствует, но вроде как болит. Читал я об этом.

Но левая нога болела сильнее. И, чтобы освободить ступню, я собрал оставшиеся силы, приподнялся, опираясь на руки, и резко оттолкнулся от перегородки. У меня получилось. Ступню я вызволил.

С правой же ногой творилось нечто странное. Кровь так и не появилась, а культи как будто увеличилась в размере, стала длиннее. Не понимая смысла происходящего, я снова собрался с силами и, помогая себе левой ногой, отъехал по плиточному полу от стенки, уже на приличное расстояние.

Длина культи теперь почти соответствовала длине среднестатистической ноги юноши моего роста. В фанерной же перегородке, обшитой, для кра-

соты, искусственной кожей, в нижней ее части, зиял небольшой пролом.

Мне не составило труда, без особых усилий, вытащить из него ногу. Полностью, со ступней, в испачканной, но не рваной брючине и в целом ботинке.

Так вот оно что!!! Гибель моя трагическая отменилась, ибо все части тела, как оказалось, были при мне. Просто я, как барон Мюнхгаузен, правда без пушечного ядра, влетел в аптеку, пробил правой ногой хлипкую перегородку и... И ВСЁ!!! ВСЁ!!! ВСЁ!!!

Болит “пятая точка”? Так какие наши годы! До свадьбы тыщ-щу раз заживет!

Внутри меня как будто расправилась туга скрученная пружина. Неведомая сила оторвала от пола, поставила на ноги, выпрямила спину.

У провизорши отвисла челюсть, когда я неожиданно, повинуясь внезапному порыву, обнял и облобызал ее.

– Тетя! – орал я внезапно прорезавшимся басом. – Не хочу! Ни морф не хочу, ни кодеин, ни кефир! И на счет ремонта не беспокойся, будет тебе ремонт!

Оставив женщину в полушоковом состоянии, конечно с меньшей скоростью, но довольно прытко вылетел из аптеки. Лестницу я преодолел в два длинных прыжка.

Мой стальной друг сиротливо лежал на тротуаре, завалившись на бок. Его, удивленно и восхищенно осматривали трое или четверо мальчишек лет десяти, со школьными портфелями в руках. С их помощью я поднял мотоцикл и осмотрел его. Удивитель-

но, но сразу я не обнаружил видимых следов аварии. Присмотревшись внимательно, увидел слегка поцарапанную хромированную поверхность ребристой части двигателя. С одной стороны, с той, на которую аппарат и приземлился.

Двигатель запустился сразу, мы с мальчишками скатили аппарат на проезжую часть шоссе и я снова оседлал своего коня.

И в движении я не замечал ничего настораживающего. “Скакун” был так же послушен и покорен, как ранее. На всякий случай, ехал я достаточно медленно.

Сзади вдруг послышался сигнал. Какое-то странное “пипканье”. Слабое, но настойчивое. Меня обгонял, восседая на мотоцикле с коляской, один из немногих инспекторов местного ГАИ. Все называли его – Серый. Так и не знаю до сих пор, была ли это его фамилия, прозвище или уменьшительное от имени Сергей.

Инспектор властным жестом требовал остановиться.

Ага! Щас-с! Остановиться на мотоцикле без номеров, да еще и значительно мощнее милицейского “Урала”, к тому ограниченного в маневренности коляской.

Конечно, я мог просто прибавить скорость... и ищи-свищи шального “Летучего Голландца”. Но мне представился шанс снять последствия недавнего стресса, получить небольшую, хотя бы, компенсацию за физические и прочие страдания.

И я этим шансом воспользовался!

Используя все свои театрально-мимические способности пародировать некоторых героев киноэкрана, я снова встал во весь рост и снял руки с руля.

Не торопясь, как мне казалось, с большим чувством и убедительностью, я изобразил, “исполнил” движение, характерный жест, пришедший к нам из итальянского кино. Положив расправлennую ладонь левой руки на правое предплечье, сжал правый кулак, немного согнул правую же руку в локте и многозначительно потряс ею в сторону милиционера! Я думаю, в этот момент и мимика на моем лице была соответствующая. И жест и мимика означали, как и композиция нот ДО-РЕ-МИ-ДО-РЕ-ДО у музыкантов, только одно: “А не шел бы ты на ...”.

Лицо инспектора Серого действительно стал серым, от неожиданности и злости.

Ну что же, “пар” я выпустил, моральное удовлетворение получил. Можно было, со спокойной душой, резко увеличить обороты двигателя. Что я и сделал.

И пока инспектор ГАИ разбирался со своим шоком, “Цундап” птицей пронесся по улице, перелетел по Красному Мосту через речку Беслетку и легко, не сбавляя скорости, одолел подъем улицы Кирова...

Толик даже не заметил моего отсутствия. Рассказать о происшествии сразу у меня не хватило духу. Правда, я показал содранный хром, сказав, что просто не удержал мотоцикл, пытаясь поставить его на подножку.

– Ерунда, не переживай, – сказал Толик. – Машина и впрямь тяжелая. А потом, ты же видишь, у нее

не полный комплект “оперения”. Будут еще и крылья, и заднее сидение. И краски всего-то три слоя, грунтовка, по сути. А ребра я отхромирую заново.

И действительно, через пару недель Толик привезал совсем на другой машине. Внешне. Мотоцикл был крашен в веселый светло-серый цвет, над колесами сверкали хромом элегантные крылья. Над задним крылом красовался государственный номерной знак. Вряд ли “обиженный” инспектор ГАИ мог бы теперь узнать “Цундап” в его нынешнем виде.

Мне вдруг показалось, что стальной “скакун”, ставший мне родным, озорно подмигивает мне бликующим от солнечного луча стеклом фары.

И еще один маленький грех лежит на мне с того времени.

Я ведь обещал провизорше, что решу вопрос с ремонтом. Но в аптеке так и не появился. Правда, я очень надеюсь, что аптечное начальство не поставило последствия моего фантастического “прилета” в аптеку, в вину тетке-проводнику. И ремонтировали перегородку не за ее счет.

И кто знает, возможно, всю оставшуюся жизнь она рассказывала о своем маленьком приключении с юмором и восторгом, каждый раз облачая его во все новые “одежды” женской фантазии.

Андрей открыл глаза и улыбнулся. На этот раз ему пришлось побывать в чужой “шкуре”. История была

знакомой. Он ее очень хорошо помнил, с малейшими нюансами. Рассказывал ее когда-то родственник и школьный друг, прекрасный рассказчик – Володя Делба.

Андрей не предполагал, что ему придется так реально и остро пережить то, что когда-то случилось не с ним. И он был глубоко благодарен своему другу за яркий, образный рассказ и, конечно, небесному Режиссеру за возможность личного участия в столь экстремальном сюжете.

Сейчас же, продолжая улыбаться, он снова прикрыл глаза и воочию представил Володю, сидящим рядом с кроватью. И, наверное, нет никакой мистики в том, что в ушах его зазвучал спокойный, слегка озорной, негромкий голос школьного друга.

Время быстро текло. Вот и пролетели два дня. Два дня ожиданий, тревог и надежд.

Андрей пытался относиться к сложившейся ситуации философски. Внутренне он подготовил себя к любым известиям и был совершенно спокоен. Чего нельзя было сказать об Ирине.

Сидя в кресле, со свежей газетой в руках, он незаметно поглядывал поверх очков на жену. Ожидание тяготило ее и, чтобы отвлечься от назойливых мыслей, Ирина пыталась, чисто по-женски, поставить себя вне процесса слежения за табло электронных стенных часов, придумывая различные хозяйственные заботы.

То она пыталась приводить в порядок ногти на руках, и так находившиеся в идеальном состоянии,

то бралась вязать шарф из найденных в дальнем ящике секретера древних, пролежавших вечность, мотков шерсти.

Так или иначе, но время шло.

Десять сорок, десять пятьдесят пять, одиннадцать...

С каждой минутой Ирине было все трудней скрывать волнение.

Телефон зазвонил в одиннадцать часов семь минут. Ирина, не в силах протянуть к аппарату руку, перевела взгляд широко раскрытых глаз со столика, где стоял телефон, на мужа, как бы моля того о помощи и поддержке.

Андрей улыбнулся и снял трубку...

Часть Вторая

РЕДУТА, 68

То раннее утро было сродни какому-то удивительному, невиданному доселе празднику.

Как будто сама весна, с девичьей игривостью и озорством, в сверкающем венке, сплетенном из цветов и солнечного света, ворвалась майским утром в Прагу, опередив поезд, в котором ехал Андрей.

Еще пыталось прятаться Светило за диковинными сказочными башенками и шпилями домов, будто сошедших с иллюстраций к старинным сказкам, но щедро отражались теплые его лучи сотнями солнечных зайчиков в окнах и в сверкающих зеркальных витринах.

Праздничным калейдоскопом высвечивались разноцветные флаги на фасадах домов и над узкими, мощенными брусчаткой улочками. Ненароком, как бы случайно, касались солнечные лучи ярких, лаковых кузовов старинных автомобилей, похожих на игрушечные. Несметное множество их сновало по такому же, почти игрушечному городу, нереально красивому, подчеркивая нереальность эту экзотическими звуками антикварных своих клаксонов.

Воздух в тени зданий, куда солнце еще не успело добраться, был прохладен и непривычно для большого города свеж.

В крохотных закусочных и барах седые усатые бармены, помнящие еще Пятую, буржуазную Республику, не спеша разливали в высокие стеклянные бокалы пенное чешское пиво. И здесь озорные лучики

как будто пытались, пробегая спешным своим шагом по сверкающему богемскому стеклу, выбить из него, как из волшебного хрустального музыкального инструмента, нотки бравурного утреннего марша.

Мужчины терпеливо дожидались, пока пена осядет, и пиво доливают сверху. Затем чинно, с удовольствием, осушали свои бокалы. И расходились, раскланиваясь и поглядывая на часы.

И все повторялось снова, уже с новыми клиентами.

Наблюдать за этим таинством, в необычном городе, в половине седьмого утра – зрелище завораживающее. И видимо, солнечные лучи все-таки договорились с тем самым хрустальным вибрафоном, ибо, несмотря на привычную, казалось бы, какофонию звуков живого подвижного города, в свежем утреннем его воздухе витала неясная, но явно мажорная мелодия. Что-то напоминающее по настроению «Оду к Радости» Бетховена!

Прага давно уже пробудилась, улицы заполнились спешащей, радостно-шумной публикой.

– Добрэ рано! Ахой! Доброе утро, привет!

Вокруг нарядные, доброжелательные, улыбающиеся люди. Много студентов с чертежными тубусами. Приветствия, радостные возгласы, трели клаксонов, звонки трамваев.

Набережные Влтавы. Спокойная вода, в которой отражается синее безоблачное весеннее небо, неспешно держит свой путь, уважительно омывая основания монументальных “быков”, несущих на себе старинные

пражские мосты, беззвучно ударяясь мелкой волной о потемневший от времени камень.

Майское раннее утро в Праге. 1968 год.

Идиллию неожиданно нарушает рев авиационного двигателя. Где-то там, высоко в небе, над пражским Градом, появляется маленькая точка. Точка быстро увеличивается и превращается на глазах в огромный, надсадно ревущий, пассажирский лайнер. Еще несколько секунд, и, чуть не задев скульптуры, украшающие Карлов мост, огромная белая птица врезается в поверхность воды.

Удар такой силы мог бы разрушить центр города, а взрыв топливных баков...

Даже страшно представить себе картину возможной трагедии!!!

Но взрыва не последовало, не было и удара.

Влтава так же спокойно, как и несколько минут назад, несла свои воды. Все было почти по-старому. Только из реки аккуратно торчал, сверкая белой краской, совершенно неповрежденный хвост самолета «ТУ-134». И очевидно под водой продолжал работать один из двигателей “летадла”, как произносится слово “самолет” по-чешски, ибо отчетливо был слышен жужжащий, негромкий, как бы приглушенный звук.

Звук начинал раздражать, ибо не прекращался, заполняя собой всё пространство вокруг.

Именно он и вернул Андрея в реальность.

Ирины в комнате не было. На кухне недовольно ворчал, разговаривая с самим собой, оставленный на плите чайник. Так вот откуда этот звук, разбудивший Андрея. Именно чайник с испорченным свистком издавал это противное жужжанье.

Хлопнула входная дверь, а через мгновение замолк снятый с конфорки чайник. Видимо, Ирина выходила выносить мусор. А он и не слышал, когда она вернулась от внука.

В майской, расцвеченной весной Праге, некоторое время назад ему было намного комфортнее, чем сейчас, в Москве, поздней осенью

И даже авиакатастрофа не портила настроения, ибо ее, этой катастрофы на самом деле не было. Это в памяти почему-то всплыл странный рекламный плакат чехословацких авиалиний, висевший в холле гостиницы «Юниор», на Житной улице, в центре Праги, куда поселили группу Андрея. Плакат призывал летать самолетами именно этой авиакомпании. Фотомонтаж изображал как раз тот самый хвост самолета, торчащий из Влтавы на фоне Карлова моста. Видимо дизайнер, придумавший плакат, обладал особым чувством юмора. А может это был тонкий намек? Из воды ведь торчал хвост советского самолета.

Андрей снова закрыл глаза.

Теперь, бодрствуя с опущенными веками, он просто вспоминал.

Как сразу после заседания комсомольского бюро ему объявили, что он едет в Чехословакию в составе молодежной делегации.

Как на радостях позвонил другу Диме, у которого в Праге жила старшая сестра.

— Вряд ли ты поедешь, — огорошил тот. — Там какие-то непонятные события.

Но поездка состоялась.

Андрей вспоминал радостное возбуждение в ожидании отъезда, страх, что некто, со стороны, в последний момент вмешается и поездку отменят. Помнил в деталях холодный мрачный перрон Киевского вокзала, продуваемый, несмотря на весну, ледяным ветром. Теплый пар из-под колес спальных вагонов, ма-ниящий свет задернутых шторками окон уютных купе.

То самое радостное возбуждение не оставляло его, пока поезд шел по территории СССР. Легкую тревогу Андрей почему-то испытал на границе, впервые в жизни проходя паспортный и таможенный контроль. И когда чехословацкий состав, в который в Чопе пересадили пассажиров, миновал сторожевые вышки с советским пограничником и солдатом в незнакомой форме и стал набирать ход, Андрей понял, что он уже ЗА ГРАНИЦЕЙ СССР, и что у возможностей организма есть предел. И тут же уснул, не обращая внимания на шум в «сидячем» купе, на неудобные сидения, даже не притронувшись к пакету с “сухим пайком”, розданным чехословацким гидом.

Сейчас Андрей думал о Праге с нежностью. Прага и в жизни была исключением, занимающим особую нишу в его сознании и сердце, и без сомнения, самым

любимым городом на свете! (Конечно, после родного и несравненного ни с чем Сухумчика, как ласково называли столицу Абхазии его жители.)

И Андрей очень хотел бы вернуться туда, в свою молодость, в тот удивительный город, где довелось испытать незабываемые, ни с чем несравнимые эмоции. И снова окунуться в свежий, благодатный, незнакомый ранее, завораживающий, радостный поток Энергии Свободы! В ПРАЖСКУЮ ВЕСНУ 1968-го года!!!

Погружение продолжилось. Его нельзя было останавливать, ни в коем случае!

Итак, ароматное, пахнущее хмелем, в сверкающих бокалах, чешское пиво было реальностью. Несмотря на столь ранний час.

Но реальностью, к сожалению, недоступной. Пока. Ибо не было местных денег. Чехословацких крон. Ни у кого в группе. Еще предстояло дождаться открытия банков, обменять чеки и получить положенные семьдесят рублей, сданные еще в Москве, в кроновом эквиваленте. В банке, как выяснилось потом, всех ждал приятный сюрприз. Вернее не всех, а только тех, у кого были с собой советские десятирублевые купюры. Разрешался прямой обмен еще трех таких бумажек, то есть тридцати рублей. Но поскольку никто не предупреждал об этом заранее... Увы, счастливцев оказалось не так много.

В чемодане Андрея ждал своего часа пакет, переданный другом Димой для старшей сестры. В пакете были грампластинки, книги и, кажется, кофе в зернах.

Андрея это удивило. Дима пояснил что, конечно же, кофе в Праге есть, но там он очень дорогой.

Андрей продумывал, как же “подкатиться” к руководителю делегации, дабы испросить разрешение на передачу пакета. По рассказам знакомых, за границей не разрешалось ходить в одиночку, значит, придется просить кого-нибудь из группы составить компанию.

Отец Димы был известным в СССР человеком, публицистом, издателем, пришедшим в журналистику из ЦК КПСС. Его фамилия могла бы стать козырем в разговоре с руководителем, надеялся Андрей.

Найдя момент, начал разговор, но издалека, опять же с личности родителя Димы.

– Что тебе надо, конкретно? – перебил старший группы. – Наша программа расписана до ужина. После семи вечера делайте, что хотите. Каждый свободен, как ветер. Только ведите себя соответственно. И пожалуйста, к завтраку чтобы быть, как штык, на месте.

Сначала Андрей не поверил сказанному, заподозрив подвох.

Выждав немного и убедившись, что изменений решения вроде бы не предвидится, попросил у администратора гостиницы разрешения позвонить по городскому телефону.

Мужской голос на том конце провода ответил по-русски, с легким акцентом. Сказал, что знает о пакете, спросил Андрея, удобно ли тому встретиться вечером, где-нибудь в центре Праги, что зовут его Владя и что он муж Лены, сестры Дмитрия.

— Что Вам нравится больше, пиво или джаз? — Неожиданный вопрос ввел Андрея в замешательство. Он тут же вспомнил популярный анекдот про священника, которого спросили примерно также о выпивке. И не мудрствуя лукаво, выпалил, а нельзя ли совместить одно удовольствие с другим. Сказал и почувствовал кожей, что краснеет от собственной бес tactности. Хотя попробуйте-ка, не раздумывая, ответить на подобный вопрос.

Владя засмеялся, обещал подумать. И назначил встречу у Национального театра, на улице Народной. И совсем, как в шпионском фильме, добавил:

— Буду в светлом плаще, с газетой «Летр Франсез» в руке. Вас я узнаю сам.

Андрей добавил к гостинцам Димы свой скромный презент, бутылку «Столичной», посмотрев на карту Праги, висящую в холле гостиницы, прикинул расстояние, толкнул стеклянную дверь, и смело шагнул в незнакомый круговорот жизни большого европейского города.

Держа в памяти маршрут и названия улиц с гостиничной карты, пошел налево, по Житной улице в сторону Влтавы, пытаясь справиться с неожиданно участвшимся сердцебиением. По мере удаления от отеля возникнувшее вновь чувство радостного возбуждения возрастало. Ощущение свободы, независимости от чьей-то либо воли или от чьих-то безумных, бредовых инструкций, чувство, которое можно было бы сравнить с первым в жизни парашютиста свободным полетом, пьянило, усиливало то самое чувство возбуждения.

А то, что вокруг Андрея простиралась территория, на которой не действовали привычные законы реальности, а властвовала сказка, не подлежало сомнению. И сам он невольно становился частью этой сказки, действующим лицом, полноправным участником событий. Как это бывает во снах.

Улица, по которой он шел, оказалась уютной и тихой. Старинные фонари освещали мостовую и нижнюю часть домов теплым желтоватым светом. Редкие витрины оживляли этот желтый полумрак яркими вкраплениями цветных неоновых вывесок, создавая особый светомузыкальный ритм. Верхние этажи уходили в темноту и сливались с небом, обозначая себя прямоугольными пятнами светящихся окон.

Здания отличались от привычных московских не только своей архитектурой, но, как казалось Андрею, необычным, приятным запахом, исходившим от них. Запахом старины, очевидно. Запах камня смешивался с ароматами кофе, вкусной еды, экзотических специй, щедро витавшими над выставленными на тротуар столиками маленьких ресторанчиков. И над всем этим живым великолепием, над ресторанами, витринами, фонарями, над крышами жилых домов с мансардами и печными трубами, темными мистическими силуэтами, нависали громады древних дворцов и готических соборов.

Андрей с детства любил кино и неплохо в нем разбирался. Он просмотрел огромное количество лент,

знал многое о знаковых, известных людях мирового кинематографа.

И часто, порой неожиданно, некоторые жизненные ситуации ассоциировались в его сознании с кино.

Вот и сейчас, непонятно почему, он вспомнил фильм «Газовый свет», виденный очень, очень давно. Никаких прямых ассоциаций с фильмом у Андрея не было, но что-то, на уровне подсознания, связало детские воспоминания с сегодняшним теплым пражским вечером.

Возможно, то самое состояние восторженной ирреальности, мистическое ощущение сна и одновременной сопричастности тому, что действительно происходило в этот час, в этот день на Житной улице, в центре Златой Праги. Подобные чувства он испытывал, смотря ребенком тот самый фильм. Мучаясь и не зная способа, как стереть, уничтожить тончайшую пленку на экране кинотеатра, мешающую ему войти внутрь и не просто сопереживать героям фильма, но и самому стать полноправным участником проходящих на экране событий.

Помнится, он даже тайком залез за экран, надеясь, таким образом, обманув взрослых, оказаться в “зазеркалье”, за пресловутой пленкой.

Но за экраном не было ничего, кроме грязной стены, по которой перемещались огромные бесформенные тени, и двух черных гигантских ящиков, истогавших из себя оглушающие звуки, напоминающие человеческую речь.

Андрею показалось, что теперь он проник-таки

внутрь экрана и оказался в огромном съемочном павильоне, в сказочном городе, мастерски выстроенном из макетов и декораций и подготовленного для съемок фильма из жизни средневековой Европы. Или, скорее, из жизни Праги начала двадцатого столетия, когда на улицах города уже стояли дома в стиле чешского барокко и ампир, и газовые фонари.

Ретроавтомобили-седаны, кабриолеты и ландо, изготовленные еще до Второй Мировой войны, проезжающие по улице или поставленные на “прикол” у тротуаров, смотрелись хорошо подобранным реквизитом.

Не вписывались в картинку, нарушая торжественность обстановки, шумные и веселые, в своей массе, современно одетые прохожие. Чтобы сохранить хрупкий, иллюзорный образ “киношного” пространства вокруг, Андрей решил для себя – эти люди статисты, не облаченные пока в одежду, соответствующую эпохе и сценарию фильма.

И наслаждался незнакомым языком, мягким и мелодичным. Радовался узнаваемым словам, как бы пришедшим из родного русского, но произносимым с другой интонацией либо с непривычным ударением.

Улица привела Андрея к небольшому парку. Карлова площадь – отметил он про себя. Обогнув, под шелест молодой листвы деревьев, парк, свернул, на этот раз направо. И уверенно зашагал в заданном направлении, все так же наслаждаясь неярким, уютным светом фонарей, неспешным и спокойным ритмом жизни тихой узкой улочки, мощенной булыжни-

ком, сбегающей вниз, к реке, в самом сердце древней столицы.

Улица закончилась внезапно, выведя Андрея на набережную. У него перехватило дыхание. Панorama, открывшаяся взгляду, поражала своей необычной вызывающей красотой. Ничего подобного Андрей никогда не видел, да и представить себе не мог. Как будто кто-то вдруг переместил его из одной реальности в другую, параллельную, о существовании которой он и не подозревал. Конечно, подумал Андрей, ведь убрал же этот кто-то, как в кинозале, ненавистную “пленку” с экрана, и сказочное зазеркалье стало реальностью.

Как сомнамбула, тяжело дыша, с трудом передвигая внезапно ставшие тяжелыми ноги, Андрей дождался зеленого сигнала светофора, перешел на противоположную сторону набережной, непосредственно к реке, и замер, опершись руками о каменные перила ведущей к воде массивной лестницы.

От реки исходила какая-то загадочная, одновременно бодрящая и успокаивающая энергия свежести и прохлады.

В черной блестящей поверхности воды, слегка журчащей лишь в местах искусственно сооруженных перепадов, отражался неяркий свет фонарей. Это зыбкое свечение как будто прорисовывало темные монументальные контуры каменных старинных мостов, перекинутых через Влтаву. Чередование изысканной геометрии тусклого камня с немно-

го озорной, бликующей глянцевой фактурой воды, рождало в сознании звуки какой-то очень знакомой торжественной мелодии. Статичность украшавших мосты и набережные скульптур создавало особый контраст с нарочитой суетой и важным пыхтением допотопных прогулочных корабликов, скользящих, в беспорядочном броуновском движении, по глади воды. И контраст этот только подчеркивал торжественное звучание невидимых музыкальных инструментов.

На другой стороне реки, на холме, угадывался абрис диковинных, плохо различимых, строений. Дворцовые башенки, готические соборы, крепостные стены.

Вспомнив, наконец, о предстоящей встрече, Андрей медленно двинулся по набережной в сторону Национального театра, или «Народни дивадло», как было написано на карте.

На Народной улице, рядом с театром, Андрей обнаружил шумный и веселый людской муравейник. Он, пожалуй, не мог припомнить в Москве, одновременно, такое большое количество улыбающихся людей. Даже в центре, во время официальных праздников, на «демонстрациях трудящихся». Даже с учетом выпиваемого в таких случаях огромного количества спиртного.

Казалось, что над всей ярко освещенной Народной улицей витала мощная энергия свободы и радости ожидания грядущих перемен. Энергия всеобщего праздника. Передаваясь от человека к человеку, эта

энергия заражала своей силой, поднимая настроение, возбуждая желание творить добро, дарить окружающим радость и любовь.

Андрей почти физически ощущал, как живительные невидимые токи входят и в него, делая сопричастным ко всему, что происходило в этот теплый майский вечер в центре столицы Чехословакии.

(Он еще не знал, что годы спустя, на вопрос, как можно назвать ощущение свободы, радости и единения, будет отвечать не думая – Пражская Весна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого.)

– Здравствуйте, Андрей. Я Владимир Йиранек, Владя.

Родственник Димы оказался молодым человеком, лет тридцати, стройным и русоволосым. Одет он был в легкий белый плащ, из-под которого виднелась черная водолазка. В левой руке Владя держал свернутый в трубочку журнал, правую протянул для рукопожатия. Умный, с легкой хитринкой, взгляд и широкая улыбка. Улыбка, которая сразу же располагала к общению на равных, вызывая безусловное доверие к новому знакомому.

– Люблю говорить на русском, благо дома есть условия для постоянной практики. Очень люблю слово ЖЁП-ПА! – предстоящему общению был задан, таким образом, определенный тон. Непосредственности и легкого юмора. Общению – “на ты”.

– Я знаю теперь, как решить поставленный тобой вопрос, Андрей. Поскольку в джаз-клубе, куда мы с тобой отправимся, пива не подают, мы будем пить

его в другом месте. Тут недалеко. В Праге вообще всё недалеко.

Разговаривая с Андреем, Владя умудрялся, не отвлекаясь от разговора, отвечать на приветствия встречных знакомых, коих оказалось огромное множество. Казалось, что собеседник Андрея был знаком со всеми, или почти со всеми, жителями Праги.

Дом в тихом переулке, у которого Владя остановился, был двухэтажным и выглядел довольно скромным для центра Праги. Что бросалось в глаза, так это большие, подсвеченные изнутри, настенные декоративные часы над входом. Дизайн под старину и надпись готическим шрифтом. Андрей попытался прочесть вывеску. Получилось – “черный пивовар”. Надпись же на стене дома гласила – «У Флеку». Владя отворил дверь, пропуская гостя вперед, провел через тускло освещенный холл ресторана и сказал:

– Пиво мы возьмем здесь.

Они с Владей стояли во внутреннем дворике настоящей средневековой постройки. Уютный зыбкий свет старинных светильников подчеркивал древность каменных стен по периметру патио, напоминавших театральные декорации, в которые были “встроены” длинные черные деревянные столы и такие же черные скамьи.

Дворик был забит посетителями. Над столами, вместе с табачным дымом, запахом хмеля и чеснока, висела веселая вавилонская многоголосица, мелодичный коктейль из разных языков. Среди тесно постав-

ленных столов и скамей деловито и четко сновали официанты, ловко неся подносы, сплошь заставленные высокими стеклянными кружками с пивом.

Андрей вдруг с ужасом отметил, что бликующее стекло кружек смотрится как блестящий уголь-антрацит. Пиво было темным!!! Так вот откуда надпись на часах на фасаде здания.

У Андрея немного испортилось настроение. Дело в том, что летом, в курортный сезон, на родине, в Абхазии, иногда продавалось чешское пиво. В том числе «Сенатор» и «Дипломат». Это был портер, темное густое пиво, сваренное по особой технологии. Андрею не нравился его слегка приторный, сладковато-горький привкус. Другое дело – светлые «Праздной» или «Будвар». Эти сорта пива были редкостью в СССР, но очень приятной редкостью. Достать их было праздником.

Андрею не хотелось расстраивать нового знакомого. И он старался не показывать своего огорчения.

Два места нашлись рядом с шумной компанией “восточных” немцев. Соседи оказались веселыми, доброжелательными и любопытными. Услышав русскую речь, восторженно улыбаясь, попытались хором затянуть «Катюшу». Ничего не оставалось, как подпевать, пока не принесут пиво.

Пиво же принесли моментально, официант, оказалавшийся ближе всех, просто поставил, не спрашивая, две кружки перед новыми клиентами.

– На здоровье, надеюсь, Прага тебе понравится, – приподнимая в приветствии кружку, произнес Владя. Отсалютовав в ответ, Андрей поднес запотев-

шую кружку к губам. Пиво было ароматным и в меру холодным. Но самое приятное – это был не портер. У пива оказался вкус, характерный для светлых сортов и прекрасного качества. Только цвета он был темно-коричневого, почти черного.

Это было неожиданным и прекрасным сюрпризом, и понял это Андрей, только когда кружка была уже пуста. Видимо, восхищение читалось и на его лице. Владя рассмеялся и крикнул ближайшему официанту: – “Еште две”.

Потом были еще “Еште две” и еще, потом чокались с немцами и пели вместе, якобы, на чешском – “Танцуй, танцуй, векруце, векруце, нова пецка на зиму, на зиму...”

Владя успел рассказать, что «У Флеку» одна из самых старых действующих пивоварен в Праге, что сваренное здесь пиво не разливают и не вывозят, что подобное темное пиво с признаками светлого называют “Черный лагер”.

После четырех кружек стало ясно, что здешний “Черный лагер”, к тому же, покрепче привычного светлого. И сказывалось легкое пивное опьянение, в первую очередь, на ногах.

Уже на улице Андрей почувствовал, что управление собственными нижними конечностями, мягко говоря, перестало быть уверенным и четким. Однако общего настроения это не портило. Наоборот, алкоголь усиливал ощущение Праздника, сказочности всего, что происходило вокруг.

В джаз-клубе «Редута», куда Владя привел Андрея, предыдущей пражской сказке пришлось переодеться и сменить грим. Весь виртуальный реквизит, одежда средневековая и более поздних времен, был возвращен «костюмеру кинопавильона».

В обмен на водолазку и джинсы «Леви Страус».

Ибо дальнейшие действия развивались в совершенно других декорациях. В современном интерьере европейского джазового клуба.

Небольшое, даже тесное, прокуренное помещение с черными стенами и потолком, освещенное местами точечным светом небольших софитов. Маленькая площадка с пианино, ударной установкой «Премьер» и контрабасом, прислоненным к стене. Крохотный бар и несколько квадратных столиков. На стенах большие черно-белые фотографии джазменов, большей частью мировых звезд. Но были фото и с незнакомыми лицами.

— Это наши, чешские музыканты, — подсказал Владя, перехватив взгляд Андрея.

Зал был заполнен шумными молодыми, в основном, людьми. В клубе, как и на Пражских улицах, царил дух свободного и радостного общения.

Владю здесь знали все. Тут же нашлись два удобных места. Владя представил друзьям своего гостя и Андрей тут же стал центром притяжения маленькой уютной вселенной, пропитанной ароматным табачным дымом и ожиданием встречи с Великой музыкой. Кто-то принес из бара выпивку, желтоватую жидкость в крохотных стаканчиках.

— Это чешский ликер «Бехер». Нравится?

– Нравится! – кивнул головой Андрей. На самом деле он был не в восторге от сладкой жидкости, настойянной, как аптечная микстура, на каких-то пахучих травах.

Принесли большую бутыль и поставили в центр стола. Владя выудил из пакета и выставил свою «Столичную». Пить пришлось “по западному”, не закусывая.

Андрея же со всех сторон засыпали вопросами.

Откуда родом? На кого учится? Понравилась ли Прага? Откуда, живя в закрытой стране, знает джаз? Многие говорили по-русски, немного помогал разговору скромный английский Андрея, ну и, конечно, переводил Владя.

Андрей терпеливо и подробно отвечал. Аплодисменты вызвали его слова о Праге. Нет, Прагу ему не понравилась. Ибо, если он ответит утвердительно, уйти потом от слова – “понравилась” – будет сложно. А это совсем не то слово, которое может соответствовать эмоциям.

Ввела в состояние шока, проросла незнакомой, удивительной, нереальной своей красотой в душу и плоть, пропитала насквозь энергией свободы, любви и восхищения. И это только часть эмоций. Говорить о Праге с восторгом можно бесконечно!

– Абхазия, где это? Это где Грузия? Знаю, знаю, у меня туда ездил сосед. Так вот, он слышал, как на Тбилисском вокзале объявляли об отправлении поезда Грузия – Советский Союз! – с радостью рассказывал один из присутствующих.

На самом деле, эта байка давно гуляла по просторам огромной страны Советов, не имея в основе своей реального факта. Андрей слышал ее в Москве.

Алкоголь понемногу стирал остатки условностей в общении с незнакомыми людьми, повышая актуальность и градус обсуждаемых тем.

Андрея прямо спросили, что он думает о процессе Синявского и Даниэля. И нет ли опасности, что Кремль пришлет в Прагу танки.

У КГБ могли быть (и наверняка были) “уши” в Праге, но не отвечать было нельзя. Конечно, судилища над диссидентами означали только одно – власть “закручивает гайки”. Насчет танков Андрей искренне сомневался. Вмешаться могут и, скорее всего, попытаются, но до применения силы вряд ли дойдет. Всетаки сейчас не 1956 год и Чехословакия – не Венгрия. Тем более, что в напутствующем разговоре в областном комитете комсомола членам делегации объяснили, что в Чехословакии “идет процесс восстановления ленинских норм социалистической демократии”.

– Дай же Бог! Но, реально, социализмус нихт гут, – произнес юноша, сидевший напротив, переходя в конце фразы почему-то на немецкий. – Закончим с политикой, пришел Ян.

– Ян, Ян пришел! – всплеск восторга. И гул в зале стал заметно стихать.

Андрей поднял голову.

К их столу, смущенно улыбаясь, неловко задевая

стулья, как-то “бочком” протискивался угловатый, очень худой большелобый юноша, затянутый в тесный темный пиджак.

Андрея представили. Ян робко протянул правую руку. Левой же попытался убрать со лба непослушный чуб, упрямо ниспадающий почти до глаз. Андрей пожал протянутую руку.

Ян снова смущенно улыбнулся, запустил руку во внутренний карман пиджака и, приложив определенные усилия, извлек и вручил Андрею мятую визитную карточку. На карточке было написано «JAN HAMMER JUNIOR». И номер телефона.

Андрею знаками пришлось выразить сожаление, что у него нет при себе визиток. (Интересно, откуда могли взяться визитные карточки у советского студента?)

Ян опять улыбнулся.

– Sorry (простите), – на английском произнес он.

– I must go. What kind of jazz do you like (я должен идти. Какой джазовый стиль Вам нравится?)

Вопрос не застал Андрея врасплох. Здесь, в джазовом клубе, подобный вопрос как раз был очень уместен.

– Not experimental kind. Swing, blues or maybe stakatto jazz. (Не экспериментальный. Свинг, блюз или «стакатто»), – ответил Андрей. – Sorry, but my English is terrible (извините за ужасный мой английский), – добавил он на всякий случай.

– All is right, I think. Sorry (простите, я думаю, с ним всё в порядке), – успокоил Ян, продолжая улыбаться.

Кто-то потянул Андрея за рукав. Парень, сидевший в углу, протягивал стаканчик с «Бехеровкой».

— На здоровье, а как тебе наши пражские девушки? — с трудом выговаривая русские слова, поинтересовался он.

— О, готов говорить о них стихами! — восторженно, искренне произнес Андрей. Он и вправду был в восторге. Действительно, в первый свой день в удивительном городе он отметил про себя, что именно девушки, нарядно одетые, светящиеся улыбками, все, без исключения, были большими, чем мужчины, проводниками той самой энергии радости и свободы. Энергии Весны!

И пока он пытался придать своим радостным мыслям доступную для понимания окружающих форму устной речи, уши уловили характерные звуки.

“Тарелка об тарелку”. Кто-то пытался “разогреть” ударную установку.

И не успел Андрей повернуться лицом в сторону музыкантов, как в притихшем зале зазвучали фортепианные аккорды.

За инструментом сидел Ян. Рядом, освещенный софитом, был хорошо виден контрабасист. Темноволосый, постарше Яна, лет тридцати на вид, одетый, как и Ян, в темный пиджак. Под ярким светом особенно бросалась в глаза широкая улыбка музыканта.

Человек за ударными Андрею виден не был. Мешали сидящие впереди, к тому же сама установка оказалась в тени.

Андрей любил джаз и достаточно неплохо знал его историю.

Джаз был, по сути дела, изгоем в СССР. Прекрасные музыканты и джазовые коллективы творили в Москве, Ленинграде, Прибалтике. Джаз был популярен и в Закавказье.

Но какой крови стоило выживание в затхлой атмосфере безраздельного господства марксистко-ленинской идеологии?

Публичные выступления на площадках государственных концертных объединений были практически запрещены. За редким исключением.

Музыкантам с трудом приходилось добиваться возможности выступать в небольших провинциальных домах культуры или на “вечерах” в различных НИИ.

Как раз эти самые НИИ и спасали джаз, как музыкальный жанр, вернее, как явление, не давая властям права полностью его “задавить”.

Несмотря на репрессии против отдельных известных литераторов, музыкантов и ученых, власть все-таки побаивалась идти на открытую конфронтацию со всей интеллигентской элитой страны. Поэтому научные институты и были теми небольшими островками относительного свободолюбия, и хоть минимального, порой не бросающегося в глаза, сопротивления системе.

Отчим Андрея, физик, доктор наук, работал в Курчатовском институте. К тому же он был председателем профсоюзного комитета.

Так что Андрей мог свободно посещать все культурные мероприятия, проводимые профкомом или комитетом комсомола в Доме культуры института. А порой даже участвовать в послеконцертных фуршетах, для узкого круга.

Иногда удавалось попасть на джазовые вечера в кафе «Молодежное», или как говорили просто, в КМ.

Он слушал “вживую” многих выдающихся джазменов. И не только джазменов. С некоторыми артистами был знаком лично.

Он знал Владимира Высоцкого, Михаила Жванецкого, Алексея Козлова, Валерия Буранова, Николая Громина, Александра Гореткина.

Джазом он “заболел” еще в юности. Было это на юге, в Абхазии, в городе, носившем тогда название – Сухуми. Удивительный город, чистый, уютный, интернациональный и очень спокойный. Населенный представителями огромного количества разных национальностей и различных религий, толерантный и доброжелательный. Языком общения был русский. Подпитываемый любовью к литературе, сохранял он удивительную свою чистоту и правильность, почерпнутую, в том числе и из книг. Этого не мог нарушить даже специфический акцент некоторых местных жителей. Кстати, подобное отношение к русскому языку было характерно и для других интернациональных городов Закавказья.

Тогда, в начале шестидесятых, джаз уверенно завоевывал интеллектуальное пространство города. Среди музыкантов, и не только музыкантов, появились любители, ценители, популяризаторы джаза. Иногда

удавалось организовывать джем-сейшены, неофициальные джазовые концерты для узкого круга.

Шел активный обмен грампластинками и магнитофонными кассетами.

Очень выручал эфир. Власти активно глушили западные “вражеские голоса”, вещающие на СССР, на русском и других языках народонаселения огромной страны. Но там – политика. Глушить музыкальные радиопрограммы нецелесообразно. А может просто не хватало сил.

Бейрут, Анкара, Тель-Авив. Радиостанции транслировали, в режиме приемлемой слышимости, современную эстрадную музыку и джаз.

Хуже обстояло дело, так сказать, с теорией. Почти не было информации об истории джаза, исполнителях, стилях и направлениях. Даже фотопортреты джазменов – большая проблема. Книги о джазе не издавались, редкие статьи в СМИ, если и появлялись, то носили ругательный характер.

В Москве Андрея ожидала почти та же ситуация. Можно было достать записи джазовой музыки на магнитной ленте, купить, по слухаю, задорого, виниловые диски. И иногда “гуляли по рукам” любителей джаза затертые, потрепанные экземпляры американского музыкального журнала «DOWNBEAT». Но это было крайне редко. К тому же возникали проблемы с качественным переводом.

Всё это вспомнилось Андрею сейчас, в пражском джаз-клубе «РЕДУТА».

Ибо он хорошо знал мелодию, тему джазовой пьесы, которую играл Ян Хаммер.

Написал ее, еще в начале пятидесятых, великий пианист и композитор Эролл Гарнер. Это была баллада, Андрей мог ее напеть, но путал название. «MUSTY» или «DREAMY». Гарнер сам часто ее исполнял.

В трактовке Яна мелодия звучала совсем по-другому. Это была другая музыкальная философия и иной стиль исполнения. Ян не пытался подражать агрессивной игре Гарнера, его «оркестровому» стилю с мощным превалированием левой руки. Легкость прикосновения к клавишам, интеллигентность звучания, сам рисунок музыкальных фраз скорее напоминали другого великого пианиста – Оскара Питерсона.

Даже на расстоянии ощущался симбиоз, слияние музыканта и инструмента. Это было единое целое, содружество равных, где один просто был более эмоционален в поведении, чем другой. Внешне.

Ян постоянно привставал со стула, что-то выкрикивал, подпевал себе, успевая иногда смахивать со лба непослушный чуб. Яркий свет софита высвечивал на его лице бусинки пота.

И еще. Эролл Гарнер безусловно являлся «узурпатором», диктатором, первым лицом в своем трио, где два других музыканта были подчинены его воле и лишены права на самостоятельное творчество.

Здесь, в «Редуте», сегодня, всё было иначе.

Фортепиано, обозначив мелодию баллады, “ушло” в виртуозную импровизацию на фоне слаженной, безупречной поддержки ритмгруппы. Сложные, очень

красивые, как бы отточенные музыкальные фразы сменяли друг друга, заполняя собой все пространство. Держа слушателей в состоянии ритмического напряжения. И одновременного ощущения некоей космической нирваны.

Отыграв свой квадрат, пианист передал тему “далльше”. Теперь настала очередь солировать контрабасу. И волшебство продолжилось! Начался удивительный разговор музыканта с инструментом. Нет, неверно. Никакого “инструмента” не было. Человек говорил с другим живым существом, мыслящим, обладавшим душой, тонкой, все понимающей и умевшей выражать свои чувства.

Контрабасист, закрыв глаза, наклонив голову, что-то шептал своему собрату, бережно перебирая руками струны. И струны контрабаса, откликаясь на ласку, плели удивительные кружева мелодии, то поднимаясь в высокие пределы регистра, то опускаясь до самого нижнего уровня. И тело контрабаса, его темно-коричневые лаковые деки, как будто разбуженные и восхищенные любовным диалогом, дрожали, резонируя и обогащая звучание струн.

Андрей почти физически ощущал растворение сущности своей, и тела и души, в звуках великой этой музыки!

Здесь, в тесном, прокуренном зале джаз-клуба «Редута», в центре города Праги, в начале месяца мая 1968 года, не было ни музыкантов, ни восторженных слушателей. Только ОНА, та самая Музыка, заполнившая собой все пространство, все кубические сан-

тиметры зала, как бы проросшая в присутствующих, в свидетелей чуда.

Заворожив своей магией всех без исключения.

— Этого не может быть! Я когда-то уже испытал это безумное чувство причастности к великому единению свободы и музыки! Музыки и свободы!

Где я на самом деле? Кто я? Юный восторженный студент третьего курса, волею небес заброшенный в Пражскую Весну шестьдесят восьмого, или убеленный сединами, немощный старик, доктор наук, учёный с мировым именем, путешествующий по своему прошлому?

— Не вмешивайся в процесс. Ни о чём не думай. Как в анекдоте, расслабься и продолжай получать удовольствие!

Был этот голос внутренним голосом самого Андрея или голосом Режиссера, было непонятно. Да и не важно. Андрей внял совету и как будто вынырнул на поверхность, снова оказавшись в «Редуте».

Закончил, к тому времени, свое соло и барабанщик. Прозвучала кода и зал погрузился в полнейшую тишину. Всего на несколько секунд. Вставая из-за установки, ударник задел педаль, тарелки, как будто пробудившись ото сна, несмело звякнули. И зал как по сигналу, буквально взорвался восторженными аплодисментами.

— Как тебе контрабас? Перфектно? Запомни хорошо это имя — Людек Хулан!

Владе пришлось буквально прокричать эти слова в ухо Андрея.

А Ян в это время что-то рассказывал, эмоционально жестикулируя руками, подошедшим к нему взрослым мужчине и женщине. Учитывая, что практически все посетители клуба были молоды, или очень молоды, почти подростки, эти двое выделялись на их фоне.

И одежда на паре тоже была – взрослая. Мужчина, темноволосый крепыш, был одет в строгий серый двубортный костюм, с галстуком “бабочкой”. На женщине, также склонной к полноте, было элегантное, но простого покроя, серебристо-серое, блестящее платье из ткани с люрексом. Прекрасно гармонирующее с пепельными, также отдававшими серебристым блеском, волосами.

Неизвестно, о чем они беседовали, но женщина вдруг пылко обняла и поцеловала Яна. Андрею на ум пришла озорная мысль, что он немного завидует.

И конечно, как южанина, его удивило равнодушие спутника дамы. Вернее, не равнодушие, а одобрение, даже радость.

Как будто уловив биотоки Андрея, пианист помахал ему рукой, приглашая подойти.

– Мои мама и папа! – восторженно произнес Ян по-русски.

Вблизи женщина оказалась еще красивей. И улыбка у нее была обаятельная и очень добрая.

– Власта, – произнесла она, протягивая руку. И добавила – Власта Прухова. А это доктор Хаммер. Я его манжелка, ну, жена, если по-русски. – А вы, Андрей,

значит, из Кавказа и любите свинг. Будем петь за вас. Нет, не за вас, а для вас. Мой русский не очень, — снова улыбнулась Власта.

И снова сюрприз! Андрей никогда не видел Власту Прухову, но хорошо знал ее имя. Известная чехословацкая эстрадная и джазовая певица, обладательница уникального сочного голоса. В СССР иногда продавались виниловые чехословацкие диски «Супрафон» и «Пантон» с записями популярных оркестров, таких как оркестр Карела Влаха, к примеру, с которыми сотрудничала Власта. Запомнился ее прекрасный дуэт с молодым талантливым вокалистом Карелом Готтом. И еще поговаривали, что на джем-сейшнене она как-то пела с легендарным Сачмо, Луисом Армстронгом.

Голова Андрея шла кругом от такого количества новых впечатлений.

Он не знал, как надо в Европе правильно здороваться с женщинами. Действуя по наитию, принял руку Власти и, склонившись, поцеловал. Чем заработал восторженную реакцию и похвалу Яна Хаммера старшего.

Младший же, вместе с барабанщиком, вернулся к инструментам. А за контрабас встал, пододвинув поближе микрофонную стойку, доктор Хаммер (который, как выяснилось, действительно был доктором, врачом и к тому же джазовым музыкантом; гитаристом, контрабасистом и вибрафонистом).

И началась эмоциональная музыкальная прогулка с дуэтом в захватывающий мир свинговых мелодий.

С дуэтом Власти и ее мужа.

Иногда в слаженное виртуозное двуголосье вмешивался, профессионально и корректно, и третий голос. Голос пианиста, их сына, Яна Хаммера младшего.

И это фантастическое сплетение голосов, мелодий и ритмов, виртуозная импровизация джазменов полностью овладели сознанием и эмоциями собравшихся. То расслабляя их медленным звучанием джазовой темы, то заставляя раскачиваться в “унисон” с нарастающим музыкальным темпом, доводящим слушателей до экстаза. Темпом, который окончательно и полностью растворил в джазовой музыке всех присутствующих. И самих музыкантов и счастливцев-слушателей.

Импровизированный джем-сейшен закончился в третьем часу ночи.

Андрею долго не удавалось выйти из состояния своеобразного «грогги» (если применять спортивный термин), как боксеру в нокдауне. Сознание упорно отказывалось освобождаться из ласкового джазового плена и возвращаться в реальность майского вечера. Вернее, майской ночи.

Прощание с новыми друзьями обрушило представления Андрея о чехах, как о людях сдержанных, скупых на эмоции. Скорее, это напоминало завершение привычного сухумского застолья, с объятиями, поцелуями и нежеланием расходится.

Ночной воздух был теплым. Со стороны Влтавы, вдоль опустевшей Народной улицы, дул легкий свежий ветерок, пропитанный запахами реки и молодой листвы. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шумом двигателей редких автомобилей.

Андрей удивился, помня вечернее столпотворение на тротуарах. Этот контраст стал неожиданностью. Но, в конце концов, Прага не Лас-Вегас или Канн, подумалось Андрею. В большом городе люди должны ночью спать, даже если этот город – европейская столица.

Честно говоря, он и сам устал. Организм выходил из эмоционального стресса, да и выпитый алкоголь сказывался. Андрей, шутя, сравнил себя с футбольным мячом, гордым и счастливым от неожиданных побед своей команды, в момент, когда из него, мяча, выпускают воздух.

Владя же был, казалось, неутомим. И хотя его явно покачивало от спиртного, завершать вечер новый друг Андрея не спешил.

– Сейчас мы пойдем в ночной ресторан. У меня, правда, закончились деньги, но в Праге я везде имею протекцию, – объявил Владя.

Идея не вызвала особого энтузиазма у Андрея. Вечер и так удался. Он был насыщен таким количеством событий и эмоций, что требовалось время осмыслить и “переварить” их. К тому же в трезвеющей подкорке стала настойчиво возникать химера возможных “разборок” с руководителем группы по поводу столь поздней явки в отель. Ну, мало ли что говорил он, руководитель, прошлым вечером.

— Хорошо, не буду настаивать. Сейчас я покажу тебе ночную Вацлавскую площадь, это совсем рядом. Потом мы возьмем такси. Я отвезу тебя и поеду домой.

Идти пришлось узкими, почти не освещенными переулками, по идеально подогнанной брусчатке древней мостовой. Между темными, причудливыми громадами зданий, снова воскресившими в памяти сходство с кинопавильоном.

Свет возник внезапно. Совершенно неожиданно. Как будто они, выйдя из очередного переулка, просто перешли невидимую грань между мирами, между измерениями. И вместе со светом вернулся звук. Вернее, шум. Веселый радостный гомон гуляющих, нарядно одетых людей. В ярком свете старинных фонарей.

Вацлавская площадь, географический и энергетический центр Праги, и не думала спать, несмотря на глубокую ночь. Да и не было здесь никакой площади, в понятии москвича или сухумчанина. Скорее, широкая улица, напоминающая парижские бульвары, с просторными тротуарами, выложенными плиткой и пешеходно-парковой зоной посередине. Вольготно спускающаяся вниз от внушительного здания Национального музея и памятника святому Вацлаву. Обрамленная по периметру ансамблем монументальных строений начала столетия, бережно вписанных в цельный архитектурный облик города.

Магазины, встроенные в первые этажи зданий и торговые пассажи, уютно уходившие подсвечены-

ми галереями вглубь домов, были закрыты. Но установленные на тротуарах бесчисленные киоски, оформленные в стиле «ретро», вели активную торговлю. Сигареты, журналы и газеты, минералка, горячие сосиски и выпечка. И конечно пиво. Правда, только в бутылках.

Много молодых людей и девушек. Звуки гитарных струн и характерное потрескивание транзисторных приемников. Смех и приветственные возгласы. Одни неспешно прогуливаются, другие, собравшись группами, о чем-то живо спорят.

— Можно будет выезжать за рубеж на работу или учебу. Станем избирать не только президентов, но и ректоров и деканов. Издавать независимые студенческие газеты, — переводил услышанные фразы Владя.

На краю тротуара, у проезжей части, устроилась странная пара. Пожилой дядька, явно под градусом, с бритой блестящей головой, сидя прямо на тротуарной плитке, лихо наигрывал на аккордеоне попурри из модных мелодий.

Его не менее живописный собрат, стоя рядом на коленях, совершал какой-то странный ритуал. Он целовал музыканта в голову, затем плевал в место поцелуя и остервенело, активно растирал свой плевок. Закончив, внезапно вскакивал, выбегал на проезжую часть и начинал, как дорожный полицейский, регулировать автомобильное движение. Через несколько секунд возвращался на старое место, становился на колени рядом с аккордеонистом. И все начиналось сначала.

Услышав русские слова, не поднимая голову, лысый также лихо заиграл «Катюшу». За что был награжден аплодисментами гуляющих.

Все выглядело настолько необычным и нереальным, что мозг Андрея отказывался что-либо воспринимать. Он опять ощущал себя в придуманном пространстве внутри киноэкрана. Экрана, на который проецировали кадры монументальной какой-то панорамы ночной столицы Чехословакии.

— ВЛАДЯ! — взмолился Андрей.

— Ано, да, я понимаю! — ответил, улыбаясь Владя.

Через несколько минут такси остановилось у отеля «Юниор».

— Ахой, пока, — произнес клевавший носом Владя. — Завтра мы с Леной придем за тобой в семь вечера. Сюда.

Входная дверь была открыта, дежурный администратор улыбнулся Андрею и включил лифт.

В номере стояла полная тишина. На одной кровати уютно, как ребенок, почти неслышно посапывал Володя, секретарь факультетского комсомольского комитета. На другой кому-то загадочно улыбался во сне Саша Бухаринский, будущий журналист из подмосковного Клина.

Не успела голова Андрея коснуться подушки, как где-то внутри его сознания возникла мелодия. Песенка-заставка из телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

Только в джазовой аранжировке.

Потом гостиничные кровати, как на телеэкране, встав в круг, закружились на невидимой карусели, устроились гуськом друг за другом и стали стремительно удаляться, уменьшаясь в размере.

Пока не растворились в сереющем предрассветном небе.

Последнее, что запомнил Андрей, прежде чем крепкий сон унес его в другое измерение, была плывущая над пражскими улицами, в сером тумане, желтая подводная лодка великих BEATLES. И почти как в фильме, висели в небе над прекрасным городом крохотные сердечки, на которых было написано – Любовь, Весна, Свобода.

Часть Третья

ТОДАРАБА, ГЕНАЦВАЛЕ
(ТРИ ПИСЬМА ИЗ ИЗРАИЛЯ)

Дорогой Руслан!

Бурные события последних десятилетий разбросали нас, сухумчан, по всему миру. Немало наших земляков, наших общих друзей живет теперь и в Израиле.

Ностальгия по общему нашему прошлому с годами усиливается, а с нею и желание увидеть, спустя столько лет, хотя бы кого-нибудь из старых друзей. Удивительно, я объездил по работе пол-мира, но никогда не был на Святой Земле.

В общем, я сдался настойчивым уговорам сухумских израильтян (или израильских сухумчан) и купил билет до Тель-Авива, благо виза теперь не нужна. Честно говоря, я не очень хорошо представлял себе страну, куда направлялся.

До момента, пока не ступил на ее землю.

Вот и захотелось по горячим следам поделиться с тобой впечатлениями от удивительной этой страны и людей, живущих в ней. Благо ноутбук при мне.

Сейчас вторая половина дня пятницы, согласно традиции считается, что суббота уже наступила и принято произносить – Шабат шалом!

Непостижимая древняя музыка слышится мне в этом сочетании слов. Произносишь их вполголоса и долго, долго звучат чистые, будто заданные невидимым камертоном ноты грядущего праздника, звучат и заполняют собой всё вокруг!

Ну конечно, ведь ты на Святой Земле, в центре

мироздания, где всюду зашифрована вечность; в суровой, но прирученной природе, бездонном голубом небе и, конечно, в непривычной и удивительно красивой мелодике иврита. Должно быть, борьба за выживание и умение радоваться жизни – основы генетического кода народа, живущего здесь несколько тысячелетий.

Сейчас мягкий и ласковый средиземноморский декабрь. В обычные дни людей, гуляющих у моря, было не очень много, в пятницу же, ближе к вечеру, набережная Тель-Авива разом превратилась в огромный, суетливый и празднично возбужденный человеческий муравейник. Он напомнил мне наши летние сухумские променады, но только здесь дух и ощущение праздника были несравненно выше! В обычно глухих тыльных стенах отелей, выходящих фасадами на Аяркон, вдруг пооткрывались какие-то незаметные, скрытые ранее окна, появились динамики, и пошлась музыка! Моментально образовались огромные хороводы, в которых плясали, казалось, и грудные дети, и древние старики.

Пройти мимо, просто глазея, было исключено, тебя тут же затягивали, завлекали в круг, и ты был обречен на веселье, ибо над всей набережной властвовала в тот момент, добрая и веселая энергетика тысяч людей!

Израиль, бесспорно – моя любовь с первого взгляда, особенно – Тель-Авив!

Этот суперсовременный мегаполис-космополит обладает на удивление мощной, но спокойной и до-

брой аурой, свойственной скорее небольшим городам. Он совсем юный, этот город, и нет в мире другого города, внешне похожего на Тель-Авив. И поскольку я иногда ловил себя на мысли, что гуляю по Сухуму, или Тбилиси, то, в конце концов, поверил, что уникальная тель-авивская аура преломляет сокровенные энергетические потоки памяти, скрытые в нашем подсознании, и щедро одаривает нас теми эмоциями, которых мы в данный момент желаем и которые нам приятны.

Названия улиц чаруют, как музыка, непривычная и знакомая одновременно.

Жаботински, Арлозоров, Бен-Гурион... Но, если вспомнить, что все дороги ведут в Рим, значит, применительно к Тель-Авиву, не избежать тебе прянного, веселого и пестрого шума улицы Алленби!

Алленби – это отдельная тема; музыкальная, фольклорная, литературно-поэтическая, кондитерско-гastronomическая, антикварно-сувенирная и эротическая одновременно.

Помню – первый мой маршрут по этой улице начался от моря и внушительного здания Бейт-Опера. На мой вопрос об exchange office (об обменном пункте), улыбчивый охранник на входе в здание любезно объяснил мне на русском, что обменять деньги можно внутри и что он обязан проверить меня металлоискателем, но без обид, пожалуйста. Недавно он проверял даже самого Игоря Губермана.

Обид, понятно, не было, и я вошел внутрь.

В кафе напротив входа сидела шумная компания.

Эмоционально обсуждался какой-то бизнес-проект. На русском.

Я обменял доллары на непривычные и очень красивые израильские шекели, посмотрел в уютном музыкальном салоне на джазовые CD. Затем вышел на солнце, где меня уже ждал Боря Рохкинд, наш с тобою старинный сухумский друг. Мы обменялись приветствиями и неторопливой походкой отправились вверх по уютной Алленби.

Объявления в витринах магазинов и ресторанов предлагали различные услуги и вакансии. Русский язык присутствовал, практически, на всех, причем должность управляющего или менеджера, к примеру, предлагалась на иврите, английском и русском, продавца же или официанта приглашали только на русском. В ближайшем салоне сотовой связи бойкий и доброжелательный юноша учтиво и подробно отвечал Борису на вопросы о замене симкарты, по русски, без акцента. Зазвонил телефон и извинившись перед клиентом, продавец стал восторженно рассказывать своему телефонному визави о планах на вечер... по-грузински!

Уходя, я решил удивить юношу и громко произнес: – Нахвамдис, швило (До свидания, сынок), – на что он, с улыбкой, но привычно ответил – Каргат икавит, пативцемуло! (Всего хорошего,уважаемый!)

Мы с Борей продолжали свой путь по Алленби. Улица жила своей, очевидно привычной, шумной и веселой жизнью. Отовсюду слышался смех и эмоциональные возгласы вечно спешащей молодежи,

снующей вверх и вниз по улице или сидящей стайками за бутылкой шипучки или чашкой кофе в открытых уличных кафе. Многие были одеты в функциональную, но достаточно элегантную форму ЦАХАЛА. С особенным шармом эта форма смотрелась на девушках, причем, когда юным воительницам приходилось иметь при себе оружие, оно не разрушало шарм, а, скорее, подчеркивало его.

Об израильских девушках необходимо говорить особо, предметно и долго, и, желательно, стихами.

Лица, будто срисованные со старинных монет, но удивительно живые, обрамленные иссиня-черными волосами либо копнами пшенично-рыжеватых кудряшек, загадочные влажно-чувственные или озорные, но всегда выразительные глаза, осиные талии...

Продолжать? Конечно, когда уже за шестьдесят, можно позволить себе любоваться юными созданиями так, как любуются живописью или скульптурой и говорить о своих эмоциях с пафосом, не боясь, что какой-нибудь умник обвинит тебя в сладострастии. Но, если быть совсем честным, немного жаль было сознавать, что ты, увы, немолод.

...Руслан, засидевшись за письмом, я и не заметил, как наступило утро. Прочитав написанное, понял, что это лишь малая часть моих впечатлений. Так, что готовься читать еще. Обнимаю, твой Андрей.

Руслан, это мое письмо рассматривай как продолжение первого.

Идем по Алленби, а улица, тем временем, незаметно, всё больше подчиняет тебя своей магии, и уже стирается тонкая грань восприятия реальности, стрелки часов замедляют ход, и ты чувствуешь себя как во сне, когда и ты сам и всё вокруг движется неестественно плавно и грациозно, приводя тебя в восторг. Музикальный шепот иврита, гортанные крики торговцев, ставшая уже, привычной в Тель-Авиве русская речь. Грузинские мелодии из глубин сувенирных лавок, шуршание колес автомобилей, шелест листвы деревьев, и все это круто замешано на запахе цветов, которыми заняты, как мне кажется, балконы и подоконники всех домов в городе.

А еще и на потрясающих ароматах кофе, свежей выпечки, шаурмы, обильно приправленной остро пахнущими специями и соблазнительно шкворчащей на газовых жаровнях в небольших открытых кафе.

Кстати, о шелесте листвы. Тель-Авив очень зеленый город, в котором много деревьев. И к каждому дереву подведена трубочка, по которой поступает вода!!! (Нам бы такое отношение к земле, природе, жизни, к родине, наконец!)

Между домов, где солнце заблудилось в бликующих стеклах зеркальных витрин первого этажа, пристроился скромный полотняный шатер. В передней части, у улицы, на складных пластмассовых столах выложены сувениры – майки с фотопечатью, бейсболки, цветные магнитные нашлепки для холодильников и масса еще самых разных, полезных и не очень

предметов. Продавец чем-то занят в глубине шатра, видна только его спина.

— Боря, задержимся, — говорю другу, — мне всё равно придется покупать сувениры.

— Купите у меня, полючете эше хароши скидка — вступает в разговор, повернувшись к нам и широко улыбаясь, продавец с неожиданным для меня акцентом жителя Западной Грузии, мегрела. (Грузинские евреи говорят по-русски, обычно, с другим, грузинским акцентом. У этих двух языков совершенно разная мелодика, разное звучание.)

— На-на, чкими шэн. (Надо же, блин.) Си маргалъ реко (Так ты мегрел)? — удивленно спрашиваю я, переходя на мегрельский.

— Варь, джима, урия ворек, мара Зугдидель урия (Нет, брат, я еврей, но из города Зугдиди, из Мегрелии), так что можешь считать меня мегрелом! — восторженно отвечает он, я Миша, Мишико.

Мы обнялись и расцеловались, как добрые старые друзья. Глаза у Мишико были влажные, думаю, и у меня тоже. На радостях наш новый приятель принял звонить племяннику, чтоб тот заменил его в палатке, так как хозяину, то есть самому Мише, необходимо было уважить гостей, то есть нас, отметив знакомство наше, где-нибудь за чаркой вина. Родственник, видимо, рьяно сопротивлялся и мы с трудом успокоили эмоционального нашего земляка, торжественно обещав ему появиться снова, завтра, в конце дня.

А улица тем временем, как искушенный фокусник,

всё доставала и доставала из рукава припрятанные там сюрпризы. На ближайшем перекрестке, в створе уходящего вправо переулка, установлен стационарный металлоискатель, на котором проверяют всех входящих.

– Что там? – спрашиваю я.

– Там Париж, – отвечает Боря – ну Монмартр, Монпарнас, набережная Сены, не знаю, в общем, Париж, он и есть Париж! Войдем?

Мы прошли сквозь рамку и оказались... В Париже мне не приходилось бывать (пока, надеюсь), но я достаточно много читал об этом великом городе. Не знаю, напоминало ли, действительно, увиденное нами Париж, но оно оказалось волшебным миром, территорией творчества, искусства, восторга и любви!

Сам переулок, сбегающий куда-то вниз и застроенный, в основном, двухэтажными домами времен “подмандатной территории”, был необычайно живописным и немного игрушечным. Будто мастерски выполненная театральная декорация. Где главным было, однако, не это, а атмосфера, заполнявшая все пространство перед декорациями. Некая пульсирующая на сцене, продолжая сравнение с театром, энергия красивых, внимательных, доброжелательных людей, – художников, скульпторов, ювелиров и керамистов, кукольников, актеров и поэтов.

Здесь вас начинает охватывать чувство необычайной новизны, вы ощущаете себя оказавшимся в огромной галерее, в коммуне художников либо на всемирном шоу цирка Дю Солей, вышедшем из помещения на улицу. Где каждый – не случайный

гость, а личность, сопричастная всему, что происходит по ходу действия импровизированного спектакля, где, в то же время, любой участник выстраивает свою роль сам и не испытывает ни малейшей зависимости от режиссера.

В проходе между домами, на крохотном пятаке, крутят “солнечные колеса” акробаты в ярких трико, чуть дальше, субтильный юноша в гриме раннегоЧаплина разыгрывает мимические мизансцены, устроившись на огромном синем шаре, в нескольких метрах от него, сидя на коврике прямо на земле, чернокожий трубач отрешенно и старательно выводит мелодию Жобима. Бородач с татуировкой на бритой голове, страстно декламирует стихи молоденъким девицам, а те слушают его с открытыми ртами. И, конечно, здесь рисуют, лепят, паяют, чеканят и вышивают.

Почти все проходы заняты столами с выставленными работами художников. Можно купить, и, кстати недорого, произведения серьезные, высокопрофессиональные, но можно и попроще, но даже эти работы, по сути дела, авторские. Можно и поторговаться и получить, в конечном итоге, понравившуюся вещь совершенно бесплатно, в подарок, ведь бизнес на этой территории – дело далеко не главное.

Некоторые скептики будут утверждать:

– Ну, бывали мы в твоем Тель-Авиве, и в переулок этот захаживали, ну и чего особенного? Почти как в Измайловском парке – и там сувенирами торгуют, да и музыканты разные тоже шастают.

Ну, значит, мне повезло! Значит – увидеть чудо,

волшебство, видимо, дано тому, кто этого действительно страстно желает, кто с радостью впитывает дух и энергетику праздника, энергетику “детей Переулка”, их общую ауру! Ну не выдумал же я всё, что описал, да и не один я унес в своем сердце, в тот теплый декабрьский день, частичку тель-авивского “Парижа”!

Зимой в Средиземноморье темнеет рано. Боря живет в городе-спутнике Тель-Авива, в получасе езды, я попрощался с ним на автостанции и медленно, на ватных ногах, оглушенный впечатлениями дня, побрел по Алленби вниз, в сторону моря.

На набережной было малолюдно, мирно и покойно. Теплый ветер обдувал гуляющих, оставляя на губах вкус соли и йода. С открытых террас приморских ресторанчиков доносились смех и тихая музыка.

Звездное южное небо волшебным, сказочным куполом нависало над городом, напомнив мне другую набережную, другой, такой же загадочный и соленый шепот моря, такие же звезды из страны нашего детства...

Этой ночью я спал как счастливый ребенок, впервые в жизни побывавший в цирке.

Кстати, Руслан, здесь удивительный воздух (а, может, дело в ауре), но я прекрасно высыпаюсь, в отличие от Москвы мне хватает четырех-пяти часов, и, что необычно – я просыпаюсь с улыбкой.

Совсем, как в детстве, в благодатные и счастливые сухумские годы!

На следующий день я должен был ехать к другому своему близкому другу, Гарику, в город Ашкелон.

Но утром почему-то отправился, самостоятельно, как та кошка из сказки, гулявшая сама по себе, продолжать обследование центра Тель-Авива. Сверив маршрут с путеводителем, я пошел по улице Айяркон, свернул на улицу Бен-Гуриона, осмотрел скромное жилище первого премьера, и, дойдя до улицы Бен-Иегуда, идущей параллельно набережной, стал искать поворот на Алленби.

В тени здания, сидя на раскладном стульчике, играла на виолончели, заглядывая в миниатюрный пюпитр, пожилая женщина, в скромном цветастом платье с роскошными волосами пшенично-медово-золотистого цвета, тщательно уложенными в старомодную высокую прическу. Сияние волос сплеталось со звуками виолончели, обостряя чувство эйфории, так и не отпустившей меня после вчерашнего.

Я остановился, слушая музыку, и понял, что мелодия закончилась, только когда замер смычок.

Вопрос виолончелистки вывел меня из временно-го транса.

– Вам понравилось? – улыбаясь, спросила она по-русски.

– Очень! – Быстро ответил я, почему-то смутившись, и, испугавшись возможной паузы, зачем то выпалил:

– Я этим путем выйду на Алленби?

– Конечно, вижу, вы хорошо ориентируетесь, – так же, улыбаясь, продолжала женщина.

Кивнув головой, я протянул ей купюру.

— Это за то, что я подтвердила правильность вашего маршрута? Вы меня обижаете.

И когда я попытался оправдаться, добавила:

— Да и играю я вовсе не ради денег, просто здесь хорошая энергетика.

Я нагнулся, чтобы поцеловать руку этой удивительной женщине. Ее волосы на самом деле пахли медом!

Что же за город, Тель-Авив, думал я, продолжая путь. Я совершенно не чувствую себя здесь иностранцем, чужаком. И это в Израиле, который долгие годы воспринимался как оплот консерватизма, закрытое общество ортодоксальной религиозности, где не только русский язык, но и идиш, как ни парадоксально, находился в опале. И вот, пожалуйста, все выглядит так, как будто пролетев в самолете четыре часа, оказываешься в интернациональном, толерантном Сухуми моей юности. (Правда, к счастью, не советскому.)

И так вот, разговаривая с самим собой, я двигался в сторону Алленби, неожиданно для себя меняя курс, заходя в крохотные узкие переулки, а затем оказываясь на широких, оживленных улицах.

Где-то, кажется, на улице Короля Георга, мое внимание привлекло необычное угловое здание. Нижний, первый этаж напоминал нос корабля и упирался этот корабль в улицу. Вблизи оказалось, что острый угол как бы срезан и в него вмонтирована дверь. Оконные проемы по обе стороны двери представляли собой стеклянные витрины. У одной из них находилась небольшая резная скамейка. На скамейке, в тени, читал газету мужчина интеллигентного вида, лет се-

мидесяти, в спортивном костюме и белой шляпе, соответствовавшей моде пятидесятых годов.

В витринах были выставлены небольшие скульптуры, выполненные из блестящего металла, великолепного качества и редкой красоты. Не понимая еще, разглядываю ли ювелирные изделия или сувениры, как говорится, VIP-уровня, я приник, как завороженный, к витринам, сначала к одной, затем к другой.

Выждав время, дав мне насладиться увиденным, мужчина в белой шляпе сложил газету, внимательно оглядел меня поверх очков с мощными линзами, встал со скамейки и подойдя, спросил (по-русски, конечно):

– Вы я вижу, южанин. Не грузин ли?

– Нет, – ответил я с улыбкой, уловив в говоре мужчины легкий грузинский акцент, – я абхаз, значит враг, согласно сложившейся ситуации!

– Да какие мы враги, это политики проклятые столкнули всех лбами. У меня в Абхазии до сих пор живут близкие друзья!

Слава небесам, что я с семьей переехал сюда очень давно и не видел того времени, когда брат встал против брата. Да, разрешите представиться, я – Габриэл, можно – Габо, родом из Кутаиси, бывший учитель русского языка. Кстати, доводилось ли вам бывать в моем городе, говорят, он очень разросся и похоронился! – последние слова были произнесены с нескрываемой ностальгией.

Дежавю! Помните фильм “Мимино”? Публика на просмотрах дружно хохотала когда, по ошибке, звоня из Германии в Телави, герой попадает в Тель-Авив.

И как всерьез плачет, на том конце провода, снявший трубку такой же грузинский еврей, как и Габриэл, услышав песню на родном языке. И вопрос, рвущийся из сердца – а построили ли в Кутаиси новый мост?

Я никогда не смеялся на этом отрывке ленты.

Ну вот, Руслан, постараюсь завершить свой рассказ о Тель-Авиве.

Но мне не хотелось уходить от Габриэла просто так, и я сказал;

– Меня ждут в Ашкелоне, а ехать с пакетами в другой город несподручно, иначе я обязательно что-нибудь купил бы у Вас. Но я постараюсь прийти снова, специально, чтобы увидеть и то, что находится внутри, а не только на витринах, выбрать понравившееся и уйти с покупками!

– Разве моя цель что-то вам продать? Но увижуся еще раз с удовольствием. Но состоится ли эта встреча, решаем не мы. Подождите, пожалуйста, минутку.

Ссгутившись, Габриэл подошел к двери и исчез в глубине магазинчика. Выйдя через минуту, он протянул мне небольшую коробочку, завернутую в блестящую бумагу

– На удачу, Андрей, будете в Кутаиси, поклонитесь городу. – и неуклюже обнял меня.

В квартале от дома-корабля я остановил такси и машинально бросил таксисту по-русски: – Пжалста, на автовокзал.

Еще не закончив фразы, с ужасом подумал – если и этот таксист, похожий на араба, заговорит со мной на русском, я, вероятно, тронусь умом! Но таксист равнодушно произнес; – Sorry, sir (Простите, сэр)...

У меня отлегло от души.

– Bus station, please, – произнес я на своем ломаном английском, и добавил: – Sir... (Сэр!)

Ну, пора закругляться, Руслан!! Чтобы описать все мои израильские впечатления и эмоции, нужно обладать массой времени, огромным количеством бумаги и большей работоспособностью! Когда-нибудь я попробую, ведь один мой день пребывания в Иерусалиме заслуживает отдельного подробного рассказа! А визит в Ашкелон?!

Пока же докладываю по порядку. Я постарался выполнить обещание навестить, до отъезда, моих новых друзей. В шатре Мишико сидел юноша, его племянник, тот, которому дядя так упорно называл в день нашего знакомства. У Миши заболел внук, он уехал в Хайфу, но дал племяннику конкретные инструкции относительно меня.

Я накупил огромное количество сувениров, мальчик, вспотев, долго считал на калькуляторе, затем объявил, что произвел солидную скидку, по воле дяди, и передал мне в подарок бутылку местного, израильского вина. Со слов Мишико, оно напоминает по вкусу грузинское.

Обласканный и нагруженный покупками, я дви-

нился в сторону магазинчика Габриэля. Мистика, конечно, но дома-корабля я так и не нашел. Не помогла ни профессиональная память художника, ни помочь местных жителей. Как видно, Габо чувствовал, что новая встреча не состоится.

Теперь надо объяснить, почему я употребил слово «эротика» применительно к улице Алленби.

В Ашкелоне я подробно рассказал Гарику о впечатлениях первого дня.

— Так Вы (Гарик младше меня и как человек кавказского воспитания, обращается ко мне на Вы, и называет дядей Андреем), возвращались на набережную вечером, пешком? Ну и как вам нижняя часть Алленби, ее последний квартал?

— Помню смутно, но там было пустынно и плохо освещено.

— И Вам ничего там не предлагали? Видите ли, это место, этот участок улицы считается злачным и криминальным, там помимо легальныхочных клубов есть масса притонов, и, обычно, к одиноким мужчинам, ночью, сразу подкатываются различные темные личности с предложением разных плотских утех.

Мне стало смешно.

— Понимаешь, Гарик, я думаю — эти люди прекрасные психологи, и, если допустить, что они меня видели из какого-то укрытия, раз плонуть для них, чтобы понять — нет их бизнесу проку от вымоганного эмоциями, с трудом бредущего пожилого романтика.

Вот вам и вся эротика, до копейки. Но пусть толь-

ко кто-нибудь оспорит факт, что я побывал в самых злачных местах Тель-Авива!

Вернувшись из Ашкелона, я наткнулся в сумке на некий предмет в блестящей оберточной бумаге. Да это же подарок Габриэля! Я аккуратно снял обертку. На темно-зеленой коробочке из твердого картона было что-то написано на иврите, кроме одного слова на английском – Silver – (Серебро). Заинтересованный, я аккуратно открыл коробочку и осторожно извлеч из нее фигурку...

Удобно устроившись на серебряной черепице, в серебряном картузе и таком же блестящем лапсердаке, с загадочным взглядом, устремленным в вечность, с маленькой серебряной скрипичкой в руках, передо мной был он. Скрипач на крыше.

Не скульптура и тем более не сувенир, а знак и символ, такой же важный в трагической и славной истории еврейского народа, как семисвечник или звезда Давида!

Так вот, дорогой Габриэль, земляк и брат мой на этой планете, вот почему, передавая мне коробочку, ты произнес: “На удачу, Андрей!” Ты не сувенир мне дарил, ты передал, с частичкой своей души, талисман, призванный оберегать меня и мою семью. Низкий поклон тебе! Спасибо, дорогой! Тодараба, генацвале!

И вот отныне, в жару и стужу, под стук весенней капели и под завывание осенних ветров он, вскинув смычок, будет сидеть, на книжной полке моего кабинета, тот самый скрипач на крыше, маленький груст-

ный человечек с серебряной скрипкой, устремивший свой загадочный взгляд в вечность. И, в ожидании звуков музыки, будет тревожиться и волноваться душа.

И, да простится мне моя патетика, Русик, но то ли частичка меня остается на Синае, то ли Израиль поселился внутри меня, причем навсегда, и я увожу его с собой! Слишком много воспоминаний просится наружу. Когда-нибудь настанет и их черед. Пока же могу сказать искренне – всё, что я описал, соответствует моему восприятию и моим эмоциям.

Кланяйся нашим общим друзьям.
Твой друг Андрей.

Часть Четвертая

МОСТ
В ОБИТЕЛЬ ДУШИ

Третий день с моря неустанно дул сырой, пронизывающий насквозь ветер. На ближних горах, видимо, лежал снег. Видимо, ибо горы все эти дни были укутаны низко висящими облаками и не видны. Нижняя, похожая на плотный туман, кромка облаков скрывала даже вершину невысокой Сухумской горы, которую горой-то можно было назвать с большой настяжкой.

Воздух не был очень холодным, но постоянно дующий, с одинаковой скоростью и с одинаковым упорством, соленый и влажный ветер раздражал.

Увы, но зиме нужно было отдавать должное и потому следовало терпеть некомфортную погоду.

Андрей привычным движением засунул за пояс брюк учебник и три тонкие тетрадки, застегнул верхнюю пуговицу куртки и вышел из здания школы. Заболел учитель-военрук и, поскольку военному делу отводились два урока подряд, занятия закончились очень рано. Андрей еще решал, стоя у калитки ограды, что делать дальше, когда его окликнули.

— Отец, как всегда, бабок дал, — от здания к нему приближался одноклассник, Игорь Гагуа. — Пошли, полопаем пинерли. Позвал Котика Янулиди, он не может. У него тренировка.

Андрей согласно кивнул, они вышли мимо здания церкви на улицу Леселидзе, дошли до проспекта Мира и свернули налево. Не доходя до парка, который по старой памяти все называли парком Сталина, завернули направо в узкий проход между домами. Здесь, в небольшой закусочной, расположенной

во внутреннем дворике, готовили, пожалуй, самые вкусные в городе пироги с сыром. “Лодочки” или “Аджарские пинерли”.

Заказали два “полуторных”, один из них с яйцом, для Игоря.

Пинерли действительно выпекались в форме лодки, индейской пироги с широкими боками. Внутри выкладывался молодой рассольный сыр, затем, продолжая сравнение, судно упывало на деревянной лопатке в горизонтальную раскаленную дровяную печь, выложенную из кирпича и обмазанную специальным составом. Извлекали пирог, когда пропеченнное тесто становилось местами аппетитно коричневатым, а сыр, расплавившись, покрывался золотистой корочкой. На горячий сыр бросали кубик сливочного масла, он моментально таял и образовывал ароматную, такую же золотистую, как и начинка, лужицу по краям огнедышащей сырной сердцевины. Тем, кто желал, сверху еще разбивали куриное яйцо.

Аромат от стряпни, естественно, распространялся далеко вокруг, по всему кварталу.

Процесс, а вернее, ритуал поедания, требовал специальных знаний, правда, совсем нехитрых.

Следовало, отщипывая куски пропеченного теста от пышных боковин “лодки”, макать их в густую пластичную массу сырной начинки, наворачивая сыр, и только потом отправлять эту благоухающую композицию в рот. Особым смаком было запивать горячие пинерли охлажденным лимонадом.

Местные гурманы знали, что очень важен ритм,

время от первого кусочка, отправленного в рот, до последнего. Пирог не должен был быть обжигающе горячим, но и остывшая сырная начинка теряла во вкусе. Следовательно, процесс должен был быть оптимальным по времени. А потом, согласно ритуалу, можно было позволить себе сигарету с чашечкой ароматного кофе “по-турецки”, но только одну.

Существовал негласный нравственный кодекс посещения именно этой закусочной. Сюда приходили только поесть, полакомиться пирогами. Для застолий или просто обстоятельного общения в городе были предусмотрены другие точки общественного питания. Здесь же требовалось, получив удовольствие, освободить, по возможности быстро, стулья для других, ожидающих “места под солнцем” посетителей. А вернее, места “над солнцем”, так как пирог с яйцом напоминал маленькое, радостно сияющее солнышко.

Горячий кофе после вкусной еды моментально наполнил тело приятным, умиротворяющим теплом. Даже ветер, продолжающий дуть с моря, уже не раздражал так активно, как некоторое время назад, на голодный желудок.

Чтобы заполнить внезапно образовавшийся временной вакуум с пользой, решили заглянуть в городской кино-фотоклуб, к Илье Эрастовичу Шенгелая. Оба увлекались фотографией и были членами клуба. Да и сам Илья был человеком интересным, разносторонним, общение с которым всегда было крайне полезным и приятным делом. Живописец, фотохудожник, журналист, был он великолепным рассказчиком,

в неистощимом воистину запасе которого всегда находились всё новые и новые увлекательные истории.

В клубе постоянно собиралась молодежь, дабы обсудить новые фильмы, идущие в городе, и прочитанные книги. Часто разговор шел о живописи, тем более, что в соседнем с клубом помещении находилась контора Худфонда, куда ежедневно приходили художники. Часто в стенах клуба возникали жаркие, творческие споры и дискуссии по самым разным проблемам.

Андрею очень нравилось здесь бывать. Он любил уютную ауру клуба, напоминающую ему ауру небольшого намоленного храма. Он воспринимал это знаковое место, как одну из территорий свободомыслия в городе. Клуб находился совсем рядом, на улице Фрунзе, всего в одном квартале. Они прошли сквозь парк. Ильи в клубе не оказалось, дверь была заперта.

Ждать, в неведении, смысла не имело. Игорь решил пойти домой. Жил он в селе Яштуха. По меркам маленького города, довольно далеко. Минут сорок пешком. Правда, туда ходил автобус, но крайне редко. Игорь его никогда не ждал.

Андрей же решил навестить отца. Здание института языка и литературы, где работал отец, стояло на набережной, рядом с парком Руставели. Выйдя на Театральную улицу, ведущую к парку, он удивился большому количеству легковых автомобилей, припаркованных с обеих сторон, почти по всей улице. Тем более, судя по всему, все эти авто или большинство из них были “армянские”.

Что это значило? И что такое – “армянский” автомобиль?

Дело в том, что много армян в Абхазии проживало в сельской местности, в том числе в отдаленных селах. Армяне удивительно трудоспособны и трудолюбивы, прекрасно ориентируются и в сельскохозяйственных технологиях и в коммерческих перспективах отдельных видов сельского хозяйства. Цитрусы, лавровый лист, элитный табак – далеко не полный перечень успешно освоенных культур. Армянские села, вернее сами селяне были зажиточны. Почти каждая семья владела автомобилем, что было не таким простым делом в советские времена. Но для крестьян автомобиль был жизненно важен, необходим. Тем более, что с некоторыми дальними селами автобусного сообщения не было. Так что единственным, универсальным транспортом являлась именно автомашина.

Во многих селах не было магазинов и пекарен, поэтому их жители, попадая в город, “затариваясь” всем необходимым, покупали впрок много хлеба, ибо владели секретом его хранения.

Поскольку в автомобилях оптимально использовалась вся полезная площадь, хлеб обычно выкладывали на горизонтальную плоскость между задней спинкой сиденья и стеклом. Именно такие автомобили, с буханками хлеба за задним стеклом и назывались, в шутку, “армянскими”. Вот и сейчас, во многих автомобилях, стоящих вплотную, гуськом, вдоль улицы, та самая площадка перед задним стеклом, была завалена буханками хлеба.

Такое количество жителей армянских сел собирались в городе одновременно, насколько знал Андрей,

только в одном случае. Если в каком-то кинотеатре шел индийский музыкальный фильм. Индийское кино вообще было популярно у южан, но особенно его любили женщины, в данном случае жены, матери, дочери армянских мужчин, вынужденных изредка “уваживать” лишенных развлечений своих “половинок” и привозить их в город, на киносеанс.

Сегодня же ни в одном кинотеатре города индийские фильмы не “кутили”, Андрей это знал точно.

Пройдя в сторону моря по правой стороне улицы, у входа в Драмтеатр обратил внимание на группку отчаянно жестикулирующих мужчин. Они говорили на армянском. Увидев среди них соседа, Робика Давидяна, поздоровался с ним, также на армянском.

— Барев цес, Робик-джан! Здравствуй Робик, дорогой! Что случилось, почему столько машин?

Робик был медлительным, добродушным человеком. Глядя на его улыбающееся лицо, было трудно представить, какой удар судьбы ему пришлось недавно перенести. Так сложилось, что он был по ошибке обвинен в убийстве и приговорен к расстрелу. Апелляция ничего не изменила, приговор оставили в силе. Счет, возможно, шел на дни. Но вмешались Высшие Силы. Случайно задержали настоящего убийцу, дело пересмотрели и Роберта выпустили.

Юного Андрея, помнится, поразил ответ Роберта на вопрос, как же тот смог пройти через столь жестокое испытание.

— Знаешь, Андрюша, в камере я простудился, началось крупозное воспаление легких. Чтобы скорее

излечиться и избежать последствий я бросил курить и стал поглощать огромное количество конфет – «подушечек», смешивая их с маргарином, дабы поддержать организм. Благо маргарин и конфеты я имел право покупать в тюремном ларьке. – Совершенно бесстрастным голосом рассказывал Роберт о своих «приключениях», как будто речь шла о лечении в больнице или санатории.

Все происходило, на самом деле, в камере расстрельного блока, в постоянном ожидании смерти. Такому мужеству и самообладанию можно было позавидовать.

– Понимаешь, Андруш-джан, гастроли армянского театра из Ленинакана. Они здесь второй день. Вчера давали “Аршин-мал-алан”, музыкальную комедию. Сегодня днем – “Ленин в октябре”. Приехали неожиданно, многие наши не знали, да и попасть вчера многие не смогли, мест не хватило. Вот заявились сегодня, а кое-кто и по второму разу. Вот отсюда и машин много.

– Постой, я смотрел фильм “Аршин-мал-алан”, это действительно озорная, смешная история. Да и музыки в ней полно. Но что за кайф смотреть спектакль о Ленине? Даже если он на армянском языке?

– Андрей, ахпер-джан! Друг! Ты психологию армян не знаешь. Хочешь ответ на свой вопрос? Кстати, спектакль скоро закончится, я тебя проведу внутрь. Пойдем, не пожалеешь!

Время свободное было, и заинтригованный Андрей согласился.

Внутри, в зрительном зале, яблоку негде было упасть. Люди стояли в проходах, сидели на ступенях, дети оседлали колени взрослых. В зале царила полнейшая тишина, все напряженно смотрели на сцену. Там актеры в гриме Ленина, Свердлова и еще какого-то персонажа, а как выяснилось, это был революционер Камо, непонятно как попавший в сценарий, что-то эмоционально обсуждали на фоне тревожной музыки из осипшего старого динамика. Действие происходило, судя по декорациям, в Смольном.

Внезапно сбоку отворилась дверь, вошел солдат с винтовкой на плече и что-то громко объявил. Тревожную музыку выключили, товарищ Камо воскликнул – Вай, Ленин-джан, – а товарищ Ленин бархатным грассирующим голосом, патетическим тоном, обращаясь к залу, произнес какую-то фразу, в которой угадывалось слово – Революция. Затем герои с просветленными лицами подошли к краю сцены, ярко освещенному софитами. Пауза... и занавес упал. Еще пауза... и зал взорвался аплодисментами!

Потом занавес подняли и снова опустили, потом снова и снова. И так же восторженно и радостно кланялись залу уже все актеры труппы, заполнившие сцену. Зрители же и не думали расходиться, не переставая громко и ритмично рукоплескать, вызывая артистов на “бис”. Андрея это немного удивило. Зрителям что, хотелось еще раз посмотреть финальную сцену? Опять услышать от Ильича фразу про победившую, очевидно, революцию?

С вопросом в глазах Андрей повернулся к Робику. Но тот, охваченный коллективным порывом чувств,

восторженно уставился на сцену и не замечал ничего вокруг. Радостно хлопая в унисон с залом.

Интрига разрешилась неожиданным и крайне экзотическим образом.

Актер, который играл Ленина, поднял руку, требуя тишины. Зал услужливо затих. Повернувшись к кулисам, актер подал кому-то, невидимому из зала, знак рукой. Сам же переместился к самому краю сцены, над оркестровой ямой. Тут же погасли все софиты, кроме одного, направленного на героя. Что-то щелкнуло в чреве динамика, и неожиданно из него полилась музыка. Совсем не та тревожная, что создавала звуковой фон в финальной сцене спектакля.

Нет, эта знакомая восточная мелодия звучала ма-жорно и немного озорно. Честно говоря, она была совсем не к месту после столь патетического спектакля.

Но, как оказалось, это были “ягодки”. Полным шоком для Андрея оказалось то, что произошло через несколько секунд.

Главный герой игриво, даже кокетливо, театрально закатил глаза, что совершенно не вязалось с образом вождя мирового пролетариата, и... запел партию Аскера из оперетты “Аршин-мал-алан”!!!

Да, да, актер в гриме Владимира Ильича Ленина пел, причем высоким голосом, почти фальцетом песенку из легкомысленной оперетки. Немного подражая певцу Рашиду Бейбутову, сыгравшего роль Аскера в популярном фильме, поставленному по мотивам той самой оперетты. Войдя в новый образ, местечкового богача, переодевшегося в торговца тканями, за-

был о гриме, поводил, якобы танцуя, бедрами и жеманно жестикулировал руками.

Что творилось в зале потом, описать было невозможно. Терпение людей было вознаграждено! Справедливость восторжествовала! Значит, не зря они сидели два часа в душном, переполненном зале, глядя на скучные сцены из жизни вождей революции, придуманные спустя десятилетия ушлыми драматургами.

И можно было только догадываться, каким бальзамом для их ушей и душ была долгожданная, выстраданная и потому особенно ценная сегодня песенка из любимого фильма. Спетая вживую! Зрители смеялись и плакали, обнимали друг друга и дружно швыряли в сторону сцены, скатанные в шарики денежные купюры.

Андрей с трудом приходил в себя. Конечно, в маленьком, интернациональном городе, где высоко ценилось чувство юмора и где всякие смешные события, розыгрыши и “приколы” моментально становились достоянием “широкой общественности” и живо обсуждались во всех кофейнях, жителей было трудно чем – либо удивить. Но такое!!!

Чтобы сам Владимир Ильич Ленин, вождь мирового пролетариата, пел с театральной сцены фривольные песенки! Да еще за деньги, если говорить о скатанных в шарики купюрах!

Андрея прошиб холодный пот только от мысли, что скоро этот факт будет известен в партийных органах. Да и не только в партийных!

Ладно, решил он, спрячу этот фантастический спектакль в дальнюю ячейку памяти и сохранию для потомков.

Помахал рукой Роберту и вышел из театра на набережную.

Отца в институте не оказалось. У входа Андрей встретил Шалву Денисовича Инал-ипа, папиного шефа и тот сказал, что отец уехал в Цебельду, к археологам и вернется, в лучшем случае вечером.

— Маме я уже звонил на работу, — успокоил Шалва Денисович. — Так что не волнуйся и ты.

Итак, родителей дома нет, я не голоден и всего-то середина дня. Улицы продолжает продувать ветер, гулять в такую погоду совершенно некомфортно.

Пойду в Академию, решил Андрей.

Было неизвестно, какой умник предложил назвать Академией единственную городскую бильярдную. И когда. Кажется, она называлась так всегда. И если вдуматься, какой-то магический смысл в этом названии был. Бильярдная располагалась на первом этаже двухэтажного жилого дома старинной постройки, начала века, рядом с управлением морского порта. Раньше, до революции, там был отель, кажется “Бристоль”. Принадлежал он местным грекам, купцам. И можно было только догадываться, судя по архитектуре, каким он был внутри.

Сейчас же помещение бильярдной выглядело удручающее.

Большой зал с высокими потолками, стены, крашенные на уровень человеческого роста масляной краской серо-зеленого цвета, выше которой стены и потолок были, когда-то, побелены известкой. И возможно цвет этой самой известковой смеси был изначально белым, ну, или почти белым. Сейчас стены и потолок были грязны, покрыты застарелыми подтеками и закопчены, местами до черноты, папиросным дымом. Вкупе с затоптанными бетонными полами, интерьер бильярдной представлялся крайне убогим, явно не вызывавшим приятных эмоций.

Плюс спертый воздух, холод зимой и духота летом и постоянная вонь из туалета, который если и мыли, то крайне редко, и двери в который не закрывались никогда.

В помещении стояло несколько бильярдных столов, освещаемых тусклым светом металлических светильников, подвешенных к потолку, вдоль стен по периметру были установлены деревянные лавки. Еще на одной из стен висело объявление, написанное крупными, видимыми издалека буквами, гласившее, что лицам моложе девятнадцати лет запрещено находится в бильярдной. И ровным счетом никто не мог объяснить, откуда, из каких правил и инструкций появилась на свет эта странная возрастная планка.

Паспорта, а вместе с ними и право голосовать, граждане СССР получали в шестнадцать лет. В Советскую армию призывали в восемнадцать. Почему же играть в бильярд разрешалось с девятнадцати?

Не знали этого и оба маркера, работавших посменно, дядя Костя и Гиви.

Дядя Костя был пожилым, неулыбчивым и язвительным человеком. К тому же был он подвержен частой смене настроений. Находясь в плохом расположении духа, не пускал в помещение подростков, то есть “несовершеннобильярдолетних”. В хорошем же настроении делал вид, что не замечает их присутствия в зале, а иногда, о радость, даже разрешал покатать шары.

Второму маркеру, Гиви, было лет тридцать. Улыбчивый и добрый, был он полной противоположностью дяди Кости. Вел себя с “мелкотой” как с равными, никогда не отказывая в просьбе поиграть.

Среди большей части населения Академия пользовалась дурной славой.

Как маленьких детей иногда пугали дядей милиционером, так и многих подростков родители “пугали” бильярдной, называя ее “кriminalной клоакой” города, местом сорища маргиналов. И доля правды в подобных рассуждениях, безусловно, была. Хотя, на самом деле, ситуация с Академией была гораздо сложней и многогранней.

Академия была, безусловно, местом знаковым, занимающим особую, специфическую нишу в экзотической и живописной субкультуре интернационального приморского города. Популярность ее напоминала, в некотором смысле, популярность купринского “Гамбринуса”. Только собирался народ в Академию не ради виртуоза-скрипача Саши.

А народ собирался очень и очень разный. Бывали там, конечно, и откровенные маргиналы, представите-

ли преступного мира, редкие алкоголики и наркоманы, коих, кстати, в городе было совсем немного. Алкоголизм, как явление, как болезнь, был некоторым нонсенсом в краю высокой культуры виноделия и винопития, поэтому редкие, известные всему городу “выпивохи” были, пожалуй, исключением из общих правил.

То же касалось и наркоманов. Нерегулярное баловство гашишем, “планом”, вообще не считалось наркоманией. Несколько молодых горожан “сидели на каликах”. Так называли увлечение кодеином. Во всех аптеках, без рецептов, продавались таблетки кодеина, с содой или сахаром. И стоили они всего четыре копейки за пачку. Для разового путешествия в “нирвану” требовалось две пачки лекарства. Таблетки эти имели и “ побочный эффект”. Организм человека не всегда принимал выпитое лекарство. И частенько исторгал его вместе с содержимым желудка. Наблюдение за процессом подобных очищений явно не способствовало популярности “каликов” в молодежной среде.

Что же касается серьезных наркотиков, то в городе были четыре человека, известные всем и называемые “морфинистами”. Всего четыре, и это притом, что за получить морфин не представляло никаких проблем.

Андрею пришлось как-то давно, совсем мальчишкой выступить в роли посыльного одного из этой четверки.

В те годы в медицинских заведениях города не хватало бланков лекарственных рецептов. Врачам приходилось порой использовать любую бумагу,

оказавшуюся под рукой, от писчей, плохого качества, до тетрадных листов, в “клеточку” или “косую полосочку”. Очевидно, и со специальной штемпельной краской тоже наблюдались проблемы, ибо для печатей и штампов использовали обычные чернила.

В тот день, помнится, Андрей шел, после школы, через парк Ленина. Его окликнули. Кто-то из группы мужчин, сидящих на скамье. Подойдя поближе, он узнал того, кто его окликнул. Как раз один из тех, четырех морфинистов.

– Братишка, ты идешь из школы? – задал вопрос мужчина.

Андрей утвердительно кивнул.

– Ну и прекрасно! – Продолжал собеседник. – Листок бумаги найдешь? Сгодится и тетрадный лист.

Андрей снова кивнул.

– Как я понимаю, у тебя с собой и чернильница?

– Да, дядя, и чернильница есть, – ответил Андрей.

– Прекрасно, давай.

Получив то, что просил, мужчина аккуратно вырвал лист из тетради и обмакнул деревянную ручку с металлическим пером № 1 на конце, в стеклянную чернильницу-невыливайку, коей пользовались все школьники, ибо шариковых ручек тогда не было, а перьевыми авторучками пользоваться ученикам было запрещено.

Потом он стал старательно выводить на листе непонятный текст латинскими буквами. Андрей, из любопытства внимательно прочел написанное и запомнил многое. Это был текст рецепта и в нем, в частности были слова ...” солюцио морпхи муриа-

тици 2% 15 мг". Ну, или что-то очень похожее по звучанию, на слух.

Далее "доктор" так же старательно обвел чернильницу по окружности чернилами и, приложив ее к листу бумаги, отпечатал нечеткий круг. Это было имитацией печати.

Тщательно очистив чернильницу, вернул ее вместе с тетрадью и ручкой Андрею. Вынув из кармана бумажный рубль, протянул со словами – Не в службу, а в дружбу, братишка, сбегай в аптеку, возьми лекарство. А то мне худо. Сдачу оставь себе, на мороженое.

Центральная аптека была совсем рядом. Сунув в окошко провизора фальшивый, топорно изготовленный "рецепт", Андрей со страхом пытался угадать, выгонят ли его из аптеки сразу, просто так, или вызовут милицию, благо она всего в двух кварталах. Провизор, полная темноволосая женщина, улыбнулась и протянула руку за рецептом. Андрей знал ее, это была мама его одноклассницы, Милы. Она взглянула на рецепт, попросила подождать и ушла вглубь помещения.

– Ну вот! – с ужасом подумал Андрей. – Подождать! Значит, вызовут милицию.

Но пока он боролся со страхом и придумывал, что скажет оперативникам, женщина опять появилась за стеклом рецептурного отдела. Снова улыбнулась и поманила рукой. И когда Андрей, на ватных от страха ногах подошел, наконец, к окошку, вручила ему теплый флакончик из толстого стекла, с притертой, как у графина, круглой, стеклянной же пробкой. Флакон

был до половины заполнен бесцветной жидкостью, которая и была морфином.

Итак, вопрос. А что для меня, школьника, есть Академия? Почему меня туда влечет?

Об этом Андрей иногда спрашивал себя сам, ибо, в отличие от других, его родители никогда не пользовались “страшилками” в общении с сыном. Они воспитывали его разумно, ненавязчиво, выводя тактично на исторические примеры либо на судьбы реальных людей, к которым Андрей относился почтительно а, порой, с восхищением. И тем самым давая сыну возможность самому отделять добро от зла, порядочность и мужество от пустой бравады, истинную красоту поведения от шелухи “сезонной” моды. К чему бы это не относилось. К увлечению литературой и историей, либо к неконтролируемому употреблению ненормативной лексики. К романтическим отношениям с девушками или к непристойным шуткам и анекдотам. Представлениям об идеале мужчины, как о сильном, волевом, бесстрашном и справедливом интеллигенте как альтернативе накаченному культисту, драчуну, матерщиннику и ловчиле.

Андрею хотелось думать, что жизненный выбор его, в целом, правилен, разумен и справедлив.

Так что же с Академией?

Конечно же, в бильярдную приходили играть на бильярде, и славилась она, в первую очередь, городскими игроками экстра-класса, виртуозами кия. Андрею самому очень нравилось играть. И он с ра-

достью пользовался возможностью “покатать шары”, как говорили в шутку. Он также с удовольствием наблюдал за игрой профессионалов, мастеров или асов, как их называли.

Но, возможно, более важной причиной визитов в Академию являлось то, что по складу своего характера Андрей был “ловцом человеков”. Не в мистическом смысле пленения душ по заданиям неких потусторонних сил. А в плоскости познавательной, прикладной, можно сказать. Ему очень нравилось изучать людей, их характеры, психологию, эмоциональность. Внешний вид, прически, отношение к одежде, манеры поведения и речи. Сравнивать, анализировать, давать оценки. Описывать индивидуумов, наконец.

Он стеснялся этого своего тайного увлечения и никому не показывал свои записи, наброски наблюдений и исследований, скрывая их даже от родителей, отношения с которыми, особенно с отцом, всегда были доверительными и дружескими.

Но как раз Академия и была для молодого исследователя универсальным и незаменимым полигоном, публичной библиотекой, выставочным залом, архивом, фантасмагорическим паноптикумом уникальных человеческих личностей. Доступных для наблюдения, изучения и описания.

И в этом смысле магия слова – Академия – была для Андрея понятной и объяснимой.

Он и сейчас, как всегда, подходил к входу в бильярдную, с какой-то легкой внутренней дрожью. Очевидно, нечто похожее начинает испытывать охот-

ник, приближаясь к предполагаемому лежбищу зверя. Что-то среднее между любопытством, азартом и тревогой.

Компонент тревоги мог присутствовать в подсознании, ибо не только часть горожан считала бильярдную местом возможного посещения криминальными и деклассированными элементами. Так думали и в городской милиции. И периодически устраивали в бильярдной облавы. С последующей фильтрацией “урова”.

Андрей уже попадал в подобные облавы. Трижды.

В первый раз милицейской группой командовал седой офицер в погонах подполковника. Услышав фамилию, спросил – не сын ли он Дениса Константиновича. Услышав утвердительный ответ, молча указал Андрею на дверь.

Дома, услышав рассказ сына о происшествии, отец улыбнулся.

– Это был Саркис Гарегинович Казарян, мой фронтовой товарищ.

Во второй раз Андрея “отмазал” совсем незнакомый, по сути, человек. Этот молодой еще мужчина, говоривший на русском без акцента, уже несколько раз заходил в бильярдную. Был он доброжелательным и улыбчивым. Сам не играл, но живо интересовался теорией бильярда, знакомился с игроками и “болельщиками”.

Многие санатории и дома отдыха работали круглый год, поэтому отдыхающих в Абхазии и зимой было немало. Кто-то заходил в Академию целенап-

правленно, поиграть, ибо бильярдные столы были не во всех здравницах, а чаще случайно, и эти визиты были делом привычным для завсегдатаев. Вот и очередного незнамка все приняли за зимнего “курортника”. В момент прихода милиционеров он сидел на лавке рядом с Андреем и живо рассказывал экзотическую историю из жизни моряков дальнего плаванья.

Действия “хранителей закона” в этот раз напоминали почти войсковую операцию по захвату бандитской “малины” из детективных кинофильмов. Или, скорее, шумную буффонаду с выкриками – Руки вверх, оружие к бою, сопротивление бесполезно – и всё в таком же духе. Во главе внезапно ворвавшегося в помещение шумного милицейского воинства пребывал офицер угрозыска, недавно переведенный на службу из Восточной Грузии. Андрей не знал его фамилии, но знал в лицо. Оперативник был молодым, шумным, грубым и чрезмерно самонадеянным.

Вот и сейчас, держа руку на кобуре, скомандовав своим подчиненным, какие позиции нужно занять внутри зала, громогласно объявил, что применит оружие при малейшем сопротивлении. Интересно, собирался ли кто-нибудь из игроков или посетителей, в принципе, сопротивляться? Чему и каким образом?

Рутинной проверки документов, обязательной в подобных случаях, не было, ибо горожане никогда не носили с собой паспортов и в милиции это прекрасно знали. Молодой оперативник прохаживался вокруг бильярдных столов и лавок, вглядываясь в лица, иногда задавал кому-то короткие вопросы,

потом, руководствуясь только ему понятными соображениями, вскидывал театральным жестом руку, указывая на конкретных людей. Отмеченных таким образом “приглашали” в выходу, где стояли два автобуса для задержанных.

Офицер прошел мимо, затем внезапно остановился, вернулся назад и указал на Андрея. Новый знакомый юноши его не заинтересовал. Но именно тот отреагировал на ситуацию и, прокашлявшись, произнес:

– Извините, товарищ, не знаю Вашего звания, разрешите вопрос. Мальчик-то Вам зачем? Разве по нему не видно, что он не представляет интереса?

Оперативник посмотрел на мужчину таким удивленным взглядом, каким посмотрел бы, наверное, на приблудившегося пса, спавшего обычно в углу помещения. Если бы именно пес вдруг задал бы этот вопрос, заговорив внезапно на человеческом языке.

– А ти что, на свой задницу приключения ищешь? Сейчас же палучишь! Или я что, на свой действия всякому ханыге рапорт делать буду?

Подозвав жестом ближайшего милиционера, указал на “курортника” и громогласно скомандовал: – Этот тоже заберите!

Однако милиционер, не выполняя приказа, наклонился к “старшему” и что-то прошептал ему на ухо. Оперативник изменился в лице. Самонадеянность уступила место подобострастной и извиняющейся улыбке.

– Извините, пажалуйста, таварищ, но пачему сразу не сказали что и ви опицер милиции.

Приложив ладонь к воображаемой фуражке, от-

дал честь и тут же приказал группе сворачиваться. И через несколько секунд исчез из Академии, оставив “раскрытоого” коллегу и “обалдевших” свидетелей такого вопиющего “прокола”.

Оперативник вскоре был переведен в другой город, ну а расшифрованный “курортник” перешел из милицейской разведки в городской отдел, где возглавил кинологическую службу.

Андрей иногда встречал его в городе, пешком или в “трофейном” немецком кабриолете военных времен, всегда в компании двух породистых европейских овчарок. Служебных, надо полагать. Звали офицера – Борис Шапиро.

(Забегая вперед, надо сказать, что достаточно скоро он стал человеком известным всему городу. Андрей слышал, впоследствии, о нем разное. Кто-то говорил с уважением и теплотой в голосе. Другие, наоборот, с ненавистью. Дальний родственник Андрея, Юра П-и, находясь “под мухой”, частенько грозился раскроить Шапиро голову. Причем именно металлической мусорной урной. Уже когда Андрей жил в Москве, до него дошел слух, что Юра таки воплотил в жизнь безумную свою угрозу и стукнул милиционера по голове контейнером от уличной урны. За что его, естественно, посадили.)

Когда закончилась эпоха “четырех морфинистов”, город захлестнула волна наркомании. Получить морфин в аптеке было уже невозможно, поэтому стали входить в обиход эрзац-препараты, изготовленные из опия кустарным способом. Достать их в городе

было очень сложно, тем более, что обеспокоенное государство попыталось реально бороться с напастью. Шапиро возглавил только что созданный отдел по борьбе с наркоманией. Согласно республиканскому законодательству, уголовному преследованию подвергались не только торговцы зельем, но и потребители, то есть сами наркоманы.

Новый начальник отдела прослыл, как энергичный и знающий свое дело. Как жесткий, неподкупный и бескомпромиссный человек. Однако Андрей хорошо запомнил рассказалую с юмором, бывшим наркоманом, историю, связанную с Шапиро.

— Третий день я в “ломках”. Ширева, то есть лекарства, в городе нет. И вдруг — благая весть, у одного барыги появилась опиюха. Занимаю бабки, беру у барыги дозу и быстро домой. Руки трясутся, в башке одна только мысль — “вмазаться”, дождаться “прихода” и уплыть от “ломок”, которые выворачивают суставы и “сносят крышу”.

Дверь в квартиру, конечно, забываю закрыть. Заварил я, значит, опиюху, заполнил “баян”, то есть шприц, затянул жгутом руку и пытаюсь иглой найти под кожей хоть какую-нибудь дохленькую вену. Увлекся, даже вспотел. Слышу вдруг, дверь входная петлями своими несмазанными скрепит. Поднимаю глаза, а в комнате Борис Романович Шапиро стоит с двумя своими “архангелами”. Ну что, думаю, свинтят сейчас меня. На удовольствие мне плевать. Но ломок то я так и не снял. Значит, помру за милую душу в КПЗ. Думаю так и смотрю Борису прямо в глаза. И знаешь, Андрей, а он же мужик на все сто! Сказал

мне, что они с ребятами покурить пойдут и чтобы я его потом сам позвал.

Ну что, подумалось Андрею, не может, в конце концов, человек, работающий в милиции, быть для всех одинаково хорошим или плохим.

Сам он встретился с Шапиро много лет спустя. Тот возглавлял отдел милиции сухумского порта. Встретились случайно, на набережной. Вечер стоял теплый, но сырой. Периодически начинался моросящий дождь. В общем, погода к прогулкам не располагала, хотя друзья Андрея, приехавшие вместе с ним из Москвы, сидеть дома не были настроены.

Борис Андрея узнал и обрадовался. Поспрашивал, как принято, “за жизнь”. Моментально оценил ситуацию и предложил: – Ребята, сейчас к причалу пришвартуется большой круизный корабль “Михаил Лермонтов”. Там прекрасные бары европейского уровня. Стоять он будет три часа. Пойдемте, я проповеду вас внутрь. Только не увлекайтесь и не уплывите на нем.

Но как раз увлеклись! И вспомнили о предупреждении, когда корабль уже на приличной скорости шел в сторону Батуми.

Вот так с подачи Бориса Шапиро, Андрей и его друзья побывали в Батуме, посмотрели город и следующей ночью вернулись назад.

Так что Андрей вспоминал всегда о Борисе Романовиче Шапиро с чувством искренней благодарности.

Третий по счету факт общения с милицией включал в себя бесплатную поездку, за счет государства,

в автобусе, от Академии до городского отдела, на улицу Ленина.

В этот жаркий летний день, видимо, в городе произошло нечто из ряда вон выходящее, в смысле криминальных происшествий. Либо, и это было, по мнению многих, более реальной причиной облав, проводилась некая широкомасштабная профилактическая операция. Возможной причины ее никто не знал, но, учитывая спокойную, в целом, обстановку в городе, предположения “крутились” вокруг одной мысли – ждут приезда высоких гостей, скорее всего – самого Никиты Хрущева.

Хрущеву Абхазия нравилась, он часто здесь отдыхал и привозил иностранных лидеров. Андрею посчастливилось “вживую”, вблизи наблюдать Фиделя Кастро, Шахиншаха Ирана Реза Пехлеви с красавицей супругой, и, кажется, Президента Индонезии Сукарно.

Так или иначе, но масштабы “операции” были впечатляющи. Каждые полчаса автобусы привозили все новых и новых задержанных с железнодорожного вокзала, района Маяк, с центрального городского пляжа. И скоро во внутреннем дворе горотдела, где собирали привезенных, негде было яблоку упасть. Под жаркими лучами солнца, между пребывающими в неведении задержанными, по двору деловито сновали сотрудники милиции, с блокнотами в руках, проводя опросы, фиксируя фамилии и анкетные данные. Весь “цвет” городской милиции, ее руководство, были в этом задействованы, что подчеркивало важность мероприятия.

Командовал “парадом”, как и полагалось, начальник городского отдела Джолия. Как и многие другие сотрудники, был он в “гражданской” одежде. Светлые, песочного цвета брюки, шелковая, в тон брюк “тенниска”, и открытые босоножки из плетеной кожи. Модная, со вкусом подобранные одежда, вкупе с интеллигентным лицом и уютным животиком состоятельный буржуа, резко диссонировала с пистолетом, закрепленном на поясе в полуоткрытой кожаной кобуре желтого цвета.

Андрей сам себе задал вопрос – ходит ли начальник милиции в таком виде, с этой кобурой по городу? Естественно, озвучивать вопрос не стал.

Были здесь и многие сотрудники угрозыска.

Рослый, со спортивной фигурой, сдержаненный, слегка медлительный Алик Цквитария. Энергичный, шумный оперативник – Гугун Пацация, гроза местных карманников, прозванный острыми на язык горожанами “вечным майором”. Звание это он получил давно, как внеочередное, за особые заслуги на пострище искоренения преступности в городе. Нужно отдать должное, уголовный розыск в те годы работал достаточно эффективно. Пацация говорил по-русски бегло, но с сильным мегрельским акцентом. Фразы, а вернее, словесные композиции или конструкции, которые он порой создавал в общении, получались очень “живописными”. И острыми, учитывая природную живость его ума.

Так что, в силу местных особенностей, при высоком градусе общегородского “корпоративного” чувства юмора, перлы майора растаскивались на цитаты

и использовались при конструировании более совершенных и изощренных текстовых сюжетов. Шпана, которую он гонял и которая его побаивалась, таким образом, беззлобно ему мстила.

Позже приехал министр МВД Платон Аршба. Зашел во внутренний двор, посмотрел на задержанных и удалился в дежурную часть. Вслед за ним потянулись и остальные офицеры. Во дворе остался один оперативник, недавно появившийся в городе, доброжелательный и улыбчивый, по имени Бибико. (А может, это было прозвище).

Он тоже ходил по двору, записывая данные в толстую тетрадь, при этом перекидываясь шутками с теми, кого опрашивал, не объясняя, впрочем, в чем же дело.

– Что-то серьезное происходит, наверное! – подумал Андрей.

Позже во двор вернулись и остальные сотрудники. Когда опросы завершились, офицеры ушли. Наступила пауза. Солнце переместилось за крышу, во дворе стало прохладней. В углу был кран, дежурный принес пол-литровую банку из-под компота. Она тут же пошла по рукам. И хоть пить хотелось невыносимо, Андрей так и не решился воспользоваться банкой.

Возможно, жажда добила бы его, в конце концов. И заставила бы пить из банки. Но тут во дворе вновь появился Бибико с листком бумаги в руках. Назвав несколько фамилий, помахал рукой, приглашая к выходу. Андрей тоже оказался в списке. Пропустив

группу вперед, Бибико, ничего не объясняя, провел всех через помещение дежурной части, отпер наружную дверь и выпустил наружу.

Так закончилось третье приключение Андрея, связанное с бильярдной.

– Третье путешествие Синдбада! – шутил потом отец. – И нужно оно тебе? А почему, кстати, ты не сказал им, что твой дядя Арвелод не последнее лицо в МВД? Хочешь решать свои проблемы самолично? Ну, что же, это заслуживает уважения!

Из дверей Академии пахнуло знакомым букетом запахов. Андрей вошел внутрь, по привычке поздоровался и присел на лавку недалеко от входа.

За ближайшим столом играл постоянный посетитель Академии, бильярдист экстра-класса, Лаврик Зухба. Натирая мелком кий, улыбнулся Андрею и, помахав рукой, снова склонился над зеленым сукном бильярдного стола.

Своим видом Лаврик явно контрастировал со всем, что его сейчас окружало.

Как всегда, чисто выбритый, со вкусом одетый. Стройный, высокий, обладатель спортивной фигуры, он притягивал восхищенные взгляды окружающих.

Оценивая внешний вид подобного человека, было не так важно отметить, во что он одет. Здесь больше подходило определение – КАК он выглядит, как одет, вернее, как смотрится на нем одежда, как держится, как общается с людьми. В этом смысле Лаврик был безупречен. Идеально выглаженный костюм, обязательные “стрелки” на брюках, всегда, даже в плохую

погоду, вычищенные до блеска туфли. И с манерами общения всё в порядке.

Прекрасно воспитанный, доброжелательный и внимательный. Но одновременно эмоциональный и взрывной. Бывший боксер, обладал он великолепной реакцией, поведением, движениями своими, напоминая большую кошку, ягуара или леопарда. Мягкие, неслышные, медлительные порой, движения эти скрывали на самом деле что-то вроде скрученной пружины. Которая готова была распрямиться, сверкнув подобно молнии, в долю секунды.

Таким он был в повседневной жизни. И таким же – в игре на бильярде.

Было удовольствием наблюдать, как прохаживается он своей медлительной кошачьей походкой, с кием в руках, вокруг стола, выискивая и продумывая позицию для удара. Единственно верную позицию, как правило. Как грациозно выгибает спину, примеряясь, зрительно просчитывая расстояние от шара до шара, траекторию и силу удара. Как, не сговариваясь, замолкают остальные игроки и “болельщики”.

И как в наступившей тишине, с коротким треском, вдруг распрямляется та самая загадочная пружина. Щелчок, характерный звук ударяющихся друг о друга шаров из слоновой кости... И восторженный гул присутствующих!

А маркер бесстрастно вынимает из лузы очередной шар и выставляет его на полочку Лаврика.

Был у того свой собственный, персональный кий, подаренный приезжим бильярдистом. Одессит гостил в городе, у своего однополчанина, изъявил желания

ние поиграть, был приведен в Академию, где испытал на первых порах шок от увиденного.

Потом его познакомили с Лавриком, они стали играть и, через короткое время чувство шока сменилось у гостя чувством восторга и восхищения.

Теперь он приходил в Академию каждый день, дабы сразиться с Лавриком в какие-то мудреные, сложные бильярдные игры, которые тот обожал и которые знал в Сухуми только он, Лаврик Зухба. Уезжая, подарил благодарный гость своему новому другу и достойному партнеру по бильярду уникальный кий.

Подобные экземпляры ценились в среде специалистов почти как скрипки Страдивари или Амати. Изготовлен кий был вручную, из какого-то ценного экзотического дерева. Хранился он в специальном декоративном футляре, изготовленного также из ценного дерева и металла. Для этого чудо-кия в Академии соорудили специальный застекленный стеллаж, где он и был выставлен, на радость посетителей. Когда не был в игре.

Сейчас Лаврик играл с новым, незнакомым партнером, на столе без луз. И еще на столе были выставлены вертикальные фигурки, так называемые фишки. Следовательно, игра опять была сложней привычных “пирамид” и “американок”.

Андрей немного разбирался в теории бильярдных игр. Прислушиваясь к коротким специфическим терминам, доносившимся от стола, определил: играют в одну из разновидностей карамболя. Ибо фразы – “эффе в правый угол”, или, к примеру: – “Своим по чужому. Своим, от одного борта. Чужим по фиш-

кам"… были характерны только для игры в карамболь.

Партнером Лаврика был рослый блондин, под стать сопернику, одетый в прекрасно сшитый двубортный костюм песочного цвета. И класс игры, судя по всему, тоже соответствовал уровню Лаврика.

– Какой-то залетный игрок, – решил Андрей. – Командировочный или военный из санатория МВО.

Однако, когда турнир закончился, причем победой блондина, Лаврик представил того окружающим.

– Прошу любить и жаловать, это мой двоюродный брат, Астамур. Он инженер-нефтяник, работает на месторождении в Западной Сибири. Удивленные посетители выразили свой восторг аплодисментами. В них читались уважение к высочайшему искусству игроков и радость, что элегантный незнакомец оказался "своим", хоть и жил сейчас в очень далекой, холодной части обширного нашего Отечества.

Андрей внезапно поймал себя на мысли, что часто поглядывает на дверь, в надежде увидеть в проеме знакомый силуэт человека, к которому относился крайне трогательно, с теплом и обожанием. И не только он. Встреча с которым была всегда маленьким праздником.

Но возникшая где-то внутри сознания грусть моментально стерла улыбку с лица и увлажнила глаза. Тот, о ком Андрей сейчас подумал, Матута Отырба, совсем недавно трагически и нелепо ушел из жизни.

Согласно официальной версии следствия, находясь в спортивном тире ДОСААФ, он выстре-

лил из пистолета себе в голову. Этот факт сомнения не вызывал. Вопрос был в другом. На самом ли деле самоубийца сам хладнокровно приложил дуло к виску и спустил курок? Ведь никто не мог назвать причину, которая заставила бы образованного, веселого и энергичного человека принять такое ужасное решение. А может, произошла некая необъяснимая трагическая ошибка? Неисправность оружия, например. Или резкий спазм, судорога мышцы. И пистолет выстрелил непроизвольно?

В принципе, теперь это было уже неважно для Андрея. Важно было то, что он реально лишился праздников общения с человеком, замены которому, пожалуй, в городе не было.

Матута был, на самом деле, фигурой знаковой, известной всему городу. Учась в местном педагогическом институте, кажется, на историка, он давно перерос уровень многих студентов, да и преподавателей порой мог “положить на обе лопатки” своим качественным и универсальным запасом знаний, интеллектом, логикой и неуемной энергией.

Он вечно куда-то спешил: то в архив, то в институт языка и литературы, то в библиотеку. И всегда был “нагружен” книгами, газетами, архивными папками. Трудно сказать, как выкраивал он время, чтобы не просто все это прочитывать, но анализировать и серьезно работать с материалом. Тем более что любил он обсуждать “добытую” интересную информацию с друзьями. И надолго, порой, затягивались эти обсуждения, возникая неожиданно, в самых разных

местах: в холле института, в кофейне, на пляже или в бильярдной. Перерастая часто в жаркие дискуссии.

При этом он успевал посещать все театральные премьеры, концерты и новые фильмы. Человек такой мощной, притягивающей к нему энергетики, энциклопедической грамотности и тонкого чувства юмора, естественно, пользовался вниманием женщин. И надо сказать, аскетом он не был и это внимание часто не отвергал. И женат он был дважды. Второй раз совсем недавно, на юной красавице Аде.

Были у Матуты еще увлечения: он с удовольствием и азартом играл на бильярде. Правда, не в такие “мудренные” игры, как Лаврик Зухба, а в обычную “пирамиду”.

А также позволял себе изредка папироску с анашей. Считая, что расслабляющее действие “плана” уравновешивает, в определенной степени, хоть и на время, бешеный ритм его жизни.

Матута был прекрасным рассказчиком. Часто, поиграв на бильярде, он предлагал друзьям прогуляться по набережной. Если позволяла погода.

Андрей был обычно в числе первых, кто с радостью соглашался, ибо каждая такая прогулка предполагала интереснейшие пересказы Матутой самых разных, но всегда захватывающих и уникальных историй, экскурсов в прошлое, в историю человечества и родной страны. А историй этих самых знал он такое множество, что порой у слушателей захватывало дух. И возникал вопрос – а есть что-либо, чего не знает Матута?

Андрей понимал, что во время этих прогулок формируется некая нравственная и интеллектуальная

база в сознании тех, кто общался с Матутой, кто восторженно внимал его словам и впитывал каждое слово, произнесенное уникальным этим человеком. Всех, кто находился в тот момент под влиянием мощной и доброй его энергетики. Тем более что любая информация, исходившая от Матуты, будь то философские размышления, разговоры о литературе, поэзии или фольклорные легенды, и даже анекдоты, все излагалось и воспринималось через живую призму интеллекта и нравственности, отличного знания предмета, владения литературным языком. И чувства юмора.

В этих удивительных литературно-исторических прогулках по набережной Матуту часто сопровождали и дополняли как рассказчики, интеллектуалы и книголюбы – Алик Бгажба и Миша Джинчарадзе, по прозвищу “Карась”.

И хотя дома была прекрасная библиотека, собранная отцом, но таких авторов, как Хемингуэй, Сароян, Сэлинджер и Сартр, Андрей узнал благодаря своеобразному “литературно-историческому” клубу Матуты и его друзей. А еще ему дали почитать вообще удивительные книги, которые нигде нельзя было достать. К примеру, рассказы Бабеля, изданные в двадцатые годы без купор, или привезенные из-за рубежа – парижское издание “Альманах поэзии Серебряного века”, когда ошеломляющим открытием для него стали стихи Цветаевой, Гумилева, Мандельштама, и “Доктор Живаго” Пастернака.

Последние месяцы перед гибелью Матуты, в его окружении появился необычный человек, некто Эдик,

по прозвищу “Космос”. Андрей знал его и раньше, когда у того еще не было столь необычного прозвища.

Эдик жил в Риге, служил, с его слов, в торговом флоте. Так или иначе, но он очень живо, даже образно рассказывал о невероятных приключениях моряков в разных экзотических странах, причем от первого лица, что делало многочисленные эти истории совершенно правдоподобными.

Сначала он наезжал в Сухуми летом, как обычный отыхающий, ненадолго. Потом стал “зависать” на месяцы. Живой в общении, коммуникабельный, подвижный, модно одетый, всегда чисто выбритый, постриженный, как янки, в стиле “Крокет”, Эдик производил приятное впечатление и притягивал людей. Андрей познакомился с ним в кофейне на набережной, где Эдик часто развлекал посетителей своими рассказами на “колониальную” тему. Ему очень нравился кофе “по-восточному”, который мастерски готовили репатрианты-армяне. Иногда, в дополнение к ароматному напитку, по кругу пускали “план”, папирус с анашей.

И анаша очень нравилась рижанину.

Он тепло относился к Андрею, они часто гуляли по набережной. И Андрей с упоением слушал истории о дальних странах, пальмах, секвойях и вековых норвежских соснах над величественными фиордами. О пабах Ирландии, где пьют какой-то черный эль, кубинских танцорах-румбера, гибких темнокожих красавицах из таверн Кейптауна.

Потом Эдик неожиданно исчез. Не было его в Абхазии, пожалуй, года два.

И вдруг кто-то из завсегдатаев Академии спрашивает:

– А ты, Андрей, “Космоса” видел?

– Если имеешь в виду Космос как звездное пространство, то, конечно видел. На фотоснимках, в журналах, книгах и в кино. Да и ночами порой заглядываюсь на небо. А если речь идет о человеке, у меня нет знакомых с таким именем, фамилией или прозвищем.

– Да как же нет? Это Эдик, рижанин. У него теперь кликуха такая. И ты его не узнаешь, когда встретишь. Он “погнал”, сошел, видимо, с ума, вечно несет разную чушь про космос, отсюда и кличка. Оброс весь, носит с собой чью-то фотографию. И с ней постоянно разговаривает. Не знаю точно чью, но какого-то мингрельца, потому что фамилия мингрельская, вроде Маганджия, что ли? А живет он у Матуты. Да вот же они, легкие на помине.

Вслед за Матутой в бильярдную вошел человек странного обличья. В мешковатом костюме, явно с чужого плеча, и толстом шерстяном свитере “под горло”. С длинными, бесцветными, но аккуратно расчесанными волосами. И с бесцветной же редкой бороденкой. И что еще было необычным, так это совершенно невыразительные, мутные какие-то глаза, в которых не просматривались зрачки. Войдя в бильярдную, человек сел на лавку рядом с входом.

Андрей продолжал наблюдать за входом в бильярдную, но Эдик так и не появлялся.

– Так почему легкие на помине, во множественном числе? Пока я вижу только одного Матуту.

– То, что и требовалось доказать! – торжествую-

ще произнес собеседник. – Ты его не узнал. Тот, что сидит у входа, с бородой и длинными волосами, это и есть Эдик. Прошу любить и жаловать.

Не было оснований не верить подобному заявлению, но то, что можно было увидеть своими глазами, все же порождало сомнения, а тот ли это человек, которого многие хорошо знали как рижанина Эдика.

Андрей осторожно приблизился к человеку с бородой и присел рядом, внимательно разглядывая лицо незнакомца. Тот же ни на что не реагировал, глядя мутными своими глазами поверх головы Андрея и чему-то загадочно улыбаясь.

– Эдик! – Негромкий оклик привел, со второго раза, незнакомца в состояние некоего волнения. Он тревожно огляделся, в мутных глазах вдруг, как при фотопечати, проявились контуры зрачков. Человек в мешковатом костюме огляделся еще раз, остановил свой, уже более или менее осмысленный взгляд, на лице юноши, сидящего рядом, и улыбнулся. Теперь сомнения отпали. Хотя, честно говоря, в обросшем, пожилом на вид мужчине было трудно узнать подвижного молодого моряка из Риги, совсем еще недавно увлекавшего многих сухумчан мастерски рассказываемыми экзотическими историями. Но это был, безусловно, он. На глаза Андрея навернулись слезы. Эдик же смотрел на него задумчиво, массируя мочку уха.

– Тебе жаль меня. Ходил по набережной, думаешь ты, молодой энергичный хорошо одетый человек, порой “подкуривал”, иногда выпивал с друзьями,

и всегда имел в запасе массу интересных историй. Истории всем нравились, тем более что он умел их рассказывать.

И вдруг он исчезает, а появляется вместо него, спустя время, некто бородатый и медлительный. К тому же неряшливый, можно сказать, тип. И оказывается, что это же наш друг, “массовик-затейник” из Риги, бродяга-корсар, гроза островных пиратов, посетитель публичных домов и курилен опиума Кейптауна, или, к примеру, Марракеша. Дуэлянт и острослов. И публика с вожделением ожидает новой пищи для своих эмоций и фантазий, стыдливо пытаясь, при этом, не разглядывать помятое лицо и одежду былого кумира и отворачивая, на всякий случай, нос.

Но историй больше нет, человек почти не говорит, а если и говорит, то, в основном, странные, непонятные и неинтересные для окружающих, фразы. Восторг ожидания сменяется недовольством, затем отторжением и ненавистью. И человек становится изгоем только потому, что не оправдал чьих-то ожиданий.

А поскольку навешивание ярлыков является любимым делом определенной части населения, человеку придумывают прозвище, кличку. И вот теперь меня презрительно называют – “Космос”, не ведая, какой подарок делают мне, какую оказывают честь.

Как можно, в принципе, пытаться произносить великое это слово без уважения?

Это неразгаданная мною тайна, извращенная какая-то философия странностей человеческих ми-рооощущений.

Ведь стремление познать Космос, стать его частью и проводником, это огромное счастье, доступное далеко не всем. И огромное богатство! Не материальное, а нравственное!

— Понимаешь, — продолжал Эдик — у человечества, если вести речь о мироощущении, в самом серьезном, возвышенном значении этого слова — два основных врага. Диалектический материализм и слепая, наивная вера в существование только трех, привычных измерений. Многие думают именно так. Вернее, почти все. Но, к счастью, не все.

Он был одним из немногих, кто постиг истину и щедро нес ее людям. Но люди часто были слепы и глухи. А ведь избавиться от глухоты легко, нужно просто внимательно, с интересом и уважением слушать говорящих. И слепота тоже уходит, когда человек целенаправленно и терпеливо передвигается по восходящей спирали Познания, от низшего уровня к высшему. И, в конце концов, он начинает видеть то, что ранее было от него скрыто. У него открывается третий глаз.

Представь себе две перпендикулярных линии. Договоримся, что одна из них, допустим горизонтальная — это текущее время. А вертикальная — это время космическое, абсолютное. Математики утверждают — линии параллельные, а тем более перпендикулярные, никогда не пересекаются в пространстве. Физики усмехаются. А искривления гиперпространства в космосе, а “черные дыры”, а антиматерия? — вопрошают они. И разве всё это не влияет на направление движения?

Космос бесконечен, а значит и материя бесконечна и бессмертна!

И когда-то, где-то, эти две линии обязательно пересекутся! И возникнет параллельная реальность нового, четвертого измерения. В которой все люди, умершие на планете Земля, то есть сбросившие временнную земную оболочку из никчёмной органики, переместят свою бессмертную энергетическую суть туда, где можно будет принять любой, по сути, облик. И где продолжится жизнь каждого из нас.

Человек бессмертен!

Он это знал! Теперь знаю я, и знает Матута!

Кстати, а что думаешь по этому поводу ты, Андрей?

Не дождавшись ответа от потрясенного юноши, Эдик возбужденно произнес:

— Ты умный, тонкий и добрый человек, Андрей! Я знаю, ты поймешь и запомнишь то, что я скажу тебе. Слушай.

Если желаешь, чтобы мир изменился, сам стань этим измерением!

И верь, что даже маленький человек, вооруженный духом и неугасимой верою в свою миссию, может изменить все вокруг себя, даже ход истории!

Но никогда не считай, что достиг идеала. Ибо, как только ты в это поверишь, поиск закончится, развитие остановится и начнется движение вспять!

— Как красиво и правильно ты сказал! — с трудом разлепил слипшиеся от волнения губы Андрей. — Спасибо тебе, я обязательно запомню всё, что услышал сегодня от тебя, и обязательно буду следовать твоим советам!

— Советам? — растерянно переспросил “Космос”. — Разве я давал тебе советы? Я просто процитировал Его!

Эдик покопался во внутреннем кармане пиджака и бережно достал странный предмет. Это был небольшой серый камень, гладкая, отшлифованная морем, галька, коих в избыточном количестве рассыпано на городских пляжах.

К камню была прикреплена слегка выгнутая, по типу линзы, стеклянная пластина. Обмазанная по краям глиной. А под стеклом с трудом просматривался вырезанный из газеты, ветхий пожелтевший фотопортрет с нечетким изображением какого-то темнокожего и щуплого мужчины.

— Я знаю, фотография неважная, но другой у меня нет. Но для меня качество изображения не имеет значения. Важна энергетическая, биоэлектрическая связь, которая между нами существует. Я с ним постоянно общаюсь, мы подолгу разговариваем. Он очень многому меня научил.

Не смотри на меня так! Я не сумасшедший. А ты, значит, не узнал Его?! Это Учитель, наш Гуру! Это — Махатма Ганди!

Когда-то он, как и Мессия, отдал свою жизнь, чтобы люди на планете Земля научились слушать и слышать друг друга и голоса Космоса, стали умнее и добре. Помни это!

Проходивший мимо Матута потрепал Андрея по щеке, и протянул руку Эдику, помогая тому встать

с лавки. Оба вышли в дверь и тут же будто растворились в сыром вечернем сумраке.

Оставил Андрея наедине с целым ворохом будоражащих, необычных мыслей.

А в дверном проеме возникла привлекающая внимание своими очертаниями фигура очередного “академика”. Привлекающая, поскольку ее владелец обладал несоразмерной невысокому росту огромной акромегалической головой и кривыми, “кавалерийскими”, как говаривали местные острословы, ногами.

Причем, как утверждали все те же острословы, в детстве был он совершенно нормальным, здоровым розовощеким, подвижным и сообразительным караузом.

Проблемы начались в подростковом возрасте, когда один из старших “доброжелателей”, живших по соседству, решил вдруг сделать из юноши настоящего мужчину. И не придумал ничего лучшего, как сводить парня в «Бомбей», к местным жрицам любви.

«Бомбеем» жители города иногда называли бывшую тюрьму, еще царских времен. При Советской власти большевики перевели тюремное хозяйство в Драндский монастырь, километрах в двадцати от города, а из опустевшего теперь здания, в центре города, сделали жилой дом.

Представьте себе массивное здание без окон на фасаде, с аркой, в которую вмонтированы мощные ворота. Обычно они были не заперты, а просто закрыты. Чтобы открыть обе тяжелейшие створки, нужно было применить недюжинную силу, так что, видимо,

отворяли их, только если во двор необходимо было въехать автомобилю. Люди же проникали во двор через калитку, прорезанную в одной из створок ворот. Пройдя сквозь проем калитки, человек попадал в классический тюремный двор, такой, какие обычно изображались на многочисленных рисунках или фотографиях тюрем в разных частях планеты.

План здания представлял собой квадрат, так называемое каре. Внутри был внушительный по площади двор. На всех трех или четырех этажах по периметру здания были оборудованы металлические балконы, на которые вели тоже металлические ажурные лестницы. Сходству с настоящей тюрьмой немного мешали разномастные двери, врезанные в бывшие камеры и разноцветное белье, сушившееся на бесчисленных веревках, протянутых от балкона к балкону на всех уровнях.

Внутри двора в воздухе, как правило, висел запах жареной рыбы, анаши и “аромат” полуобщественных домовых туалетов, стояла разноязыкая вавилонская многоголосица и детский гвалт.

Что-то вроде Неаполя и Одессы, в одном “флаконе”. С южно-кавказскими оттенками.

Конечно, население “Бомбей” составляли очень разные люди. Там жили рыбаки, портовые служащие, библиотекари и милиционеры. Ну и, конечно, присутствовала и публика, скажем осторожно, маргинальная и даже криминальная. В частности, как поговаривали, именно в “Бомбее” проживали две “штатные” “дамы легкого поведения”. Или, попросту говоря – город-

ские проститутки. Одну звали, кажется, Марией или, по-простому, Машкой. Вторую же величали Маргаритой. Маргариту шутливо и почтительно называли Королевой Марго.

Как и Машка, Королева Марго была уже в солидном возрасте. У нее не было одной ноги, вместо которой она носила какую-то ужасающую конструкцию из дерева и металла, именуемую протезом. Был он тяжеленный и при ходьбе издавал специфические звуки, нечто среднее между скрипом и ударом парового молота по асфальту при ремонте дорожного покрытия. Так что царственная поступь Марго была слышна за квартал.

Надо сказать, что Королева была человеком без комплексов и отсутствие ноги депрессии у нее не вызывало. Более того, она пыталась ходить на протезе с определенным кокетством и элегантностью, играво как бы отбрасывая слегка его в сторону, соблюдая, по возможности, определенный ритм звуковой компоненты своей походки. Про Марго говорили еще, что она была автором методики вытягивания из клиентов дополнительных денег сверх оговоренного тарифа. В самый ответственный момент она умудрялась “ускользать”, требуя за “продолжение банкета” дополнительные бонусы. Сейчас и быстро. И клиенты вынуждены были поддаваться на шантаж. Потом Марго начинала, как хорошая актриса, рыдать, жаловаться на судьбу свою несчастную, скрипя для убедительности знаменитым своим протезом.

Как правило, клиенты, матерясь и угрожая расправой, все-таки не решались отнимать свои “кровные”

у несчастной жертвы Судьбы, но находили и такие, кто поколачивал Королеву, несмотря ни на что.

Именно в «Бомбей» и повел изобретательный взрослый дядька своего юного соседа с конкретной целью лишить того невинности. Не пожалев для этой цели полновесного сталинского «четвертака», двадцати пяти рублей, что было приличной для того времени суммой.

Ведь именно четвертак и являлся стандартным тарифом стоимости продажной любви.

Городской публике было неизвестно, какая именно из вышеупомянутых дам взяла на себя почетную миссию сделать из юноши полноценного мужчину. Поговаривали, что юноше такая вот «любовь», на улице, под дождем, в кустах за трансформаторной будкой в центре города, рядом с бывшей тюрьмой, не очень-то и понравилась. Но как бы там ни было, жестокую венерическую болезнь он подхватить успел. Болезнь, которая начала методически и безжалостно распоряжаться плотью его и скелетом, деформируя кости, сделав глаза постоянно слезящимися, а голос гнусавым.

Что еще бросалось в глаза, так это «стиль» одежды пришедшего. Но все по порядку.

Мужчина был молод, примерно лет двадцати пяти. Жил в районе «Маяк», считавшемся, по мнению горожан, местом криминальным. Так это было на самом деле или нет, но человек, о котором идет речь, явно принадлежал к криминальному миру, причем

не скрывал, а всячески подчеркивал сию принадлежность.

Андрей его имени не знал. Почти никто не знал его имени, ибо отзывался он только на кличку. А как раз кличку эту знали многие в городе, ибо была она непривычной для уха и достаточно экзотичной. И потому запоминалась.

Уходили в прошлое приемы советской пропаганды, когда, к примеру, на обложке сатирического журнала “Крокодил” изображались иностранные политики, особо ненавистные советскому руководству.

Такие как испанский каудильо Франко, доминиканский диктатор Трухильо, президенты Югославии – Тито, и Тайваня – Чан Кай Ши. Кстати, все четверо – генералиссимусы. И представляли они, обычно, в образах свирепых псов, с окровавленными клыками с топорами в когтистых лапах.

В компании иногда фигурировал президент Южной Кореи – Ли Сын Ман.

Неизвестно почему, но именно это имя, имя корейского политика и взял себе в качестве клички сухумский блатной, только что вошедший в бильярдную. А может, и получил ее в местах не столь отдаленных. Кто знает?

Теперь об одежде, о “стиле”, так сказать.

Одевался наш герой так, как одевались некоторые другие городские блатные: защитного цвета рубашка-сталинка навыпуск, с “чердаками”, то есть с двумя нагрудными карманами, с клапанами на пуговицах. Широкий военный ремень, и защитного же цвета, как

и рубашка, военного типа штаны-галифе. И конечно, на ногах – “прохоря”, блестящие сапоги из мягкой хромовой кожи. Очень забавно, но этот стиль, предпочитаемый блатными, был точно таким же, как и у партийных функционеров, особенно в сталинские времена.

По части головных уборов жестких предписаний не существовало.

Кто-то носил твердые суконные фуражки полууваленного типа, кто-то мягкие сванские фетровые шапочки, ну и находились модники, сочетавшие с описанным выше комплектом одежды импортные польские шляпы, сшитые по лекалам легендарных шляп “Борсалино”, известных советской публике по итальянским и французским фильмам.

На огромной же голове Ли-Сын-Мана обычно красовалась плоская кепочка-блин с пуговкой. Пуговка была обшита той же тканью, что и весь головной убор, а закреплялась она в верхней части кепки. Иногда мастер шутки ради вшивал вместо пуговицы монетку. Это давало хозяину кепки шанс заключать пари с наивными оппонентами, считавшими версию с вшитой монеткой розыгрышем. Ну и, естественно, выигрывать споры.

Увидев Андрея, Ли-Сын-Ман радостно улыбнулся, помахал рукой и, подойдя, уселся рядом.

Радость его была объяснима и, в какой-то степени походила на радость удава при виде воробья. Только интересы пресмыкающегося и пришельца в кепке с пуговкой были разные: удаву была нужна еда, Ли-

Сын-Ману – аудитория. Хотя бы в лице одного благородного слушателя.

Дело в том, что “маяцкий” блатной обладал тайной страстью. Суть этой самой страсти заключалась в том, что ее носитель испытывал постоянную и непрерывную необходимость говорить. Рассказывать окружающим какие-то невероятные истории, якобы из собственной биографии, на самом же деле услышанные, очевидно, в тюрьме или в лагере, а может быть перечитанные из прочитанных книг.

Или декламировать. Кстати, рассказчиком он был очень даже неплохим. Сюжеты его историй были живыми, динамичными, полными криминальных интриг, эротики и даже юмора. Он, несмотря на гнусавость, умело использовал голосовую тональность повествования, прямую речь персонажей с имитацией, к примеру, акцента. Иногда вставляя ненормативную лексику, а порой и фрагменты песен или мелодий.

Такой доморошенный артист разговорного жанра, народный чтец с задатками трибуна. Историй, надо сказать, он знал огромное множество. Причем, помимо устных сюжетов, в его памяти находилось место для стихотворений, песен, басней, пословиц и поговорок.

Андрей ловил себя на мысли, порой, что у него в памяти невольно остаются фрагменты лисынмановских виршей.

К примеру, ходивший позднее по городу стих – “Письмо деду от внука” впервые озвучил именно Ли.

– Письмоцо от внука получил Федот,

Внук его, как сука в лагере живет.

Интересно деду всё про внука знать,
Только неудобно вслух письмо читать.

Дальнейшие строфы включали в себя отборный мат. Внук всевозможными способами “охавал” деда и бабку, требуя от них постоянных “жирных” посылок.

Потом на письмо следовал ответ деда, очень острумный. Дед в игривой форме давал понять, что его не устраивает “статус”, в коем пребывает внук, что дед посыпает того, по сути дела, на три буквы в вопросе посылок, советуя самому “шевелить мозгами”. Андрея забавляли последние строчки:

– Передай всем уркам пламенный привет,
Я писать кончаю.
Приблудненный дед.

Многие “произведения” запомнить было крайне трудно, ибо в них щедро использовался лагерный сленг, “феня”. Его не то, что запомнить, но понять и перевести на нормальный язык, было проблемой.

Вот, к примеру, рассказ карманного воришки, “щипача” из одного сюжета:

– На садках я. Фраер нарисовался, в лепне и прохорях, бочата рыжие. Бока то я сблочил, ну еще из шкар лопатник выкупил и Ваське на пропуль дал...

А перевести можно так:

– На “работе” я. Мужик появился, в пиджаке и сапогах. И часы у него золотые. Часы я снял, а еще из брюк вытащил бумажник и передал Ваське...

Запомнилась песенка из репертуара Ли-Сын-Мана:
...А там, в пивной, там всё на электричестве,
Нажал на кнопочку, вино в любом количестве!
Нажал на кнопочку еще и раз другой,
И часа не пройдет, как ты бухой.

Потом появятся электроворы,
Судить их будут электропрокуроры,
Ловить их будут электромусора,
Возить их будут электроворона.

А мы в Америке огромный дом построим,
И всех хорошенъких девиц туда нагоним.
И через Азию и Тихий Океан любить их будем
По электропроводам.

Декламировал или напевал песенки “артист” с большим чувством, с влажными глазами, используя мельчайшие нюансы и оттенки рифмы, мелодии или отдельных слов.

В частности, в “электропесенке”, в конце, он делал “вкусовой” акцент на слове – любить. Произносил четко, разделяя на слоги, повышая тональность и увеличивая градус пафосности. Правда, в оригинале, в версии “автора”, употреблялось совсем другое слово.

Поскольку среди взрослых людей находилось не много любителей слушать байки “народного чтеца”, любимой и желанной аудиторией для того были подростки.

Кому-то из них казалось почетным, что взрослый, окутанный загадочным ореолом блатной роман-

тики, экзотической наружности человек запросто, по-панибратски общается с ними почти на равных. Кто-то, в силу мягкости характера или природной скромности не мог отказать старшему по возрасту, и вынужден был часами слушать доморощенного артиста. А тот, хитрец, чтобы заполучить слушателей, когда у него водились деньги, приглашал юношей перекусить в одну из многих недорогих забегаловок города. Надо сказать, что в них достаточно вкусно кормили. К еде Ли-Сын-Ман как правило заказывал бутылку спиртного. Обычно это была настойка местного производства, “Лимонная”, “Ромовая” или “Померанцевая”. Настойки были отвратительными по вкусу, но “хватали”. Так что после одной или двух рюмок, влитых в подростков по принципу – за маму, папу, за дедушку, Артист получал расслабленных, сентиментальных и благодарных слушателей.

Вот и сейчас, хлопнув Андрея по колену, заговорщицки улыбаясь, Ли произнес просительно-захлекающим тоном: – Андрюша, есть хочу. Составь компанию.

– Не могу, – отвечал Андрей. – За мной должны с минуты на минуту зайти. Мой дядя Арвелод. Милиционер. Ты его видел. Может, в следующий раз.

Услышав о дяде-милиционере, Ли-Сын-Ман сразу же потерял к Андрею интерес и отошел в дальний угол зала.

Андрей проводил его глазами и видел, как тот присел на лавку, присоединившись к компании из четырех человек. Троє мужчин среднего возраста подчер-

кнуто уважительно, что читалось по их напряженным позам, внимали четвертому, постарше, который что-то рассказывал. Говорил он, видимо, вполголоса, во всяком случае, слова его заглушал привычный для Академии гул от переговоров и возгласов игроков и болельщиков, а так же от стука бильярдных шаров.

Андрей немного знал говорящего. Надо сказать, что тот являлся не менее колоритной личностью, чем Ли-Сын-Ман.

В возрасте, за пятьдесят, выглядел он гораздо моложе своих лет. Сухопарый, жилистый высокий блондин, очень энергичный и подвижный. Эмоциональность его движений удивительным образом сочеталась с взвешенной, даже слегка замедленной речью образованного и начитанного человека. Всегда аккуратно одетый, он предпочитал светлые консервативные двубортные костюмы, коих у него было четыре или пять. Ткани этих костюмов, типа габардина или бостона, давно вышли из моды, но смотрелись на нем, надо сказать, довольно элегантно и современно. С костюмом носил он не привычную сорочку с галстуком, а “малороссийскую” расшитую косоворотку. На лацкане пиджака красовался бело-голубой университетский “ромб”.

И его настоящего имени почти никто не знал, ибо, как правило, он каждый раз представлялся по-разному. Даже тем, кого достаточно хорошо знал.

Поскольку загадочный этот человек жил в одном дворе с одноклассником Андрея, некоторая информация о нем, скрываемая от многих других, понемногу

“утекала”. В частности, Андрею было известно, что звали его Сергей Максимович.

Когда-то он тоже имел отношение к криминальному миру. А правильнее сказать, был активным членом банды, орудовавшей на территории республики в сороковые годы, в военное и послевоенное время. На счету банды были серьезные грабежи магазинов, сберегательных касс и даже почтовых вагонов, перевозивших, в том числе, наличные деньги. Бандиты были дерзкими и жестокими, оставляя после нападений раненых и убитых.

Тем немногочисленным работникам милиции, не ушедших на фронт, испытывающих проблемы с транспортом, со средствами связи, да и с оружием тоже, было трудно справиться с многочисленной, хорошо организованной и вооруженной бандой. Арестовать часть бандитов удалось только после войны, в 1946 году. После удачного “дела” банда “залегла на дно” и в течение нескольких месяцев оперативники сбились с ног в поисках преступников. Потом напряжение, как обычно бывает, стало спадать.

Успокоившись, затворники вышли из “подполья”. Потеряв бдительность, зашли компанией из пяти человек в коммерческий ресторан “Рица” на сухумской набережной. В зале был полумрак, поскольку электричество подавалось в сеть вполсилы, в воздухе висели клубы табачного дыма, и стоял привычный для ресторана пьяный гвалт. За столами сидело много офицеров, особенно морских, ибо в порту базировались несколько военных кораблей. Многие были с дамами. Оркестр шумно играл танцевальную музыку.

Поначалу все шло нормально. Компания взрослых, хорошо одетых мужчин не привлекала особого внимания среди пестрого человеческого муравейника в плохо освещенном ресторанном зале. Тем более что людьми публичными бандиты не были и их мало кто знал в лицо.

Но, как говорится – трагическое стечеие обстоятельств. Кто-то кого-то узнал и сообщил “куда надо”.

Не надеясь на свои силы, милиция попросила помощи у военной комендатуры. Оперативникам были приданы два отделения из взвода военных моряков, охранявших порт. Здание гостиницы, в которой находился ресторан, полностью оцепили, блокировав запасные выходы. Взяли под контроль автоматчиков бульвар по периметру фасада здания и, на всякий случай, второй и третий этажи гостиницы. Для гарантии выставили усиленные тайные посты в квартале от ресторана, на всех направлениях.

И стали ждать.

Дальнейшие действия развивались совсем как в приключенческом кинофильме.

Поздно ночью ресторан закрывался, и посетители стали расходится. Наши “герои”, чтобы не привлекать внимания, решили выходить по одному, “приклеиваясь” к шумным компаниям незнакомых людей. И, как показалось сначала, задумка сработала. Первая группа посетителей без проблем покинула ресторан и спокойно направилась по набережной в сторону порта. Так же, без проблем, вышли из ресторана еще двое бандитов, смешавшихся с подгулявшими офицерами.

Когда на улице оказался четвертый, Сергей Максимович решил, что вечер удался и завершается удачно. И облегченно вздохнул.

В этот момент темную плоскость оконного стекла как будто взрезала яркая вспышка, за ней вторая и, с задержкой на доли секунды, подряд прозвучали два выстрела. Характерные громкие хлопки.

— Пистолет! — автоматически отметил для себя Сергей. — Парабеллум!

Немецкие Парабеллумы были излюбленным оружием бандитов. Мощные и неприхотливые, с удобной рукоятью. У милиции же было отечественное стрелковое оружие, пистолеты ТТ и автоматы ППШ.

Следовательно, стрелял кто-то из “коллег” Сергея. После короткой паузы на улице “заработали” автоматы, а затем чуть в стороне послышался чей-то протяжный крик и топот сапог.

Решение пришло спонтанно и неосознанно. Сергей рванул портьеру из толстой декоративной ткани, висевшую в арке на входе в ресторанный зал и бросился к витрине, по пути набрасывая на себя ткань, пытаясь обернуть ее вокруг тела.

Прыжок, удар, звенящий грохот осыпающегося витринного стекла. Толстая ткань смягчила падение, тем более, что ресторан, как говорилось выше, был на первом этаже здания. Но вырваться наружу совсем не означало оказаться на свободе.

Андрей помнил, как Сергей Максимович рассказывал кому-то об этом самом вечере.

— Плюхнувшись об асфальт, я не испытал боли.

Какая-то внутренняя пружина, расправившись, моментально поставила меня на ноги. На набережной горели фонари, и я отчетливо видел, что практически за каждым деревом в сквере напротив, прятался оперативник или матрос с автоматом в руках. Сдаваясь в этой ситуации я посчитал, видимо, недостойным для мужчины. Да и смысла в этом никакого не было. Мне не светило ничего хорошего, останься я в живых.

Умирать, так с музыкой! Незнакомое ранее, пьянящее чувство безграничной свободы и смелости охватило меня, я рванул из-за пояса два своих Парабеллума...

Автоматной очереди он уже не слышал. Очнулся спустя несколько дней в военном госпитале в городе Кутаиси, в палате с решетками на окнах и вооруженной охраной из солдат НКВД в коридоре, за железной дверью. Позже узнал от следователя, что двое его подельников были в тот вечер арестованы, один убит, а одному чудом удалось уйти.

Арестованным совершенно точно грозила высшая мера, но, учитывая масштабы и объем их “художеств”, следствие затянулось. А когда дело передали в суд, уже был обнародован указ об отмене смертной казни. Бандиты получили по “четвертаку”, то есть по двадцать пять лет лагерей и отправились на Север нашей необъятной Родины, рубить лес для народного хозяйства страны.

Потом, в 1950 году, была большая амнистия, когда заключенных выпускали тысячами, но убийц и бандитов она не коснулась.

Сергей Максимович рассказывал позже соседям, что решил “косить” под сумасшедшего. Добился, что из лагеря его направили в закрытую психлечебницу под Казанью, откуда через три года комиссовали, то есть отпустили на свободу, как не представлявшего опасности для общества. Правда, люди, хорошо его знающие, были уверены, что в лагере он не “косил”, а на самом деле тронулся умом. Возможно, как следствие болезни, лицевые мышцы его с одной стороны были подвержены странному тику. Казалось, что он постоянно подмигивает левым глазом. Странности его, пожалуй, этим тиком и ограничивались. Неудобств окружающим они не доставляли, будучи совершенно безобидными.

Неизвестно, как ему удалось поселиться и прописаться в режимной пограничной зоне, но удалось.

Жил он бобылем, тихо, был нелюдим, лишь иногда, выпив немного вина, становился словоохотливым, испытывая желание поразглагольствовать на тему текущей политики. О прошлом вспоминать не любил, только иногда произносил странную фразу, что якобы еще с молодости не может ходить без оружия. Но никакого оружия никто и никогда у него не наблюдал. И университета никакого он, конечно, не заканчивал, а ромбик достался ему, видимо, по случаю.

Работал же он, то ли учетчиком, то ли завскладом в системе местной потребкооперации.

Андрей вспомнил про шок, который ему пришлось как-то испытать. Причиной шока был все тот же Сергей Максимович. Вернее, не причиной, но участником событий, явившихся той самой причиной.

Ресторан на сухумском железнодорожном вокзале славился своей кухней и очень умеренными ценами. Там практически всегда, в любое время дня было много посетителей. Андрея и двух одноклассников старший брат одного из них пригласил на суп “чанах”, который отменно готовили в вокзальном ресторане.

За соседним столом расположилась компания незнакомых мужчин. И пока брат друга делал официантке заказ, в зал вошел Сергей Максимович и присел к посетителям за соседний стол.

Чуть дальше за двумя сдвинутыми столами “гуляла” группа подвыпивших пожилых горцев. Небритые, в мягких войлочных шапочках, с суровыми лицами.

Несмотря на то, что практически все посетители пили что-либо спиртное, тосты, звучавшие за каждым столом, терялись на общем негромком звуковом фоне зала. Здравицы как бы растворялись в огромном объеме ресторана, никому не мешая и никого не раздражая.

Подростки же пили только лимонад. Андрею было интересно незаметно рассматривать тех, кто сидел поблизости, отмечая для себя экзотический порой внешний вид сельских жителей, коих немало было в вокзальном ресторане, разнообразие акцентов и манеру вести разговор. Пытался запоминать он оригинальные словесные конструкции, возводимые порой мужчинами, произносящими тосты.

Внимание Андрея привлек вдруг седой мужчина, с глубоко посаженными черными глазами, в толстом свитере и “сванской” шапочке, сидевший напротив Сергея Максимовича, за соседним столом.

Он внимательно посмотрел на своего визави, потом резко встал и, показывая на того пальцем, грубо, громко произнес по-русски, с сильным акцентом:

— Эй ты, встань! Да, да, ты! Встань, говорю, когда к тебе обращается старший!

И когда удивленный Сергей Максимович машинально поднялся, старик продолжил:

— Ты что это мне подмигиваешь? Ты, что, пидор? Ты меня перед уважаемыми людьми унизить решил? Так я тебя проучу, в ногах сейчас валяться будешь!

В зале воцарилась тишина. Тем, кто знал Сергея Максимовича, стало ясно, что “медвежью” услугу оказала ему бывшая болезнь, тот самый нервный тик, который легко можно было принять за подмывивание.

Но объяснять это сейчас, в острой ситуации, после сказанных оскорбительных слов, было невозможно. Тем более что горец вытащил из-под свитера Парамбеллум и, передернув затвор, направил ствол на своего предполагаемого обидчика.

В горных селах, где во время Отечественной Войны шли тяжелые бои с немецкой дивизией “Эдельвейс”, и по сей день оставались внушительные запасы оружия. Многие горцы были вооружены, а, учитывая их природную суровость и жесткие обычаи предков, сохранившиеся и сегодня, сложившаяся ситуация ничего хорошего не предвещала.

Публикой овладел ужас. И, что самое страшное, конфликт, теоретически, не имел ни малейшего шанса на мирное разрешение.

Слова, уже произнесенные, не могли быть проще-

ны! Да и оружие в руках горца не могло быть просто так убрано, опять за пояс брюк.

Со стороны казалось, что время тянется очень медленно, вязко, как бывает во сне, в то же время как будто невидимый метроном громко отчитывал, с металлическим щелканьем, секунды.

– На колени! – Ударяя по барабанным перепонкам невольных свидетелей драмы, в полнейшей тишине снова прозвучал хриплый голос человека с Парабеллумом.

Все взоры были устремлены со страхом в сторону Сергея Максимовича.

Именно то, что произошло потом, и ввергло Андрея, да и многих, если не всех присутствующих, в шок.

Совершено спокойно, не меняя выражение лица, неспешными плавными движениями, Сергей Максимович стал... расстегивать пуговицы на ширинке брюк.

Горец, готовый в любую секунду нажать на курок, смотрел на происходящее широко раскрытыми глазами, явно ничего не понимая и не зная, как ему поступать.

– Всё!!! – с ужасом подумал Андрей – Видимо, в состоянии стресса, чувствуя неминуемую свою скорую гибель, в ответ на несправедливое обвинение и страшное оскорбление, решил отчаявшийся человек хоть как-то унизить убийцу, оголив прилюдно мужское свое достоинство. Южанину могло прийти в голову подобное.

Сейчас справится он с пуговицами и... прозвучит роковой выстрел!!!

Запустив руку глубоко в недра расстегнутой ширинки и, немного повозившись там, наш герой извлек наружу... нет, совсем не то, о чём подумал Андрей.

Спокойно, будто доставая, к примеру, расческу, Сергей Максимович выудил из штанов небольшой никелированный плоский пистолет, щелкнул предохранителем и направил в сторону горца.

ТАКОГО никто предположить не мог!!! В первую очередь, сам горец. И пока продолжалась пауза, кто-то из посетителей осторожно произнес, обращаясь к нему – Дядя, ты не так всё понял. Никто тебе не подмигивал, это у него болезнь такая.

Да старик, видимо и сам стал понимать, что, не разобравшись, оскорбил невинного человека. Ведь всё последнее, трагически-напряженное время, он видел лицо своего мнимого обидчика, и стало ему ясно, что у того, действительно, нервный тик. И поняв ситуацию, а возможно, еще и восхищенный гордостью и мужеством человека, которого он был готов унизить и разорвать на части еще минуту тому назад, гордый и суровый стариk первым опустил ствол.

Вот и перестала быть загадкой фраза Сергея Максимовича, что без оружия он не ходит.

Завершилось приключение в лучших традициях Кавказа. Чтобы забыть обиды, помимо извинений, необходимо было вместе “преломить хлеб”, что

и было сделано за сдвинутыми столами. Но и этого оказалось недостаточно. Стариk, сказав, что обиду обязательно нужно смыть кровью, закатал рукав свитера и полоснул по руке ножом. Кровь брызнула на белую скатерть.

Сняв пиджак, так же поступил и его недавний противник. Мужчины прижали руки друг к другу, рану к ране, смешав, таким образом, кровь.

— Теперь мы братья!!! — с пафосом произнес горец. — А значит, весь мой род — твои родные!

У Андрея от пережитого закружилась голова. Расчтавшись, молодые люди вышли из зала. В ресторане же, за сдвинутыми столами, продолжалось застолье.

На вокзале, естественно, находилось отделение милиции, и у участников драмы могли быть серьезные неприятности.

Но в огромном зале ресторана, к счастью, не нашлось ни одного “стукача”.

Вспомнив былое приключение, свидетелем которого ему довелось быть, Андрей улыбнулся. Взглянув на часы, стал пробираться к выходу, почтительно прощаясь со всеми.

Академия же продолжала жить привычной жизнью. Под стук бильярдных шаров небольшие компании сухумчан, когда спокойно и размеренно, когда с жаром и пафосом обсуждали самые разные проблемы городского, квартального или поистине космического значения.

Вот, к примеру, о чем-то рассказывал друзьям известный выдумщик и мелкий аферист Ражден. Друзья же с интересом ему внимали.

Кстати, действия Раждена в части мелких афер выглядели, иногда, довольно изобретательными.

В городе, в определенной среде, была популярна несложная игра в “номера”. Играли два человека. Брались внушительные “сталинские” денежные купюры и назывались, одним из игроков, три цифры из шести, отпечатанных на дензнаках.

Победитель выявлялся в результате подсчета каждой трехцифровой комбинации.

Часто, чтобы ускорить процесс, шесть цифр просто делили пополам, по принципу – “зад” или “перед”. Так вот, этот самый Ражден умудрялся с ювелирной точностью разрезать купюры пополам и незаметно склеивать разные половинки, где одна часть обеспечивала выигрыш выбравшему – “зад”, а вторая – “перед”. А представить нужную часть купюры для подсчета, это простите, совсем небольшая, как говорилось, ловкость рук.

Вариант беспроигрышный. Правда, пока о нем не узнали горожане.

Вначале Раждена собирались поколотить, потом простили, по принципу – каждый зарабатывает, как может!

Приблизившись, Андрей услышал негромкий, но эмоциональный монолог. Рассказчик с детства немного заикался и, испытывая по этому поводу комплекс, старался говорить быстро, не позволяя себе пауз. Такое перманентное повествование действи-

тельно скрывало заикание, а горячность и владение интонацией плюс “живописный” акцент делали речь Раждена яркой, живой.

– Дядькин мандарина немножка прадал, бабки на кармане имею, думаю, что нада мения эта бабки здесь зимой на ресторану впустую тратить. Паиду, думал я, в Москву. Пошил у армян в “Интуристе” модни кастюм, купил у спекулианта итальянски тупли-лодочка, адалжил у зятю импортний ратиновий пальто и сел в поезд.

Прихажу на Москву, Курском вакзале, иду по перрону, в жёлти пальто, как пранцуз или итальянец. Падходит ка мне два красивий девушки и что-то по-иностранныму спрашивают. А я не панимаю. Тогда они гаварят – если он по-иностранныму не панимає, а виглядит, как инастранец, значит он грузин! А ми, гаварит, очень грузинский мужчина лиубим. Пайдем, гаварят, генацвале, кацо, к нам в гости, ми, гаварят, тут живем недалеко.

А я с собой мандарина, пейхоя, чурчхела имею. И вино тоже, дамашний. Купил немножко на магазине кониаки, шиколады и пашол к этим девушкам в гости.

Там на квартире арганизовали ани хлеб-соль, стол накрили, патом музика сделали, магнитопон включили и танцуют са мной, а я как ирански шах на сваєм гареме гулиаю вавсю. А что было патом, позже, даже рассказать не могу, с ними с двумя на пастели я бил, до трех часов утра...

– Сразу с двумя? – Одновременно восхищенно и недоверчиво вопрошали слушатели, умудряясь

вклинивать свой вопрос в бурно текущую реку ражденовых воспоминаний.

— А что, подумаешь, это я хорошо умею! — не останавливаясь, продолжал рассказчик.

— Патом уснул я, разбудили меня в шесть часов утром. Два здаровий мужика разбудили. Спрашивают, как это ты, кацо, в наши квартира залез? Я отвечаю, девачки на гости пазвали. Какие ишо девачки, говорят ани, никакой девачки здес нет, а ми сейчас милиция пазавем. Или быстро исчезай, гаварят, из наши квартира. Адеваюсь, сматрию, ваймэ, где мой денги? Нету, исчез. Дайте, гаварю мой чемодан. Отвечают, никакой чемодан у тебя не бил. А мой ратинови импортни пальто? Никакой пальто, гаварят ми не видели и не знаем. И исчезай, гаварят, бистрее.

Пашел я замерзший, на Курски вакзал, падаждал сухумски поезд и еле-еле утаварил проводницу забрать меня. Эхал назад в жестоком вагоне. Харашо, напротив добри женщина сидел, она меня пакармил, дал яички и жарений куткуричка.

Так я пришел дамой. А сегодня у себя плахой балезн абнаружил, не знаю, то ли сифон, то ли трифон, завтра к врачу сабираюсь!

Подмигнув одному из слушателей Раждена, Андрей продолжил осторожное движение в сторону выхода, мимо столов, стараясь не мешать игрокам.

Недалеко от дверей “заседала” еще одна “компания по интересам”.

Это были представители так называемой “парапетной интеллигенции”. Люди зрелого возраста,

не получившие, в силу разных причин, высшего образования, но любознательные по природе.

Пытавшиеся всегда быть в курсе политических, спортивных и научных событий, естественно в том объеме, который можно почерпнуть из газет, журналов типа "Вокруг света" или "Техника молодежи" и из киножурналов "Новости дня". Этими новостными киносборниками, в обязательном порядке предварялись просмотры художественных фильмов в советских кинотеатрах.

И сейчас они обсуждали серьезную, видимо, научную тему.

— Нет, вы мне ответьте, — вопрошал бывший таксист, ныне пенсионер, будучи слегка "под мухой", придирчиво оглядывая собеседников поверх очков, чудом державшихся у него на конце носа, — вот почему вертолет летит, крыльев у него нет, только пропеллер крутится и всё. А он ведь не падает на землю и в небеса, наверх или, к примеру, в космос не улетает! Так скажите, объясните мне, почему?

— Ну, наверное, — неуверенно, после паузы, прошептавшись, пытается ответить один из "коллег", — земля такое свойство имеет, она его сосет, сосет и не пускает.

— Конечно, — встрепенувшись от дремоты, рассудительно и солидно включается в разговор еще один единомышленник, — научный феномен это. Земное притяжение называется. Гравитация! — с уважением, почти прослезившись, произносит человек красивое и очень важное для текущего разговора, слово.

— Вот и ответ на вопрос, почему меня часто “тянет” в Академию! Где еще можно одновременно повстречать таких удивительных, уникальных людей, земляков наших? И где еще можно услышать фантастические, такие интересные и познавательные рассказы о жизни? Ведь не важно, в конечном итоге, где там правда, где выдумка, а где откровенная, но святая ложь?

На улице давно стемнело. Ветра не было, но заметно похолодало. Небо над городом было уже привычно чистым, бездонным, цвета темно-синего бархата, усеянного россыпью сверкающих алмазов. Крупные — испускали холодный, яркий и лучистый свет, мелкие просто искрились, загадочно перемигиваясь. И угадывался в этой космической звездной игре сложный музыкальный ритм. А в скоплении звезд можно было рассмотреть неясный силуэт, напоминающий мост, перекинутый через всю Вселенную.

— Ночь обещает быть холодной, но завтра выйдет солнце и днем обязательно будет тепло! Как же я люблю свой город, свою Абхазию, Обитель души моей! И летом и зимой! Да всегда!

Улыбнувшись, Андрей застегнул куртку и зашагал в сторону дома по тенистым и чистым улицам спокойного и уютного вечернего города.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Контур неясный синеющих гор 7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Редута, 68 207

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Тодараба, генацвале

(Три письма из Израиля) 245

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Мост в обитель души 265

Литературно-художественное издание

Владимир Делба
АПСНЫ,
ОБИТЕЛЬ ДУШИ МОЕЙ...

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная верстка, макет — Марина Кива
Корректура авторская

Гарнитура Minion
Тираж 1000 экз.
Сдано в набор 10.07.2015
Подписано в печать 22.07.2015

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.